

МЕЛОВОЕ — ВОСТОЧНЫЙ ПОРОГ УКРАИНЫ

И.Г.Озерной

МЕЛОВОЕ — восточный порог Украины

Сертификату районному
советов ветеранов от ветеран
ской организации Меловского
и сотрудничестве о нашей дружбе.

С уважением
В.А. Грозавина
14.09.05

ББК 63.3(4Укр-4Луг)
О 46

О 46 Озерной И.Г. Меловое — восточный порог Украины —
Луганск: ООО «Промпечатъ», 2005. — 248 с.

ISBN 966-8606-08-6

ББК 63.3(4Укр-4Луг)

Книга создана при поддержке
народного депутата Украины
Галочки Николая Михайловича

Уважаемый читатель!

Историко-краеведческий очерк «Меловое — восточный порог Украины» посвящен 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 60-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков. Более шестидесяти лет назад Красная Армия освободила первый районный центр Украины — посёлок Меловое, положив этим начало освобождения украинского народа от фашистской нечисти. Сегодня, в условиях национального и культурного возрождения нашей страны, особая роль принадлежит краеведению, которое является основой научно-познавательной, просветительской и воспитательной работы среди широких слоёв населения и в первую очередь подрастающего поколения. Отрадно отметить, что в последнее время значительно возросло количество краеведческих исследований. Издаются исчерпывающие летописи районов, больших и малых населённых пунктов Луганщины. К уже имеющимся мы добавили работу директора Меловского районного краеведческого музея Ивана Григорьевича Озерного «Меловое — восточный порог Украины», посвященную началу освобождения Украины.

Следя за событиями более чем 60-летней давности, восстановленными автором по архивным документам и воспоминаниям участников тех событий, читатель узнаёт о жизни и быте советских людей, о мужестве и героизме солдат Красной Армии и меловчан, проявленных в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Верю, что данная книга поможет молодёжи и всем жителям Меловского района глубже познать историю своего края, укрепить наши корни, а главное — пробудит в сердцах любовь к родной Меловщине. Всё это необходимо в наше время, время строительства новой державы — независимой Украины.

*Председатель Меловского
районного совета*

С.В.Соколов

ISBN 966-8606-08-6

© Озерной Ю.Г.
© ООО «Промпечатъ», 2005

Указание

- По балке узенькой к Чертково
- Тропою тысячи смертей
- Ползли и отступали снова
- Все долгих 29 дней.
- В снегу, в бинтах, промокших кровью,
- Мы штурмовали этот ад.
- По мне, сравниться с этим может,
- Наверно, только Сталинград.

И.Кучин

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...»

Кто не помнит песни «Если завтра война...?» Этот вопрос относится к старшему поколению. Песня звучала по радио, была в паблет с экрана кинофильма того же названия. Ее пели и школьники, и взрослые. Затаив дыхание, мы смотрели на киноэкран, а там быстро, как птицы, советские танки перелетали через мосты, преодолевали водные преграды, пехота штурмовала неприступные крепости мнимого противника, наши соколы засыпали градом огня вражеские соединения и их аэродромы. В мирное довоенное время эта песня вызывала гордость за нашу армию, будила в душах юношей и девушек высокие патристические чувства...

В первый день войны вновь зазвучала знакомая всем песня, но слова ее уже были другими:

Если завтра война ...

Так мы пели вчера,

А сегодня война наступила,

И когда подошла боевая пора,

Запеваем мы с новою силой...

А дальше все, что мы видели на киноэкранах, воспроизводилось с жуткой силой в жизни.

Только в действительности все оказалось по-другому. И через некоторое время родилась новая песня:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой

С фашистской силой темною,

С проклятою ордой!

И страна поднималась. О событиях первых дней войны знаем очень мало. Следопыты в этом направлении работали недостаточно. Да и их ли это вина?

Армия отступала, подвигов в это время совершалось не так уж много, докапываться до сути и причин такого состояния в ту пору никто не хотел.

Зачем? Не героический ли был период. Даже в таком Академическом нападении, как «История городов и сел Украинской ССР. Луганская

Так начинались грозные дни

область» этим событиям отведено совсем мало места. В разделе «Меловской район» всего лишь несколькими строками сообщается о трагической странице из жизни людей того времени: «Началась Великая Отечественная война. На фронт ушло много трудящихся поселка. Местные предприятия и колхозы выполняли заказ фронта. В начале июля 1942 года линия обороны приблизилась к Меловому. Гитлеровцы жестоко бомбили поселок». И все. Прямо скажем не густо. По возможности постараюсь восполнить этот пробел.

Итак, страна поднималась на битву с ненавистным врагом. ... К двери военкомата подошел Мелитон Кантария — грузин. Он перешагнул через порог военкомата, оставив за спиной мирную жизнь. Но еще не знал, что перешагнул не только порог жизни, через этот порог он шагнул в легенду. Тогда молодой парень задумчиво смотрел на вершины родных гор, слушал, как поют горные ветры. Конечно, он не думал, что ему выпадет услышать последние залпы этой чудовищной войны в поверженном Берлине, что именно он, М. Кантария, возвестит всему миру, водрузив алое знамя Победы над фашистским рейхстагом, что с фашизмом покончено.

В первые дни войны точно также действовали и наши земляки. Они тоже из всех сел района спешили к райвоенкомату. Шли и ехали, добирались до поселка, с любовью озираясь на бесконечные просторы, смотрели, как наливаются золотым колосом хлеб на колхозных полях...

А позже многие из меловчан тоже стали людьми из легенды.

В жизнь каждого из нас Великая Отечественная война 1941—1945 гг. вошла по-разному. И для всех какой-то стороной одинаково. 22 июня жители Житомира, Киева, Севастополя, Каунаса и некоторых других городов приняли на себя первые разрывы фашистских бомб, первый смертельный груз в четыре часа утра. Мы же в это время спали, не подозревая о той великой беде, коснувшейся нас своим черным крылом.

Для меня война началась так. Раннее утро. Прошел теплый июньский дождик. Шагая по мокрому асфальту рабочего городка завода имени Октябрьской революции в городе Луганске, спешу на проводы в армию моего старшего друга Дмитрия Бугаева. На душе радостно от того, что меня пригласили на торжество. В то же время испытываю грусть: на долгое время разлучусь с другом. Не с кем будет ходить в кино, в театр. Теряю, может быть навсегда, интересного собеседника, который так много рассказывает на рыбу, о славном Стрелешком конном заводе, его скакунах, спортивных победах его питомцев.

Иду и не подозреваю, что в это время где-то на западе грохочут пушки и льется кровь ни в чем не повинных людей. А о том, что началась война, я узнаю в городском военкомате. Там подвыпившие провожающие танцуют под громкую музыку, поют частушки, суля будущим воинам легкую победу и быструю гибель проклятому Гитлеру и фашистам.

Провожающие не знали, что накануне этого дня в сумерках голубоватого июньского вечера на одном из участков западной границы дозорные услышали, как воздух наполнился тревожными всплесками воды. Была поднята по тревоге застава: нарушитель пытается переплыть нейтральную реку. Было решено пропустить и взять на нашем берегу. Приказ есть приказ. Пограничники ждали. Нарушитель вышел на берег, поднялся во весь рост и пошел по берегу. Он не торопился. На оклик пограничников поднял дрожавшие руки. Отозвался на немецком языке, назвав свою фамилию: Альфред Лескоф, солдат 117-го стрелкового полка 74 дивизии. Это первый военнопленный германского вермахта. Он сообщил, что считал долгом рабочей солидарности предупредить Красную Армию, что в четыре ноль-ноль на рассвете 22-го июня немецкая армия перейдет в наступление вдоль

всех западных границ СССР, что мы должны успеть поднять силы, еще многое можно успеть.

Об этом случае нам поведала Оксана Кравец в книге «Путешествие в страну 72000 рек» (Детгиз. М. 1967 г.). Начальник пограничного отряда Быковский тот час же передал тревожное известие в штаб во Владимир-Волынский. А оттуда ответили:

— Все это чепуха. Вы читали сегодняшнюю «Правду»? Там опубликовано сообщение ТАСС о всяких ложных слухах. Не верьте вы вашему немцу. Пошлите его к чертам собачим...

А слухи были. Народ уже рассказывал анекдоты, а в них говорилось, что немцы подтягивают к границам СССР войска и, несомненно, к чему-то готовятся. Все это не ушло от зоркого глаза народа:

— Зачем ты подтягиваешь войска? — спрашивает Сталин у Гитлера.

— На отдых, отвечает тот.

— А зачем ты подтягиваешь свои войска к границам? — спрашивает Гитлер у Сталина.

— Чтобы охранять отдых твоих солдат, — сообщает ему Сталин.

— Спокойной ночи.

Ночь была неспокойная на протяжении всей западной границы Советского Союза.

С рассветом со стороны границы начал парастать, шириться глухой рокот, словно оттуда, с запада, надвигалась гроза и становилась все ближе и ближе. А потом ухули изготовленные к бою гаубицы. Было ровно четыре...

Это произошло далеко от нас, на западной границе.

А в это время у нас, на крайнем северо-востоке украинской земли, в лучах невысокого, по-утреннему прохладного солнечного диска в сляках горлянили вторые лстухи, в скошенных лугах переливали перепела. У нас все вокруг было еще мирным: хозяйки начинали разводить огонь в печах, готовя завтрак для семьи. В воздухе запахло первым дымом... Колхозные стада, взбивая копытами тучи пыли, собирались на околицах сел.

Просыпалась мирная страна, а на западных рубежах началась неоявляющаяся война. Забегая немного вперед, обратим внимание на то, что в советское время историки применяли термин о «внезапном нападении» фашистской Германии на СССР. Но в беседе с писателем Иваном Стаднюком бывший министр иностранных дел (нарком) Вячеслав Молотов, спустя почти пятьдесят лет, сказал, что «в большой политике внезапностей не бывает, бывают только неожиданности».

Сегодня нам хорошо известно, что Сталин и руководители наркомата внутренних дел располагали обширной информацией о подготовке Гитлером нападения на Советский Союз, о плане стратегического наступления германских войск и даже о сроках его начала. Однако эта информация упрямо игнорировалась политическим руководством. Поэтому, как утверждают историки, формируя сегодняшний взгляд на события того времени, и не были своевременно приняты меры по подготовке страны и вооруженных сил к отражению агрессии. Заявление же о «внезапности» нападения врага стало очередным политическим маневром Сталина и его окружения, очередной попыткой уйти от ответственности. Иначе пришлось бы признать неготовность войск при граничных округах, да и всей страны к войне, объяснить, почему страна оказалась в столь катастрофическом положении и кто несет ответственность за это.

На этот вопрос так же ясно ответил Стаднюку В. Молотов. Работая над романом «Москва. 41-й», Иван Стаднюк часто беседовал с Вячеславом Михайловичем, и тот ему не единожды утверждал, что Сталин часто напоминал в Политбюро ЦК о близости и неизбежности решающей военной схватки с фашистской Германией. А когда в их разговорах возникал вопрос о внезапности нападения Германии на СССР, «Вячеслав Михайлович» с усмешкой замечал, что в своих обращениях к народу о начале войны ни он, ни Сталин этого выражения не употребляли. Шла речь только о вероломстве.

Так ли это? 3-го июля 1941 г., выступая по радио, И. В. Сталин сказал: «К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии...» и т. д. Посмотрим на его доклад на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской социалистической революции. 6-го ноября 1941 года. В докладе он сказал, что «...истекший год является не только годом мирного строительства, Он является вместе с тем годом войны с немецкими захватчиками, вероломно напавшими на нашу страну.» Таким образом ни Сталин, ни Молотов ни один раз не употребил термин о «внезапном нападении». Конечно, нападение готовилось, и разведки работали, как с одной, так и с другой стороны.

Но писатель настойчиво добивался ответа от Молотова.

— Вячеслав Михайлович, но агрессивность Германии против нас действительно была внезапной?

— Внезапность, конечно, была, но только тактическая! Мы в советском первом имели полные сведения о плане «Барбаросса» Гитлера

о концентрации его войск вдоль наших западных границ. Но только не знали, в какой день и в какой час начнется агрессия. А готовиться к ней стали заблаговременно. Иначе зачем было нам еще в мае месяце из глубины страны перебрасывать в западные пограничные округа в общей сложности семь армий? Зачем проводить тайную мобилизацию восьмисот тысяч призывников и продвигать их к западным границам в составе резервных дивизий военных округов?

Как видим, ответ весьма убедителен, и приведенный выше анекдот о стягивании гитлеровских дивизий к границам нашей страны для отдыха подтверждает слова В. Молотова. Тем более, что все это уже сейчас известно. И несмотря на это до сих пор идет спор между историками об употреблении термина «внезапно». Да, для пограничников это была внезапность. По этому берегу пограничного Буга к переправе ползло стадо танков с белыми крестами по бокам. Через несколько минут они начали жевать нашу землю на нашем пограничном берегу.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА. «ОГНЕННЫЙ ВЫПУСК»

Воскресное утро для жителей поселков Меловое и Чертково не предвещало ничего плохого. У каждого были свои заботы. Но больше всего хлопот выпало выпускникам Меловской средней школы. 18 июня они сдали свой последний экзамен, а на 22 июня назначался выпускной вечер. Так что и у выпускников, и у их родителей забот в это утро хватало.

Юноши разглаживали модные в ту пору клёши, всматривались в зеркало и поправляли свою «политику» — так тогда называли буйные, зачесанные кверху шевелюры. Девушки всматривались в зеркало, подгоняя в какой уже раз белые платья. Каждому в этот последний школьный вечер в июне хотелось быть самым-самым... Все были торжественно приподняты накануне вечера и немного грустны. Ведь именно сегодня предстояло расставание со школой, детством, встречаясь с новым, неизведанным — взрослой самостоятельной жизнью.

Много было у вчерашних школьников мыслей о будущем. Они мечтали посвятить себя почетным профессиям — стать врачами, педагогами, инженерами, агрономами.

Нынешнему поколению нелегко понять, о чем мечтали юноши и девушки тех лет. Ведь их желания были ограничены скромными возможностями. Это было то поколение, которое увидело первые тракторы и автомашину. Они смотрели первые фильмы, от чего испытывали неважанный восторг. Это были «Броненосец Потемкин» с субтитрами и первые звуковые киноленты «Веселые ребята», «Мы из Kronштадта», «Гибель эскадры». Юноши и девушки, смотрившие их, мечтали последовать героям этих фильмов, считали за честь совершать подвиги во имя благородной цели и, если надо, то и жизни не жалеть ради высоких устремлений. Таким было то далекое довоенное поколение.

В то время в Меловском районе было две средних школы — Меловская и Зориковская. Меловская средняя школа 22 июня 1941 года сдавала выпуск, который позже был назван огненным. В нем было 59 человек, согласитесь, это немало. Выпуск Зориковской средней школы составлял 15 человек.

Николай Иванович Бережной, выпускник 1941 года, ветеран войны в грав. Заслуженный учитель УССР, вспоминает, как в селе Великое появилось первое радио. Вся улица собралась слушать

«нечистую силу». Все то, к чему мы сейчас привыкли и считаем как бы само собою ясным, в то время вызывало удивление, а иногда, у старшего поколения и страх.

В таких условиях и в такой конкретной обстановке жило то далекое довоенное молодое поколение. Сейчас оно уходит из жизни, и только некоторые его представители еще стучат палочками по мостовым да звенят в праздничные дни наградами, прикрепленными на лацканах праздничных костюмов. А тогда они были молоды, тогда они начинали только жить. В 10-м классе Меловской средней школы занимались учащиеся из разных школ района. Например, из Великоцка учились В.М. Бережная (ныне Романова), Н.И. Байдык, В.М. Мураховская, из Никольска — С.М. Баюк, из Певневки — И.С. Малафеев.

В 1940—1941 г.г. в воздухе пахло «грозою», говорили о приближении войны. Старшее поколение воспринимало это серьезно, а вот молодежь не думала о войне, ведь юность всегда беспечна. Она не представляла, что война — это горе, это жертвы, это разрушения. Они были уверены в пропаганде тех лет, которая утверждала, что будем воевать на чужой территории и врага разобьем «малой силой, могучим ударом».

Так думала молодость. Но жизнь внесла свои поправки, и началась она 22 июня 1941 года.

Парадоксально то, что 18 июня учащиеся сдали последний экзамен на аттестат зрелости по немецкому языку, не подозревая, что через четыре дня именно немцы нападут на Союз...

В этот день был назначен выпускной вечер. Выпускной вечер состоялся, но девушки в этот вечер так и не надели свои балльные платья, не покружились в вихре прощального вальса. А юноши, кто за десять школьных лет не успел освоить «па» вальса, так и не сумели закрепить его на вечере. Тревожное слово «война» погасило в юных сердцах радость будущих надежд.

Выпускной бал назначен на 17 часов. Но в 12 часов 15 минут вся страна стала у репродукторов. В эти минуты над страной стояла невероятная тишина. Такой тишины нельзя себе представить — слышно было только дыхание людей. Каждый в эти минуты думал о стране, о семье, о себе. По радио выступал заместитель председателя Совнаркома СССР, министр иностранных дел В.М. Молотов. Он говорил о вероломном нападении на страну фашистской Германии, совершенном в 4 часа утра. В 17 часов выпускники все-таки собрались в школе, им быстро вручили аттестаты. Многих мужчин-учителей в этот же

день призвали в армию, а выпускников предупредили о невыезде из района. Через несколько дней и им вручили повестки о призыве в ряды красноармейцев.

В первые дни войны в Меловской район были эвакуированы выпускники средних школ призывного возраста из Тульчинского и Ямпольского районов Винницкой области.

С ними и начали свой путь по дорогам войны меловские юноши.

Дорогами войны прошли и девушки — выпускницы «огненного выпуска»: Ольга Седуцева, Татьяна Пушко, Александра Проненко. Разбросала война меловчан по многим фронтам. Иван Косогов погиб защищая Севастополь. Николай Гребенюк сложил голову на Воронежском фронте. Иван Дервянченко отдал жизнь, освобождая Ковель. Вениамин Черноморченко, Николай Байдык тоже погибли смертью храбрых. Иван Баран умер от ран и контузий после войны.

КОМБАТ ИВАН БОКОВ — ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

Перед первым днем войны на западных границах было неспокойно. Мир по существу был обжат пожаром войны. Английская авиация бомбила итальянскую Восточную Африку.

Шли бои на итало-греческом фронте. В сводках германского командования сообщалось об успешных действиях немецкой авиации в северной Шотландии. Продолжалась война в Китае. Граница тоже чувствовала дыхание войны. В поисках убежища через границу шли люди, не желавшие жить под немецким сапогом. Это была массовая эмиграция чехов, словаков, евреев. Беженцы буквально наводняли заставы. Ежедневно задерживалось по двадцать и более человек, а на фильтрационных пунктах пограничных отрядов в иные дни число их доходило до нескольких тысяч. Обстановка на границе усложнялась, приготовления к боевым действиям чувствовались во всем. На определенной стороне появлялись дополнительные армейские посты наблюдения, было заметное оживление, открыты окопы, установлены пулеметы. Некоторые беженцы называли дату нападения на нашу страну. Вражеская авиация буквально висела над нашей границей. И не было и дня, чтобы вдоль нашей территории не пролетали чужие самолеты. Подчас они спускались до бреющего полета.

Началась война.

Враг рвался на восток, превращая в руины города и села Ровенщины. Танковому батальону Ивана Ильича Бокова — уроженцу села Новострельцовка, — было приказано прикрывать переправу через реку Горынь. Фашисты рвались к Ровно. Танковому батальону Бокова дано задание перекрывать переправу и дать возможность советским войскам отступать в сторону Корца.

Целую ночь шли по быстро возведенному мосту колонны машин и вереницы подвод с гражданскими людьми, эвакуированными на восток, и наши войсковые части. А утром на переправу налетели фашистские самолеты.

— Воздух! Во-о-здух! — послышалось со всех сторон. В небе обозначились черные точки, они летели прямо на переправу. Шли ровным строем вдоль большака, навстречу движению, направляясь к возведенному саперами мосту, они явно летели бомбить переправу и всю эту беспорядочную человеческую сутолоку. Автомашини начали

круто сворачивать, отрываясь от дороги, и прямо через кочки, через кустарники в спешном беспорядке ринулись к лесу. Побежали с дороги и люди. Десятки людей кинулись прочь от моста по обе стороны переправы и заполнили заранее открытые по обе стороны дороги специальные щели, бежали в кусты и даже в хлебные поля. Самолеты, скинув смертоносный груз, улетели. Колонны вновь ожили. Непосредственная опасность миновала, и переправа снова заговорила.

Переправа, как многие переправы в то неспокойное время, в те первые дни отступления наших войск. Эти переправы будут похожими почти на всех больших и малых речках в 1941 году. Немцы господствовали в воздухе.

Толпы испуганных беженцев шли по всем дорогам Украины рядом с телегами, груженными наскоро собранными домашними пожитками, и детворой. Короны и телата, привязанные к телегам, сади плелись, тоскливо мыча. А за ними двигались длинные вереницы людей, выбиваясь из последних сил. Колхозники и горожане угрюмыми глазами провожали автомашины, движущиеся к востоку, перегруженные военными людьми. С оружием в руках они обгоняли гражданских беженцев, не обращая внимания на трупы людей, расстрелянных из пулеметов фашистской авиацией. Среди них были и дети. Валялись конские трупы, покинутые в оглоблях вместе с телегами. По обочинам дороги устало тянулась нескончаемая цепь пехотинцев в касках. Пехотинцы шагали вразброд, без строя, походкой людей, много часов идущих без отдыха. И все это стремилось на восточный берег реки.

Словно была подана команда: «Спасайся, кто может!» — подумал Боков, — а спастись не успел. Что же это такое? Ведь здесь не меньше тысячи машин, артиллерия и цистерны с горючим, что должны обслуживать фронт. Без всего этого, что сейчас движется на восточный берег реки, любая армия превращается в беспомощную груду убитого мяса. Они бросили орудия без снарядов, танки без горючего, пулеметы без лент, бойцов без еды... Что же это такое? Тылы бегут верными. Значит, командование не верит, что фронт удержится, если все тылы, все штабы уходят к востоку. А это что? Это уже не тылы, а рваные бойцы. Значит, и они бросали окопы». В однообразно сторченных плащпалатках, покрытых налипшей окопной глиной, они шли выжато.

Вартину переправы при отступлении описали многие писатели в своих книгах, и везде она была похожа одна на другую. Похожи ни и в романе С. Лобина «Пропавший без вести», где показана переправа

первых дней 1941 года, и переправа на Донце в дни отступления 1942 года в романе А. Фадеева «Молодая гвардия». Тут, и только тут, на переправах, можно было представить себе размеры народного бедствия. Наступило утро. И вот через несколько часов появились вражеские танки и бронетранспортеры. Они сунули к реке, чтобы захватить переправу и отрезать наши части. Танкисты Бокова заняли оборону на подступах к реке. Машины были зарыты в землю и старательно замаскированы. На правом фланге шли четыре вражеских танка, они вели непрерывный огонь из пушек и пулеметов. Капитан Боков по рации приказал подлупить их, чтобы ударить фашистам в лоб и наверняка.

— Огонь! — прозвучала команда. И через несколько минут все четыре бронированные чудовища превратились в черные факелы. Вражеская атака захлебнулась. Над обороной нависла тишина.

— Какие же вы у меня славные! — говорит подчиненным Боков. — От имени Родины и от себя лично благодарю.

Сменили позиции, замаскировались. Передышка. Шутки, смех, и любимая песня «Три танкиста». Комбат напоминает о важности задачи.

— Переправа эта фрицам нужна по зарез. Теперь они, поди, подтянули свежие силы и вот-вот появятся снова. Смотреть в оба. Сейчас будет пожарче. Сквозь молодой сосняк пробивались первые лучи солнца, прогоняя сумрачные тени с пшеничного поля и леса, где сосредоточились немцы. Природа подарила людям утро, напряженное и неизведанное.

Не успели танкисты привести себя в порядок, как донесся заунывный гул мотора немецкого самолета. Неуклюжий, горбоносый, он вынырнул из-за леса и прошелся над обороной занятой танкистами. Потом летчик пустил зеленую ракету, самолет лег на крыло и скрылся.

Вскоре гитлеровцы открыли ураганный огонь по тем местам, где стояли наши танки перед первой атакой. Тотчас из-за опушки леса на дорогу выскочили фашистские мотоциклисты. До них было километра полтора. Около десятка машин приближалось к закопанным танкам. Расстояние сокращалось. Треск пулеметных очередей взбудоражил утреннюю тишину. Шквал огня нарушил стройное движение фашистов. Несколько мотоциклистов были скошены, остальные, бросив мотоциклы, не успев их развернуть, искали спасения в сосняке.

В одно и то же время по танкам с крестами на бортах, показавшимся вслед за мотоциклистами, ударили наши воины. Комбат Боков с первого выстрела побил головную машину. Из нее повалил черный дым. Один за другим вспыхивают еще пять танков и несколько бронетранспортеров противника. Атака гитлеровцев вновь захлебнулась. Боков, оставив танк, перебежками направляется на командный пункт, чтобы уточнить обстановку, перегруппировать свои силы, подготовиться к новой атаке. Осколок снаряда попадает капитану в ногу, но он остается в строю. В полдень нещадно палило солнце. Наступило небольшое затишье. Танкисты наскоро подкрепились, пополнили боеприпасы. Комбат приказал не покидать машин и внимательно вести наблюдение.

...В этот день из Житомира возвратился однополчанин и привез Бокову посылку от жены — домашние пирожки, колбасу, папиросы, носовые платки. Растроганный Иван Ильич целует подарки и делится ими с бойцами. Потом тут же, на командном пункте, пишет жене и пятилетней дочурке Изольде взволнованное письмо. То самое, которое они хранили более четверти века и передали в Ровенской музей. Вот в этом письме такие строки:

«...Вам рассказывали, что я смело воюю. Да, я трусом не был и не буду! Четыре раза нас окружали, и каждый раз мы вырывались из кольца. Немцы имеют временные успехи. А сломить героизм наших людей им никогда и ни за что не удастся. Вы себе не можете представить, что делают красноармейцы, когда слышат: «Вперед! За Родину!» Сегодня в бою под Ровно я получил легкое ранение в правое колено, немного повреждена кость. В госпиталь пока не иду, надо бить фашистов...»

Это письмо с того боя.

Потянулись минуты. Как и следовало ожидать, фашисты пошли в атаку со значительно большими силами. Наконец, послышался шум шагов, а немого погоды показался танк.

— К бою! — скомандовал комбат. Все всматривались в клубы дыма, выдвигавшиеся за немецкими танками. Перед позициями батальона появилось десять танков. На дорогу выползли бронетранспортеры, автомашини с пехотой. Немецкие солдаты сидели вдоль бортов, поджавив власями. Колонна все больше вытягивалась по шоссе вслед за танками, а они, громящая и лягая, все быстрее приближались к Ивановым. «Вот нагальцы, прут, как на параде, словно у себя дома!» — сказал молодой лейтенант Волгин, дрикусив губу. Танки и

бронетранспортеры, выплевывая огонь, сокрушали все на пути. Капитан кинул быстрый взгляд на лейтенанта и увидел его побелевшие щеки и бисеринки пота над верхней губой, покрытой золотистым пушком. Но испуга лейтенант не показал. «Молодец, — думает о нем комбат, — хороший будет воин». И вновь он подумал о немцах: «Видимо, уверены, что переправа в их руках. Ну что ж, сейчас вы ее получите».

Вновь Боковцы подпустили вражеские танки на близкое расстояние.

— Огонь!

Дружно ударили орудия всех танковых экипажей. Капитан Боков с первого выстрела подбил головную машину. Она, словно натолкнувшись на невидимую преграду, вздрогнула, остановилась, из нее повалили клубы дыма. Стал и второй танк. Движение на дороге затормозилось. Потом задний танк начал разворачиваться. Один за другим вспыхивают еще четыре танка. Атака гитлеровцев захлебнулась.

Боков, остановив лейтенанта Волгина, пытается перебежками добраться до командный пункт, узнать обстановку, перегрузить свои силы и подготовиться к отражению новой атаки.

...Те, кто побывал в этом пекле, знают, что это такое. Налор врага нарастал. Расстояние к противнику иногда сокращалось до 200 метров. Враг был настолько близко, что даже через сумрачную завесу песка и пыли, поднятую разрывами снарядов, танкисты различали лица солдат: воротники их мундиров были расстегнуты, рукава засучены по локоть, на касках белела свастика. Но как ни старались фашисты, они не могли сломать мужество защитников переправы и прорваться на восточный берег схода.

Раздосадованные неудачей гитлеровцы решили огнем стереть с лица земли это маленькое подразделение. С новой силой ударила из леса артиллерия, беглым огнем били по обороне танки и бронетранспортеры. Густо рвались снаряды, шипели и свистели осколки мин. Ревели моторы машин, лязгали гусеницы танков. Черный смрад стелился над дорогой и берегом реки. Солнце почернело, как во время затмения, а потом совсем скрылось, застланное дымом и пылью. Сейчас трудно рассказать о всех моментах этой схватки. Много лет спустя майор запас инструктор Новоград-Вольнского комитета ДОСААФ Н.Подденков расскажет о некоторых героических боях батальона капитана Бокова, о мужестве и храбрости командира.

...Спустя несколько часов после начала боя гитлеровцы, убедившись, что им не удастся прорваться на восточный берег реки Горынь, постепенно остыли.

Настала передышка. Конечно, «боковцы» не разбили врага на этом участке Юго-Западного фронта, они лишь задержали движение вражеской группировки. Но от таких отвоеванных у ротивника дней складывалось то, что заставляло топтаться, а потом забуксовать на месте гитлеровскую военную машину.

Мужественно сражались танкисты. Фашисты не ожидали такого отпора, они хотели прогуляться по России так, как прошли по Европе. В первые дни войны был взят в плен гитлеровский фельдфебель. Его показания записаны фронтовым корреспондентом Владимиром Беляевым и приведены в книге воспоминаний маршала И.Х.Баграмяна «Так начиналась война».

«До сих пор, — сказал фельдфебель, — располагаясь поблизости от советской границы, мы слушали только песни советских пограничников и не предполагали, что люди, поющие так мечтательно, могут столь яростно защищать свою землю. Огонь их был ужасен. Мы оставили на мосту много трупов, но так и не овладели им сразу».

И пусть пленный немец говорил не о «боковцах», но он говорил о советских людях, ставших на защиту своей Родины. Потом он признался: «... Ни в Польше, ни во Франции не было в моем батальоне такой потери, как в те минуты». Да, Красная Армия отступала, но отступала с достоинством.

Через неделю боя за реку Горынь фашисты вновь стремились уничтожить батальон капитана Бокова, но мужество группы бойцов в героическом (не побоюсь этого слова) сорок первом году на девять дней и ночей остановило передовые части гитлеровских захватчиков, удержавшись в Киеве.

Бой за Федоровку для капитана Бокова был последним. Найдена река для представления к правительственной награде. В ней командир 79-го танкового полка полковник Живлюк и комиссар полка Верин кратко, по-военному написали:

«19.07.41, товарищ Боков вместе с батальоном выполнял боевое задание под селом Федоровка, уничтожил штаб фашистского полка. В боях с батареями и танками врага командир героически погиб».

Последний бой комбат Иван Боков принял под Федоровкой Житомирской области. Со стороны Чижевского леса на их позиции шли фашистские танки, за ними пехота. В ходе жестоких боев 16 июля

1941 года батальон смелым и неожиданным ударом разгромил штаб фашистского полка. На окраине села окопались наши стрелковые подразделения. Тут же были замаскированы и танки Бокова. Вражеские машины шли треугольником, стараясь врезаться в наши боевые порядки. о переднем танку открыл огонь сам комбат. Вражеская машина с подбитыми гусеницами завертелась на месте и вспыхнула.

— Огонь! — передал по радию Боков. Один за другим полетели снаряды. В этом бою наши танкисты подбили шесть машин врага. У боковцев вышло из строя два танка. Но вот началась новая атака гитлеровцев, и в этой атаке крупнокалиберный снаряд попал в машину омбата. Капитан Боков был смертельно ранен. Но и эта атака немцев сорвалась. Враг был отброшен до села Ужачий. Около десяти танков и больше сотни трупов остались на поле боя. Десять дней сдерживали воины батальона вместе с другими подразделениями немцев на подступах к селу Федоровка. Они мстили врагу за смерть любимого командира, за горе, которое принесли гитлеровцы на нашу землю.

«Наши удары, — вспоминает маршал Советского Союза Н. Баграмян, — под Новоград-Волынским и Бердичевым, хотя и не полностью достигали цели, но фашистские войска были скованы в этом районе, и фашистскому командованию пришлось вводить свежие резервы. Из-за этого оно решалось бросать свои главные силы на штурм Киева. Имена многих героев битвы под Киевом нам известны, а многих и нет, они потерялись в боевом лихолетье. Утеряно было и имя отважного капитана.

Следопыты Федоровской средней школы на Житомерщине установили некоторые имена воинов, погибших при обороне их села. Один из этих героев был капитан Боков Иван Ильич — командир батальона 40-й танковой дивизии. Это мы узнали потом.

А было это так...

Однажды жители села Федоровка откопали в старом, времен Отечественной войны окопе, останки солдата. В окопе нашли медальон, а в нем записка: «Тарашук Анатолий Семенович. Домашний адрес: город Черемхово, улица Красной Звезды, 67. родственников, — Скорда...». А дальше ничего нет. И начали федоровские следопыты розыск товарищей по службе и родных погибшего. И полетели письма в далекую Иркутскую область с просьбой разыскать родных солдат. На письмо откликнулись местные журналисты и работники Черемховского райвоенкомата и тоже включились в поиск. Пошли на улицу, указанную в записке, разыскивали дом. Это было нелегко. Улицы с того

времени сменили свои названия, а дома — нумерацию. Один из старожилов сообщил, что он знает дядю героя Скоднева Михаила Федоровича, но он живет на станции Гришево. Обратились к нему. Михаил Федорович сообщил, что у него был племянник Анатолий Тарашук, он на войне пропал без вести, а мать его Васса Федоровна живет и сейчас в Новосибирске и назвал ее адрес.

С нетерпением ожидали следопыты письмо от матери. И вот оно пришло. «Последнее письмо от сына я получила летом 1941 года, — пишет она следопытам. — А потом пришло извещение «Пропал без вести». Я не нахожу слов, чтобы выразить вам, дорогие мои, благодарность матери за восточку. Теперь я знаю, что мой Толя не пропал без вести, а пал в смертельном бою, отстаивая честь и независимость своей великой Родины».

Но этого было мало, и следопыты написали в Воинский Архив и Главное Управление Кадров Министерства Обороны и просили сообщить данные о погибшем и его однополчанах. Ответ помог осветить события почти тридцатилетней давности:

«Старожилы Федоровки хорошо помнят дни 41 года, им никогда не забыть того времени, когда шли кровопролитные бои на окраине и на улицах села. Они продолжались 9 суток, 9 дней и ночей гремели взрывы бомб и снарядов, ревели моторы танков, трещали пулеметы и автоматы, отрывисто стучали винтовочные выстрелы. Семь раз врвались фашисты в Федоровку, и семь раз бежали из нее под натиском наших бойцов. Из 570 домов уцелели единицы. А после 10-ти суток все затихло. Красноармейцы, похоронив в окопах павших, ночью оставили село.

Все, что говорили старожилы, подтвердил ответ из Управления кадров. В нем сообщалось, что 7 июня гитлеровцы, рассчитывая сходу занять крупный железнодорожный узел Коростень— Западные Ворота Киева, наскоками на ожесточенный отпор наших подразделений, окопавшихся на окраине села Федоровка. Батальоном, ставшим преградой на пути фашистов, командовал Иван Ильич Боков — командир батальона 40 танковой дивизии. Среди его подчиненных был и русский Анатолий Тарашук. Герои стояли насмерть. В бою погибло много бойцов, в том числе и отважный командир. Таким образом, записка в медальоне помогла назвать имя героя — капитана Ивана Тарашука. Поиск продолжались. В них включались и ветераны. Их поисковым бригадам принесли номер газеты «ПРАВДА» за 18 октября 1971 года. В газете была напечатана статья, посвященная легендарной

доблести защитников города Киева. Автор ее М. Лемезук сообщает о заседании Военного Совета Юго-Западного фронта. На этом заседании Совета были рассмотрены наградные материалы на звание Героя Советского Союза за оборону Киева. Автор сообщает, что в ходе обороны города к высшему званию Героя были представлены более 70 бойцов и командиров Красной Армии. Тут же приведен неполный список тех, на кого были сложены реляции на награды. Среди них значится и Боков И.И.

...Майор запаса, инструктор Новоград-Вольнского городского комитета ДОСААФ нашел копию приказа Юго-Западного Фронта, в котором говорится: «Командира батальона 79-го танкового полка 40 танковой дивизии капитана Бокова Ивана Ильича от имени Президиума Верховного Совета СССР за отличное выполнение боевых заданий, командование на фронте проявленную при этом доблесть и мужество наградить орденом Ленина.

Не знал об этой награде отважный воин. Не знала об этом и его жена Зинаида Владимировна, которая вместе с дочерью была эвакуирована в Сталинградскую область.

Волжане с русской щедростью приняли эвакуированных. Всех разместили на квартиры, дали работу, устроили семьи эвакуированных из Житомира. И вот однажды туда приехал начальник полка, он привез офицерским женам письма, деньги, аттестаты. Боковой письма не было. Сжалось у Зинаиды Владимировны сердечко, оно почувало тревогу, пришлось начальнику открыть свой горький секрет. После его отъезда Зинаида Владимировна не знала покоя. Не верила она сообщению начальника. Не верила она в то, что ее мужа, побывавшего уже в двух боевых кампаниях, не было в живых.

...В своей юности и молодости Иван не думал становиться офицером, кадровым командиром Красной Армии, тем более танкистом. Он думал посвятить свою жизнь лошадям, красивым и быстрым скакунам. Их выращивали в Стрелецком конном заводе. Все, что связано с лошадыо, удивительно: удивительны они сами, удивительна их история, удивительны и люди возле лошадей.

Стрелецкий конный завод Меловского района в довоенные годы играл исключительную роль в развитии чистокровного коневодства Союза, его рысаки классно скакали на ипподромах страны и за границей. В заводе было выращено шесть победителей Большого Всесоюзного приза, шесть победителей Большого Всесоюзного 2-х летнего приза имени Калинина и много других призов. На Парижской

выставке 1867 г. была присуждена Золотая медаль жеребцу Стрелецкого конного завода Бивуак. Это было высшей аттестацией на всемирной выставке. в 1893 году в Чикаго.

В предвоенные годы Иван Боков был командиром танка, командиром танкового взвода, роты и батальона, прошел путь от красноармейца до капитана. Он учил организации и тактике танкового боя своих подчиненных и вместе с ними учился мастерству сама.

На Украине прошла почти вся его служба. Дивизия, в которой он служил, дислоцировалась в пограничном округе. В 1939 году принимал участие в воссоединении западных областей Украины. 17 сентября 1939 года лейтенант Боков, поднятый по тревоге в составе разведки, первым пересек границу с экипажем двух танков, разоружил жандармский полк польских погранвойск. Этой же осенью он стал счастливым отцом. Зинаида Владимировна вспоминает те дни до сих пор и помнит, каким он был счастливым. Но завязалась новая битва на Карельском перешейке с финскими белогвардейцами — это зимняя кампания 1939—1940 гг. Счастливым отец оставил малютку — дочь и жену, и город Владимир-Вольнский. Бойцы подразделения мужественно дрались с белофиннами, уничтожая доты, огневые точки врага. Зинаида Владимировна помнит его глаза, полные боевого задора и бодрости. С дороги, а потом с Карельского перешейка регулярно шли от него письма. А потом вдруг не стало. Потом пришло известие командира полка: «Ваш муж Иван Боков пал смертью храбрых». И пошли тяжелые дни сомнений, неверия и ожидания. И разве можно рассказать словами о той радости, которую испытала Зинаида Владимировна, когда почтальон принес письмо, и она читала, узнавая родной почерк горячо любимого человека. «Здравствуйте, безгранично любимые Зинаида и доченька! — читала она в письме. — Я живой, лежу в госпитале, скоро приеду». Потом, когда вернулся с боевой нагрузкой, — медалью «За отвагу», расскажу, как получилась ошибка. За отличное выполнение боевого задания Иван Боков был награжден в Финской кампании медалью «За отвагу». После госпиталя он прибыл в Житомир на должность командира танкового батальона.

Тогда вышла ошибка. Может и сейчас тоже ошибка?

Но вот до Зинаиды Владимировны дошел слух, что часть, в которой служил Иван, отведена на отдых. Не раздумывая, она взяла на руки маленькую дочь и отправилась на поиски. После она не оправдывая свой поступок, но тогда, в порыве отчаяния, другого выхода не на-

Станция в бескрайней степи. Безжалостно жжет солнце. Станция забита эшелонами.

«Зеленую улицу» дают тем поездам, что идут на запад. Поезда за поездами, эшелон за эшелонами, солдатские и санитарные, с орудиями и танками! Боже мой, сколько людей! Мелькают лица в теплушках. Женщины переводят взгляд с одного лица на другое...

Не успев разглядеть, как следует, переводят свой взор на другие эшелоны, не задерживаются, не присматриваются, уверена, что родное лицо, заметит в любой толпе, на любой скорости. Остановившийся эшелон. Зинаида Владимировна тщательно ищет односельчан, может, кто знает, где ее Ваня? Но среди тысячи лиц нет ни одного знакомого. Она просится в эшелоны к солдатам. Пропуском является письмо от мужа. Бойцы ее окружают заботой, угощают сахаром и галетами малютку Изольду. Бегут дни. Меняются названия станций, а следов части, которую она ищет, нет...

Но вот еще одна станция — Котельниково. Дежурный офицер, когда она назвала номер танкового полка, показав рукою на темный лес, сказал:

— Там он... Ваш полк... Счастливой встречи.

...Степь, зной, тишина. Ни ветра, ни тени. Но женщина летит на крыльях в надежде на долгожданную встречу. Она верила, что эта ошибка должна повторить то, что было в бесконечном далеком 40-м году.

Подходя к лесу, Зинаида Владимировна услышала песню, ее пели солдаты, направляясь куда-то строем.

То не тучи висли,
То не ворон каркал,
Шаи фашисты сворой
Родину терзать.
Собирал в атаку
На врагов заклятых
Командир наш Бокров
Боевой комбат.

Он воял нас в схватки
На дела большие,
Что прошли по части
Славой огневой.

Да враги коварны:
И погиб в атаке
Наш комбат любимый,
Командир лихой.

Пусть завьется песня
О тебе навечно,
Командир умелый,
Для бойцов родной.
Мы с тобою вместе
Закалялись прочно,
И, как раньше, смело
Ты ведешь нас в бой.

Вот гремят разрывы,
Вот летят снаряды,
Но сынов Отчизны
Бури не страшат.
На врагов коварных
Нас ведет в атаку
Наш бессмертный Бокров,
Боевой комбат.

— Так это же про Ваню поют! — обрадовалась она, но тут же остановилась, пораженная страшной догадкой. — Значит, он погиб. Визовую подругу офицера гостеприимно встретили танкисты. Командир взвода Михаил Васильевич Широков и другие боевые побратимы Иван Ильича рассказывали Зинаиде Владимировне о его героизме, о том, как танкисты его батальона громили фашистов под Дубно, Ровно, Новоград-Волыньском...

Когда она спросила о песне, танкисты подтвердили, что эта песня о нем, о комбате Иване Ильиче Бокове. Стихи написал поэт-фронтник М. Выговский, музыку придумали однополчане. Песня была напечатана в дивизионной газете.

Вояжики по службе нашли номер этой газеты и вручили ее Зинаиде Владимировне как дорогую память о муже-героине.

Песня о комбате Бокове вместе с воинами танкистами прошла всю по дорогам Украины и некоторых зарубежных стран. Как знамя, она звала наших солдат на новые ратные дела во имя Родины.

КРЕМЛЕВСКИЙ МУЗЫКАНТ

Наши земляки — чудесные люди. В первые дни войны на защиту Отечества уходила молодая порось Меловщины, и не только из наших сел и поселка. Жизнь — это вечное движение, именно она разбросала наших земляков по всему свету. В первую очередь это относится к людям больших талантов, которыми так богат наш край.

Любители музыки, в частности баяна и гармошки, знают, что у нас славится голосистая, крепкого настроя Базалеевская гармошка. Но не всем ведомо, что она наша, не какая-нибудь заморская.

В начале XIX века в Меловом проживала многодетная семья Базалея. И вот юный член этой семьи Сергей Базалей по приглашению настройщика музыкальных инструментов отправился в Тулу учиться мастерству. Почему именно на этом юноше остановил свой опытный взгляд заезжий музыкант? Потому, что заметил, что Сергей — личность самобытная, щедро одаренная природой, имеющая незаурядные музыкальные способности. Мастер не ошибся в ученике.

Возвратившись домой, Сергей быстро прославился, так как сам научился возвращать к жизни старые музыкальные инструменты. Со всего Меловского района к нему потянулись люди — сдавали в ремонт гармошки, без которых в селе не обходится ни один праздник, ведь недаром этот инструмент назван в народе поэзией российских деревень. Мастер настолько хорошо владел своим ремеслом, что через время сам уже изготавливал гармошки.

Шли годы, слава о музыкальных дел мастере шагнула далеко за пределы района. Был даже такой случай. Накануне открытия в Москве сельскохозяйственной выставки Сергей Базалей получил задание изготовить баян. Мастер потерял покой и сон. Но к назначенному времени чудесный инструмент изготовил, детище золотых рук нашего земляка заняло почетное место среди экспонатов павильона, в котором демонстрировались различные творения мастеров-самоучек. Чудесный баян Сергея Базалея не остался незамеченным, вызвал много восторженных откликов посетителей выставки. Из Москвы мастер возвратился с заслуженной премией.

Но это лишь маленький штрих к общему портрету семьи Базалея, которая была очень талантливой. Щедро наделила природа недюжинными музыкальными способностями сынов Алексея и Кирилла — продолжателей рода Сергея Базалея. Хочется рассказать о Кирилле. Воспитанник Меловской школы, комсомолец 20-х годов играл

в духовом оркестре. Но способности его были куда шире, ведь юноша досконально знал все музыкальные инструменты и отлично владел ими. Внешне парень отличался от своих сверстников: большое внимание уделял своей одежде, был аккуратным, ходил при галстуке, пользовался хорошим одеколоном. Понятно, что для меловских девушек был кумиром. И хотя вызывал зависть у многих юношей, все равно пользовался у них авторитетом.

В конце 20-х годов Кирилл выезжает на житьельство в Миллерово, позже осуществляется его давняя мечта — он становится военным музыкантом, выступает в Новочеркасском военном оркестре. Руководители оркестра быстро увидели в юноше большие музыкальные способности и послали в Москву на учебу. Там в офицерском училище Кирилл получил офицерское звание и становится дирижером военного оркестра училища. Позже руководит военным оркестром в Московском Кремле.

Война стала серьезной преградой в восхождении Кирилла на музыкальный олимп. Может, из него вышел бы второй Чернецкий. Музыкальщики знают этого композитора, автора многих военных маршей. Кирилл Базалей был его учеником.

Но Кирилла позвала война. Он добровольно пошел на фронт. Хотя музыканты нужны были и на войне, наш земляк стал танкистом и погиб в жестоком бою с фашистами. О его гибели родственники узнали по слов фронтového побратима, который чудом остался жив и возвратился с войны инвалидом. Он и поведал о героической смерти нашего земляка, Кремлевского музыканта.

Брат Кирилла Алексей проживает по улице Ранняя Заря в Мелово. Ему также передалось отцовское дарование. Он тоже музыкант, играет на баяне, гармошке, духовых инструментах. Старшее поколение меловчан помнит Алексея как штатного клубного работника в тридцатые и послевоенные годы. Алексей Сергеевич, как и брат, является участником Великой Отечественной войны. Действительную службу проходил в кавалерии. Когда Отчизна позвала на фронт, был назначен командиром в стрелковом батальоне.

Этот бесстрашный воин узнал горечь отступления и радость победы, участвовал в освобождении Европы от фашизма. Его грудь украсили награды за мужество и доблесть.

... АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ НАЗАРЕНКО

Этого человека знали все в районе при его жизни. Да и за его пределы это имя было многим известно. Великая Отечественная война застала его на границе, на реке Прут, где он был политруком батареи. Первые два дня войны его части в жестоких боях стойко удерживали границу. Но силы были неравны, пришлось отступить. С кровью в сердце и слезами на глазах, после кровопролитных боев оставляли они каждый клочок украинской земли.

В конце 1941 года на Изюмо-Барвенковском направлении Назаренко Алексея Тимофеевича перевели в ракетно-минометный батальон и направили защищать Кавказ. В районе станции Крымской шли жестокие бои. Враг рвался к черному золоту — к нефти. Украинцы, грузины, армяне, казахи, татары и воины других национальностей плечо к плечу мужественно дрались, нанося врагу потери в живой силе и технике. Тяжелое это было время: не хватало боеприпасов, продуктов, несли большие потери, многих своих товарищей не досчитались, днями лежали в снегу, в болотах, но стойко стояли и верили в свою победу, верили в то, что настанет время, когда сломим врага и перейдем в наступление, будем освобождать временно оставленную землю.

В начале 1943 года настал долгожданный час — войска перешли в наступление.

КОМБАТ

Наши земляки были не только рядовыми на войне. Многие из них командовали взводами, батальонами и полками. Обо всех не расскажем... Но человек, о котором пойдет речь ниже, заслужил, чтобы о нем вспомнили. В Меловом его знал каждый. Жил по улице Армейской скромный, невысокого роста, худощавый, с веселыми карими глазами старик. Но в праздничные дни на лавчанах пиджака Ивана Ивановича Коваленко сияли боевые ордена. Награды те — свидетели славного ратного пути храброго бойца, который в годы Великой Отечественной войны прослыл мастером истребления вражеских танков.

В предвоенное мирное время Иван Иванович прошел хорошую трудовую закалку на железной дороге рабочим и кузнецом в местном колхозе. С 1934 по 1936 годы служил в Красной Армии. После демобилизации работал в «Заготзерно» и райкоме комсомола. Казалось, ничто не предвещало беды, радуясь мирной жизни, растили детей, мечтали о лучшем будущем для них.

Но над страной нависла смертельная опасность — началась Великая Отечественная война. Ивана Ивановича, как и всех офицеров запасов, в первые дни войны призвали в армию. После трех месяцев учения в артиллерийском училище лейтенант Коваленко командовал батареей под Наро-фоминском.

Тяжелыми были бои в ту зиму. На батарею сплошной стеной ползли вражеские танки. Мужественному и бесстрашному комбату не раз приходилось становиться к прицелу орудия, находиться под огнем. Событиями примером командир воспитывал у подчиненных бойцов отвагу и храбрость. Как свечи, горели фашистские танки, падали на поле сбитые бойцы... Те же, кто оставался в строю, были надежны, как камень, умелыми и отважными воинами.

Батарея, крещенная огнем Западного фронта, стояла на позиции на Тулоу. По инициативе командира батареи ежедневно велась подготовка, прицельно выбивая вражескую технику. В самые критические моменты комбат спокойно похаживал среди орудий, вселяя в бойцов спокойное настроение, уверенность в собственные силы.

За мужество и отвагу Иван Иванович Коваленко первым был награжден орденом Красной Звезды.

Славилась и высоким боевым мастерством отличилась батарея Коваленко в сражениях с врагом под г. Орлом. На позиции пушек батарея направляла по 50—60 бомбардировщиков. Ежедневно вы-

В КРАЮ ЛАЗОРЕВЫХ СТЕПЕЙ

3-го июля 1942 года Совинформбюро сообщало: «По приказу Верховного Главнокомандующего Красной Армии, 3-го июля советские войска оставили г. Севастополь. В течение 250 дней героической советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск... Немцы в июне бросили против отважных защитников Севастополя до 300000 своих солдат, свыше 400 танков, до 900 самолетов». Но в сводках ничего не было сказано о случае, который произошел 2-го июля 1942 года в небе у Чертково и Маньково.

В этот день, как и во все предыдущие дни июля было сухо. Воздух накалился до такой степени, что дышать было нечем, он был налит каким-то чадом. Дожди, которые выпадали очень редко, и те были теплыми и похожими на кипяток. Температура и после дождя была душливой. Лето было в разгаре. Расцвела сирень, черемуха. Степь обильно пестрела цветами и кустами полыни. Полынный запах дурманял голову. Необъятны просторы наших степей. На севере они сливаются с землей Воронежской, на юге, за даялами донскими — дали степей кубанских. Это о них, о южнорусских просторах, писал Алексей Кольцов, побывав на Старобельщине по своим делам Воронежского приезда:

Широка ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Пораздвинулась.

По-разному видятся эти привольные степи в разных местах. В наши дни степи украсились изумрудными лентами лесных полос да молодыми дубравами, нередко можно встретить рукотворные озера — пруды.

Вечерами, когда от холмов падают длинные тени, степь наполняется ароматом полевых разнотравий, неповторимым запахом чабреца. Немало в этом краю балок. Они, как и многие здешние мелкие реки, — в глубоких впадинах. Прячутся нередко в складках балок низкорослые густые заросли. Как и везде на юге высаты тут курганы, часто встречаются глинистые яры. Ничем будто непримечательная, человеку, привыкшему к лесному краю, кажущаяся однообразной и

унылой, степь эта бесконечно дорога тем, кто по-настоящему знает ее, кто умеет видеть ее неповторимую прелесть не только весной, когда первозданная земля украсится лазоревыми цветами — алыми топльпашами да лиловыми и нежно-желтыми ирисами.

...Севернее села Ашио-Ребриково берет начало крупнейший, в 334 километра, приток Северского Донца — река Белая Калитва. В ее верховьях по извилистым красным берегам есть приток Меловая Балка. В междуречье большой и сильной Каяитвы и маленького устья Меловой Балки стоит возвышенность из меловых отложений. Эту возвышенность хорошо видно с железнодорожного моста станции Чертково. На редкость красиво это место. Подножье меловой горы как бы отутюжено гигантским утюгом. На горе, в балках — лесные массивы, а рядом извилистые берега Белой Калитвы. Тут же раскинулось большое селение — Маньково. С востока Маньково огибают меловые горы.

В один из таких ребристых отрогов в жаркий день 2-го июля 1942 года военный самолет, летящий из окруженного Севастополя в Москву, врезался и потерпел аварию. Спасать тех, кто был в самолете, бросились все маньковцы. Из-под обломков удалось освободить нескольких офицеров. Они были тяжело ранены. Пилот, штурман и один из офицеров погибли.

Пелагея Ивановна Жовнер с некоторыми односельчанами переносила раненых и донесла их до санитарного самолета. Это событие всколыхнуло жителей села. В день похорон погибших собрался на центральной площади села митинг: школьные комсомольцы принесли большие букеты полевых цветов и стали у могилы воинов в почетном карауле. Фрелили залпы салюта. На митинге жители села узнали, что в этой катастрофе погиб писатель Евгений Петрович Петров.

Да, это он, известный мастер слова, один из «инженеров человеческих душ» в советской литературе, один из соавторов «Двенадцать ступеней» и «Золотого теленка».

Он, кто после смерти своего друга Ильфа, создал сценарий таких известных кинофильмов, как «Воздушный извозчик», «Тихая украинская ночь», «Беспокойный человек», «Музыкальная история», «Анна Ивановна сердится».

Да, это он — писатель, журналист, воин. С первых дней Великой Отечественной войны Евгений Петров стал корреспондентом «Советского Рибриро». Его фронтовые очерки появлялись в «Правде», «Известиях», «Красной звезде», в журнале «Огонек».

В 1941 г. Е. Петров был среди защитников Москвы. За месяц до своей гибели он был на Мурманском направлении. 15 мая 1942 года он писал с фронта, что метель продолжалась три дня, а военные действия не затихают. «Они, конечно, потеряли в стремительности, — пишет он, — но самый тот фал, что они велись, дает вам представление о неслыханном в истории ожесточении, с каким проходит эта титаническая война не на жизнь, а на смерть». А когда фашисты окружили Севастополь, он добивался разрешения поехать туда. Враг блокировал город и с воздуха, и с моря. И все ж туда прорвались наши корабли и самолеты. Доставляли боеприпасы, вывозили раненых и женщин. Писатель находился на крейсере «Ташкент», когда его повредила фашистская бомба. Все время пока корабли, пришедшие на помощь, снимали с крейсера людей, он был под обстрелом. Евгений Петров оставался с экипажем, помогал спасать раненых, да и сам корабль. В 1943 году, в двадцать пятом и двадцать шестом номерах журнала «Огонек» печатались воспоминания адмирала Н.С. Исакова. Вот строки из этих воспоминаний о писателе Е. Петрове: «Когда в день отлета я вошел утром на веранду, где спал Петров, вся веранда и вся мебель на ней устланы исписанными листами бумаги. Каждый был аккуратно придавлен камушком. Это сушились записи Евгения Петрова, которые вместе с его полевой сумкой попали в воду во время боя».

В день отлета Петров еще напряженно выплывает, додумывает свой очерк «На левом фланге». Вот на бумагу легли его первые строки: «В сравнительно короткий срок я пределал путь от правого фланга великого фронта до его левого фланга — от Баренцева моря до Черного. Даже быстрый полет на аэроплане не может уменьшить впечатление от географической грандиозности этого расетояния».

Его организм не может сразу привыкнуть к перемной климата. Еще недавно он сжился в майской мурманской выюге, которая способна засыпать человека с головой, а теперь он на берегах Черного моря обливается горячим потом и пишет свои военные очерки. Жарко ему, несмотря на то, что он родился в Одессе, и имеет некоторый иммунитет «по части Черноморской жары».

Очерк «На левом фланге» Е.Петров писал для американского агентства «Нана». В нем для американских читателей он сообщает «Что до жары в переносном смысле, то такой человечество не знало во всю историю своего существования. Я заявляю это с полной ответственностью. Речь идет о сверхчеловеческой обороне Севастополя, который защищается уже восьмой месяц с нечеловеческим упорством».

Да, это было нечеловеческое упорство. В Севастополе не было тыла. Там был только фронт, территория всего города простреливалась.

А город держался.

И тогда немцы пошли на хитрость — они во всеуслышание заявили, что Севастополь — «неприступная крепость». Они хотели убить двух зайцев: если возьмут город — будут бахвалиться, что взяли неприступную крепость, а если не удастся — будут говорить: «Мы же говорили — крепость неприступна». Но люди разгадали их коварство. Невозможное они сделали возможным. Кроме того, что они были готовы умереть, они еще умели воевать.

Не только артиллеристы, минометчики и разведчики, но и жители города. Они помогали воевать. Они жили под землей. Под землей рабочие ремонтировали подбитые орудия или пулеметы, под землей пекли хлеб, укачивали детей, выпускали газеты.

Обо всем этом было сказано на митинге в Маньково на похоронах писателя и его спутников. Колхозники узнали, как жил город Севастополь в осаде. В подземном городе хирурги проводили операции, и выступали артисты. По ночам люди собирали урожай с огородов (редиска там росла прямо на блиндажах), и доставали воду из колодезь.

Крестьяне слушали, затаив дыхание. Героизм севастопольцев удивителен. И несмотря на то, что наши войска оставили Севастополь, всем было ясно одно: поражение немцев в этой войне уже свершившийся факт.

Очерк так и остался неоконченным. Полевая сумка писателя, в которой были листки незаконченного очерка, была извлечена из-под обломков самолета и доставлена в Москву. Так погиб на боевом посту великий советский писатель Евгений Петрович Петров (Катаев). И это случилось 2 июля 1942 года в селе Маньково Чертковского района Ростовской области. Он верил в нашу победу и его вера сбылась.

С тех пор за могилой ухаживают с трепетом и заботой. На этом месте в центре села разбит парк, в нем стоит обелиск, на нем портрет черноволосого человека. Внизу на сером граните надпись: «Писатель Евгений Петрович Петров (Катаев). Погиб на боевом посту в дни Великой Отечественной войны (30 ноября 1903 года — 2 июля 1942 года)».

Жители села Маньково заботливо высаживают у могилы астры, розы, гвоздики.

БОИ ЗА ЛУГАНЦИНУ

(по материалам германского генштаба)

...Украина отошла частично за Дон-«батюшку» и Волгу-«маутушку». Да, то было тревожное время. Стояла глубокая осень 1941 года. Тяжелые тучи проплывали над землей. Часто шли дожди. Дул порывистый влажный ветер. Вся окружающая местность и дороги, не имеющие твердого покрытия (а они у нас были такими почти все) превратились в сплошное месиво, и только ночью это месиво сковывали заморозки. Все двигалось только по ночам. Ночью мы спали и не видели, как потухала волна беженцев с Украины. Помните, что в конце октября или начале ноября, ранним утром по дороге на Кантемировку из Марковки наблюдали картину: крик галок, идут отары из какого-то колхоза Ворошиловградщины, за ними одни женщины, а вечером по той же дороге едут великомученицы и великомученики — трактористки и трактористы. Темнеет, искры летят.

Трактора идут долгой вереницей... За каждым две будки... Дети облепили трактора... И все, больше вспоминаний нет...

7 ноября, в день праздника, проснувшись утром, я вышел на улицу и увидел, что ша землю лег снег... Началась зима. По радио шифробюро сообщило, что в Москве состоялся парад, выступал Иосиф Сталин. Фронт проходил через всю Европейскую часть Советского Союза от Баренцева до Черного и Азовского морей. Противник ворвался в Донбасс и уже приближался к Ворошиловграду. В жизни нашего края этот год имел огромное значение, он кормил и одевал наши медвежьи угодки.

В военной стратегической литературе мы почти не встречаем сведения того времени, когда фронт остановился на Ворошиловградщине. Но у нас есть возможность взглянуть в дневник Ф. Гальдера — начальника генерального штаба сухопутных войск Германии. Разумеется, нас будут интересовать записи того периода, о котором мы упоминали — ноябрь, декабрь. В докладах генерал-полковника А. Гитлера написано: «19 ноября. Оперативные замыслы: ближайшая задача — выход на Донец (Северная группа). В начале января — форсирование Дона, по всей вероятности, восточнее Ростова». А дальше следующая запись: «17 Армия: ближайшая задача — Ворошиловград, затем остановка, после чего — Старобельск, Кулевинь. Силы: противник севернее Изюма. Слабый, тем не менее, находится под единым руководством Тимошенко. Оттягивается назад. Немец-

ния противника — обороняться на Дону. Наши войска имеют превосходство в силах». А вот 23 ноября Ф. Гальдер записывает, что военная мощь России «более не представляет угрозы для Европы. Противнику нанесен сокрушительный удар», но противник еще не уничтожен и «разорвать его в этом году» Германия не сможет, несмотря на немалые успехи немецких войск. «Колоссальные размеры территории и неистощимость людских ресурсов этой страны вообще не позволяют гарантировать полного поражения противника». В конце ноября Гальдер подводил итоги потерь за пять месяцев войны. «Общие потери войск на Восточном фронте: больших, — подытоживает генерал-полковник, — 734 тысячи 718 человек, т.е. 22,96% общей численности войск Восточного фронта (3,2 млн. человек)». Довольно внушительный процент от общего числагерманских войск. Глядя на эти цифры можно не верить современным политологам и некоторым историкам, которые с распадом Советского государства начинают лить много черной краски на то страшное, но героическое время. Они утверждали, что Красная Армия без оглядки бежала от Западных границ до Дона и Волги. Но если бы это было так, то откуда эти цифры? И потом, они не придуманы кем-то, а их приводит начальник генерального штаба. Видимо, Красная Армия без оглядки бежала от Западных границ, когда она решала оглянуться, ее взгляд дорого стоил врагу.

1 декабря 1941 года Гальдер записывает, что приказано частям 19 горного корпуса и 4 артиллерийского корпуса как можно скорее перейти в наступление на Ворошиловград. Из дальнейших записей в дневнике мы видим, что немцы крепко споткнулись на территории нашей области, и в жертву, были потрачены время и силы и, кроме того, был потерян Руденшанд, которого Гитлер в гневе отстранил от командования группой «ЮГ».

Вечером 1 декабря части 1-ой танковой Армии вышли за Миус, а утром, согласно приказа фюрера, наступать на Ворошиловград». Гальдер, замечает: «У нас не хватает сил». Он замечает, что имеются проблемы и том, что Красная Армия подбрасывает новые силы через Ростов и Сталинград. Отмечены передвижения железнодорожного транспорта из Сталинграда к Лихой. Вероятно, перебрасываются войска.

Надо представить полностью картину событий, которые происходили на Ворошиловградом в те декабрьские дни 1941 года, мы все-таки должны сделать еще несколько выписок из дневника Гальдера...

Из дальнейших записей Гальдера мы узнаем и о том, какие ближайшие замыслы у генерального штаба: немцы уверены, что русские нигде

не отойдут сами. Имеется в виду немецкая группировка «Юг» и противостоящий ей фронт советских войск на Миусе. На Ворошиловградском направлении у немцев принципиально нет «никаких сомнений и колебаний в отношении сокращения линии фронта, но он должен подготавливать этот новый рубеж», «открыть стрелковые окопы, установить печи и т.д.». Немцы думают надолго остановиться здесь и готовиться к новому наступлению. Исходный рубеж этого наступления — излучина Дона. «Кроме того, — замечает Гальдер, — важно на зиму лишить русских каменноугольного района — восточной части Донбасса».

Но силы с той и другой стороны иссякают, нужно время для мобилизации. Это понимает немецкий генеральный штаб. И появляется вот такая любительская запись:

«Поэтому нельзя сбрасывать со счетов Ростов. Противник (читай Красная Армия) расходовал все свои силы на небольшом расстоянии от Ростова до нашей линии фронта — 100 км. Его наступательные действия носят уже не оборонительный, а тактический характер». И дальше следует запись генерал-полковника, в которой он говорит, что две танковые и пехотная дивизии, если будут пополнены 150 танками, то можно будет осуществить наступление моторизованными частями на Ростов с Северо-запада. Обратим внимание еще на запись в диспетиче Ф.Гальдера, чтобы иметь представление о событиях того времени на фронте в пашей области: «10 декабря. В районе западнее Старобельска отмечены передвижения противника (Красная Армия). Район прикрывается зенитной артиллерией». «12 декабря. Данные авиаразведки: переброска войск противника из района западнее Старобельска на Север (возможно к Ельцу). Группа Армии «Юг». Оттепель. Отражена атака противника (Красная Армия) на Миусском участке фронта. Итальянские войска медленню продвигаются вперед. В районе восточнее Артемовска противник (Красная Армия) незначительно вклинился в нашу (немецкую) оборону. Севернее Артемовска отражены атаки. Намечено сократить линию фронта».

Затем в дневнике появляются записи о том, что замечено передвижение грузового транспорта в направлении Ворошиловграда. По-видимому, это передвижение носит тактический характер. В Кантемировке производится погрузка эшелонов. Местами советские войска вклинились в немецкую оборону.

16 декабря читаем: «Перед фронтом 6-ой Армии советская пехота производит земельные работы». С этого времени начались бои местного значения. Фронт остановился».

ВОЙНА ПРИШЛА В ПОСЕЛОК

Первые месяцы войны совпали с жатвой. Несмотря на трудности, уборка хлебов в 1941 году прошла организованно. И как ни обивают сегодня коммунистов и комсомольцев в их грехах, все же уборку хлеба этого года возглавляли они. Благодаря их усилиям Луганская область досрочно выполнила государственный план хлебоставок.

Война шла за тысячи километров от Меловского района. Где-то далеко гремели взрывы артиллерийских снарядов, полыхали пожары, вражеские самолеты бомбили советскую землю. Война забирала тех, на ком держалось хозяйство, кто сеял хлеб, растил скот.

Уходили на фронт лучшие трактористы, комбайнсыры, полсводы, животноводы.

В годы войны каждый гражданин Советского Союза сдавал экзамен на зрелость, гражданственность и человечность. В тылу был принят лозунг «Беззаветное служение Родине!». Пожалуй, особый смысл приобретали эти слова в годы Великой Отечественной войны, когда каждый гражданин нашей огромной страны, называемой тогда Советским Союзом, сдавал экзамен на зрелость. Фронт требовал человеческого напряжения не только от тех, кто был на передовой, но и тех, кто работал в тылу, снабжал армию оружием, одеждой, продуктами питания.

К нам дошло очень мало сведений о тех горячих днях войны.

Но то, что дошло, говорит о многом. Читаешь документы тех лет и удивляешься, каким единым и сплоченным был народ страны в те годы.

В июле 1941 года состоялось общее районное собрание членов и кандидатов ВКП (б) Чертовского района с повесткой дня «О задачах парторганизации в связи с войной». Обратим внимание на формулировку — краткая и лаконичная. Обратим тоже внимание на то, что основным и самым массовым предприятием наших двух поселков Меловое и Чертково была железнодорожная станция Чертково, на которой работало много жителей Мелового, которые состояли на учете в Чертовской парторганизации. Районное собрание предложило членам первичных организаций подчинить всю массово-политическую работу нуждам защиты нашей Родины. Разъяснить, что с момента войны нет больше мирных профессий, что сейчас всякая работа должна быть направлена на Победу, требует от каждого строжайшей дисциплины и ответственности, работать столько, сколько требует страна.

К концу июля 1941 года во всех районах и городах Луганской области были созданы вооруженные истребительные батальоны. Командирами батальонов, согласно Приказу НКВД СССР, назначены начальники районных отделов НКВД. Областной штаб истребительных батальонов находился в городе Луганске. В Меловском районе было создано три отряда народного ополчения, в которых насчитывалось 700 бойцов (Партакхив Обкома ф. 79).

Командиром в поселке Меловое был назначен начальник милиции Озерной, а комиссаром Мелов. Прискорбно то, что время не сохранило их имен и отчества.

ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Из книги «История городов и сел Украинской ССР. Луганская область.» мы узнаем, что в октябре 1941 года части Красной Армии остановили гитлеровцев за шесть километров от Красного Луча на реке Миус. Вражеская артиллерия варварски обстреливала город Красный Луч. В этом огне погибло много людей, были разрушены целые дома, промышленные предприятия. 25 октября оборонительные рубежи на Миусе заняли легендарные 383 и 385 шахтерские дивизии под командованием Героя Советского Союза К.Н. Павлова и А.Н. Петровского. В состав этих дивизий влилось около 1800 краснолучских горняков. 31 октября на подступах к городу разгорелись ожесточенные бои, которые продолжались пять суток. Фашистам не удалось преодолеть стойкий отпор воинов-горняков. За несколько километров от Красного Луча враг был остановлен и не на один — два дня, а больше чем на восемь месяцев.

...В эти дни Советские войска еще отступали на многих фронтах, но теперь все было не так, как раньше. Гитлер заявил, что через две недели он будет в Москве. Этим хвастливым заявлением он хотел подчеркнуть, что война с Советским Союзом будет, как и с остальными странами Западной Европы, молниеносной и завершится победой Германии. Но эти расчеты были перечеркнуты всевозрастающим отпором Красной Армии. Самым крупным, на наш взгляд, отпором и остановкой врага был бой у Красного Луча. Захватчики несли огромные потери. По данным немецкого генерала Гальдerta (фашистский генеральный штаб) с 22 июня по октябрь 1941 года включительно силы вермахта потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и теми, что пропали без вести — 665907 солдат и офицеров, что составило не меньше одной пятой части всех немецких войск, участвовавших на Восточном фронте.

17 ноября 1941 года меловчане с большой радостью читали переизданную статью «Правды», в которой говорилось, что мужественный отпор Красной Армии остановил разбег фашистских полчищ. «Они теперь вынуждены перейти на медленный шаг. Они теперь не мчатся вперед, как в начале войны, а ползут, поливая кровью каждый свой шаг. Но они все еще не сдаются. Значит, следует удешевить стойкость защитников Москвы и укрепить слабые места в обороне, помня завещания от живых: Не сдавайся!».

В эти дни разошлась радостная долгожданная весточка: войска Южного фронта, разгромив в районе Ростова-на-Дону горнистрелковый корпус, дивизию «Викинг» и 16-ю танковую дивизию противника уничтожили около шести тысяч солдат и офицеров, захвачены большие трофеи и продвинулись от исходных рубежей на 60 километров.

И через несколько дней еще одно сообщение о том, что освобожден от захватчиков г. Ростов-на-Дону, разгромлена танковая группа Клейста, немецкие войска беспорядочно отступали в сторону Таганаграда.

Это значило, что одна из оперативно-стратегических группировок немецко-фашистских войск на Советско-Германском фронте — «Группа Армии «Юг» — потерпела огромные потери и лишена своей движущей ударной силы. Инициатива на Южном участке фронта перешла в руки Красной Армии. В эти дни вся Луганская область по сути стала прифронтовой.

...Это было на фронте. А что делалось на прифронтовой полосе, что делалось на дорогах наших районов. Передо мной фронтовой дневник украинского поэта Павла Усенко. В октябре он был на Луганщине. 18 октября он записывает в своем дневнике, что никогда и в немнях не допускал, что на это поле с синими огоньками цветов, с незримым трепетом поющего жаворонка, этого степного соловья придут чужие люди и придут с одной целью — убить меня, убить мать мою, моих сестер, моих детей — и тогда в моих краях зазвучит речь чужеземца, а на покоренных полях заблестят лемехи не наших плугов, под свист чужеземных плетей... и строки стихов:

Ніч як море,
Чорне море,
Стугонить, здригає...
Україно горе
Під хмарами грає...

А горе действительно было большое. В эти дни, как мы уже вспоминали, в Луганской области, когда остановили гитлеровцев у Красного Луча в Луганске стало холодно, он стал прифронтовой группой. Типографии различных армейских и республиканских газет, журналы, корреспонденты, поэты — весь цвет литературной Украины был тогда в Луганске.

Обратимся к хронологии событий. В октябре 1941 года.

СНК СССР и ЦК ВКП приняли Постановление «О распределении средств среди колхозников прифронтовых районов общественных фондов». В целях недопущения захвата врагом общественных фондов колхозов СНК СССР и ЦК Партии предложил Совшаркому и ЦК КПУ, Совшаркому и Обкому партии Крыма, Облсполкомам и Обкомам партии Смоленской, Ленинградской, Орловской, Курской,

Ростовской областей рекомендовать колхозам прифронтовых районов распределять среди колхозников все наличные общественные фонды семян, хлебофуража и всех продуктов питания.

СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли Постановление «О продаже муки или зерна в Донецкой и Луганской областях и городах Харьков, Ростове и Туле. Органами Народного комиссариата торговли разрешалось продавать в одни руки сверх нормы по одному пуду или муки или зерна.

Из дневника поэта мы замечаем, что поток отступления и поток гонимых войной людей двигался на Кантемировку. Вся Луганщина, которая не могла погрузиться в уходившие эшелоны, на машинах и подводах, а то и пешим ходом устремилась через Счастье, Петровку и Станицу Луганскую на восток.

Во второй половине октября наши войска стали оставлять города и поселки Донбасса и Харьковской области.

5-го ноября противник перешел в наступление, нанося главный удар на город Шахты. Кровавопролитные бои шли с переменным успехом. 17 ноября 1-я танковая армия, отнесив войска 56 отдельной

Армии Советских войск заняли г. Ростов-на-Дону. 29 ноября части 9-й и 56-й Армии при содействии Ростовских ополченцев и партизан освободили город от врага и, преследуя его 2 декабря вышли на реку Миус. Наступление войск Южного фронта противника было остановлено заблаговременно подготовленной обороной.

Трудившиеся области много сил отдавали строительству оборонительных сооружений. На таких работах в республике было занято много человек, в том числе и труженников Меловского района. Кроме того, на оборонительных сооружениях внутри Луганской области было занято свыше 70 тысяч человек. Домохозяйки работали по оборудованию госпиталей, молодежь в свободное от работы время дежурила в палатах госпиталей. Среди труженников города развернулось патриотическое движение по сбору средств на изготовление боевой техники для Красной Армии. 6-го октября 1941 года Иванянком и Бюро Обкома КП (б), считая строительство

оборонительных рубежей важнейшим мероприятием обороны Донбасса, об язало секретарей обкомов и райкомов партии и председателей горисполкомов и райисполкомов в течение в 6—7, через военкоматы мобилизовать трудоспособное население в возрасте: мужчины от 17 лет и женщины от 18 лет в количестве 100 тысяч человек и десять тысяч колхозных подвов. Мобилизованные на строительство обязаны иметь теплую одежду, исправную обувь, полотенце, кружку, ложку, лопату. Каждый район должен взять: топоров — 1 на 10 человек, пила попелочных — 1 на десять человек, кирок — одну на 10 человек, пила попелочных — 1 на 50 человек. Кроме того, доставить на строительство все имеющиеся в районе скреперы, волокуши, грейдеры и планшетные плуги. Решением было обязано секретарям райкомов и председателям райисполкомов лично выехать с отъезжающими людьми и подвозами райисполкомов лично выехать за организацию питания, для чего они должны изыскать в районе необходимое количество котлов, кастрюль и другой посуды, иметь поваров и кухарок в необходимом количестве, а так же должны беспокоиться о размещении мобилизованных в колхозных хатах и шалашах и должны беспокоиться о проведении массово-политической работы и мобилизации людей на досрочное окончание работ.

Рубежи заблаговременно подготовленной обороны были созданы руками этих мобилизованных рабочих и колхозников пашей области, что дало возможность остановить наступление врага на высветленных рубежах и на Миусе и г. Красный Луч.

...В октябре месяце продолжалась эвакуация населения Луганской области. В октябре 1941 года из Ворошиловграда было отправлено в Узбекскую ССР (Самаркандская область) эшелон с семьями (450 семей) в количестве 1800 человек, в том числе свыше 1000 человек детей (Партархив Луганской области).

Документов по эвакуации колхозников по Луганской области у нас нет, но есть Постановление Обкома КП(б) У и мы надеемся, что оно отражает события, как по времени так и по проблемам и задачам, которые ставило время перед партийными организациями и трудящимися районов Луганщины.

Этим Постановлением бюро Евсугского района КП(б) У обязало всех председателей сельских Советов и секретарей первичных партийных организаций весь скот, который не может быть эвакуирован в глубь страны в связи с болезнью ящуrom, сохранить в колхозах, после чего передать в «Заготскот» в счет мясопоставки в 1942 году. Все это

ное поголовье, кроме маленьких поросят, сдать в «Заготскот». Постановление обязывало председателей Советов, колхозов лично подходить к горщикам скота, особенно обратив внимание на подбор старших горщиков за счет лучших и честных колхозников. В помощь колхозникам для организации эвакуации скота было командировано 26 человек из райпартактива. Бюро обязало директоров МТС и конзавода подготовить весь тракторный парк для эвакуации таковых в глубь страны, причем выгон тракторов начать с 27 октября 1941 года и полностью закончить эвакуацию тракторов и другого имущества до 30 октября 1941 года в связи с тем, что немецко-фашистские захватчики были остановлены.

Дальнейшая эвакуация промышленного оборудования, сельскохозяйственной техники и скота была прекращена. Большая работа была уже проведена по эвакуации тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники МТС, скота, фуража колхозов и совхозов.

Благодаря самоотверженному труду рабочих и служащих многие предприятия Ворошиловградщины эвакуированы в Омск, Нижний Новгород, Челябинск, Караганду, Кузбасс, Алма-Ата и другие восточные районы страны и в предельно сжатые сроки вступили в строй и начали давать военную продукцию фронту. Эвакуированное основное оборудование заводов, фабрик, шахт материальные ценности колхозов и совхозов и учебных заведений, трудящиеся Ворошиловградской области в непосредственной близости от фронта, который в ноябре и декабре 1941 года стабилизировался, мужественно переносили все лишения, и не только руки работали для нужд Красной Армии. Эвакуация части предприятий, рабочих, близость фронта, естественно нарушили нормальную жизнь области и районов. Чрезмерно ухудшилось снабжение населения, продуктами питания, электроэнергией. Многие предприятия, учреждения, магазины, средства связи работали с большими трудностями.

В этих сложных условиях 10 декабря 1941 года состоялся Пленум Обкома с участием секретарей горкомов и райкомов, председателей райисполкомов Советов, руководителей учреждений, представителей фронта, которые обсуждали доклад Первого секретаря Обкома КП(б) У А.Н.Гаевского «О неотложных задачах партийных организаций Ворошиловградщины». Пленум обязал руководящие партийные, Советские и хозяйственные органы взять на строгий учет и охранять промышленное оборудование, имущество и материалы, наладить их охра-

ну и экономно расходовать исключительно для нужд обороны. (Протокол Обкома КП(б)У).

Пленум потребовал немедленно восстановить деятельность сельских, поселковых и городских Советов, всех учреждений, наладить торговлю и связь. Решение Пленума являлось боевой программой действий партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и хозяйственников по усилению всех работ в прифронтовых условиях. Началась долгая жизнь нашего края, то есть Ворошиловградщины, ныне Луганщины в прифронтовых условиях.

НА ПОДСТУПАХ К ПОСЕЛКАМ-БРАТЬЯМ

Линия фронта приближалась к поселкам Чертково и Меловое в начале июля 1942 года. Все чаще кружили в небе над постройками и станционными сооружениями вражеские бомбардировщики. Десятки бомб сыпались на воинские эшелоны, стоящие на станционных путях Чертково. Рвались боеприпасы, горели цистерны, огонь перебарсывался на дома соседних улиц. Жители поселков, не успевшие эвакуироваться, прятались в щелях и погребах. Летом 1942 года противник рвался к Сталинграду, чтобы захватить важный стратегический пункт и крупный промышленный район. Территория Чертково и Мелового оказалась в зоне тяжелых оборонительных боев. Наши войска отступали, как и в 1941 году. Как это случилось? Ведь осенью 41-го наши войска активизировались и уже отвечали немцам довольно успешными контратаками. А получилось то, что вследствие неудачной Харьковской наступательной операции войска юго-западного фронта перешли к обороне.

Для противодействия намерениям вражеского командования было решено организовать за счет внутреннего перегруппирования крупную оборону на стыке двух фронтов. В полосах 38-ой, 9-ой, и 37-ой армий. В это же время Военсовет считал, что сил, которые имеются, было недостаточно для успешного отражения главного удара противника. Военсовет Юго-Западного направления сделал оценку обстановке в конце мая 1942 г. Но эта оценка касалась только ближайшего будущего. Она не распространялась на всю летнюю кампанию.

7 июля 1942 г. Семь вражеских самолетов налетели на ст. Чертково. На железнодорожных магистралях стояло множество составов с боеприпасами, горючим. Немецкие самолеты, совершив несколько кругов над составами, вошли в пики и начали бомбить. Бомбы падали в составы, раздавались оглушительные взрывы, клубы дыма и пламени поднимались к небу. Рвались снаряды, пылающие цистерны, как огненные змеи, взлетали в воздух, неслись на несколько сот метров, уничтожая все на своем пути, летели куски рельсов и железа.

Местный поэт Николай Шульга так описал это страшное зрелище, свидетелем которого в детстве он был сам:

По-летнему солнце палило с утра,
И шумно купалась в пруду дятвора
Бездонное небо влекло синевой...
Военный был год тогда, сорок второй.
И тут заметил один из ребят:
Смотри, самолеты с крестами летят!
Они над железной дорогой кружат,
Как хищные птицы, что ловят цыплят.
А кто-то воскликнул: «Смотри!»
Посыпалось что-то у них изнутри»,
И брызнули сразу фонтаны огня
Вагоны и рельсы на воздух подняв.
На мелкие части железо круша,
Ударили взрывы до боли в ушах,
Под грохот бомбежки, осколочный вой,
Летят, как безумные, дети домой.
Затянуто небо в дыму и огне,
Трепещуте стекла в каждом окне,
Кострищем вокзал пылая горит,
И кто-то изранен, а кто-то убит...
Для каждого стала картина ясна:

В поселок Чертково ворвалась война.

Утром следующего дня потекли людские потоки к своим очагам со всех сторон. Перед ними открылась панорама: разбитые и еще пылающие поселки Меловое и Чертково.

...Утром 8-го июля немецко-фашистские войска заняли населенный пункт Ольховатку и овладели плацдармами на южном берегу реки Черная Калитва. Это создало угрозу выходу в тыл левому крылу Юго-Западного фронта.

10-го июля было сравнительно спокойно. Немцам приходилось прокладывать путь через минированные участки. Восстанавливать мосты и дороги, и поэтому они медленно продвигались вперед, и лишь в конце дня достигли переднего края нашей обороны. Авиация противника действовала почти без помех, нанося нашим войскам тяжелые потери. Командующий фронтом торопил: главное вывести войска из-под угрозы окружения, которое уже четко намечалось.

ГОРЕЧЬ ОТСТУПЛЕНИЯ

Угроза оккупации нашего края нависла ещё в сентябре 1941 года. Но осенью захватчики были остановлены. Немцы провели новую тотальную мобилизацию, и к июлю 1942 года сосредоточили на советском фронте 237 дивизий. Только на участке от Курска до Керченского пролива было развернуто свыше 90 дивизий. В июле 1942 года фашистским войскам удалось оккупировать Украину и Донбасс. Наши войска отошли к Сталинграду и Кавказу.

Мобилизуя все силы и резервы страны на защиту отечества, партия и правительство с первых дней войны большое внимание уделяли борьбе советского народа с захватчиками на временно оккупированной территории.

Эта работа осуществлялась под непосредственным руководством секретаря ЦК КП(б)У Коротченко, секретаря Ворошиловградского обкома КП(б)У А.И. Гаевого, секретарей райкомов и горкомов партий.

На местах партийные органы руководили созданием, организацией на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах подполья, подбором ячеек квартир, закладкой баз для партизан. В соответствии со структурой партийного строилось комсомольское подполье.

С августа по декабрь 1941 года на территории области была создана разветвленная сеть, охватывающая все города и районы. Одновременно шло комплектование партизанских отрядов. Значительная часть будущих партизан и подпольщиков прошла обучение на краткосрочных курсах в Ворошиловградской и Лисичанской школах.

Специальные школы готовили командиров партизанских отрядов, ведения диверсионных групп, разведчиков, радистов, подрывников.

Однако со стабилизацией фронта большинство подпольных организаций и партизанских отрядов было расформировано, многие резервированные люди призваны в армию или направлены для борьбы в тылу врага.

Например, в 1941 году в Полтавскую область ушел партизанский отряд под командованием Скоробогатова, сформированный в заводском районе им. Октябрьской революции города Луганска. Эта группа жителей области была командирована в Чернигов для организации партизанского соединения. Более 500 ворошиловградцев сражались в составе соединений С.А. Ковпака, А. Сабурова, А. Федотова и

других партизанских формирований, действовавших на Украине (партархин Ворошиловградского обкома КПУ, ф. 179).

Из Мелового, как мы уже знаем, тоже отправлялись диверсионные группы в тыл врага и отправлялись группы на пополнение партизанских отрядов Украины. Были ли там наши земляки, нам неизвестно. За неизменем документальных подтверждений сказать, что там в этих группах переправлялись жители нашего района, мы не можем.

Но и обратное тоже не можем утверждать. Такая вероятность есть.

В мае — июне 1942 года положение на Южном и Юго-Западном фронтах резко осложнилось. Над областью нависла прямая угроза захвата ее фашистскими войсками. В связи с этим вновь была развернута работа по подготовке к борьбе в условиях вражеской оккупации.

Были воссозданы, а в отдельных районах сформированы подпольные партийные и комсомольские органы, подпольные организации и партизанские отряды.

Кроме того, при отходе советских войск партийные органы совместно с украинским штабом партизанского движения и армейскими частями оставили в тылу врага 216 небольших диверсионных групп, многих подпольщиков — одиночек (В. Колоков, У. Кулич «Народная борьба на Украине» Киев, 1957 г., стр. 84).

Было ли партийное подполье в Меловском райкоме, мы также не знаем. Об этом трудно сказать утвердительно, потому что никаких документов и воспоминаний о подпольной работе мы не имеем. Но жители района не смирились и не покорились новому немецкому порядку.

И все же несколько слов о партийном подполье нашего района. О том, что немцы расстреляли секретаря райкома КП(б)У Черкашина, в районе вспоминали часто и в недобрительном тоне. Вначале, после войны, говорили, что он был оставлен как руководитель подпольного райкома, но бездействовал. Потом об этом замолчали и долго не вспоминали. Но в конце семидесятых вдруг стало появляться его имя как жертва фашистского террора на оккупационной территории нашего района. Его имя стало вспоминаться как имя подпольщика. Но тут в спор включились ветераны войны и старые коммунисты с большим партийным стажем.

Приведем воспоминания главного оппонента Павла Даниловича Курячего. Он рассказывает, что как только началась война, в поселке Меловое и во всех селах района были проведены митинги, на них разъясняли населению, что со стороны фашистской Германии война

была захватнической, а со стороны Советского Союза — освободительной.

Из этого выходит, что каждый должен знать — он работает и воюет ради того, чтобы его самого, его детей и весь советский народ фашистская Германия не поставила на колени, не превратила в рабов.

Перед войной и в ее начале первым секретарем райкома партии был Алексей Терентьевич Черкашин. В свое время он работал инструктором областного комитета партии. В 1939 году его прислали с проверкой в Меловский район. Результаты проверки были негативными. Когда он об этом доложил в обкоме партии, то руководство обкома КП(б)У поручило Черкашину Меловский район, чтобы он в нем поработал и исправил положение. И, несмотря на то, что Павел Данилович и Черкашин были приятелями, и по всем правилам дружбы о своем друге говорить вроде бы неудобно, но, по словам Павла Даниловича, никаких сдвигов, никакого улучшения в работе партийной организации не произошло.

Из обкома было получено указание о создании подпольной группы в поселке. Об этом райком проинформировал первый секретарь Черкашин. Велись разговоры о будущей работе в подполье.

Семь тех коммунистов, кого оставляли в подполье, были отправлены в тыл. Родные Курячего поехали, например, в Сталинградскую область.

Для Курячего же была подыскана квартира в с. Великоцк. Он, как заведующий военным отделом райкома, несколько раз ездил в обком партии, завозил для подпольной группы продукты и оружие. Как видно, велась активная подготовка для перехода намеченной группы партизан в подполье.

Среди тех, кого оставляли, был и сам Черкашин, уже названный П. Д. Курячий, председатель исполкома райсовета Алексей Михайлович Голодный, начальник сельхозуправления Николай Кондратьевич Лисинченко, заведующий комитетом заготовок Трофим Романович Шашко и заведующий сельхозснабом Александр Филиппович Фомин.

Возможно, это не все, кто был оставлен для партийного подполья. Но это те, кого знал и помнит Павел Данилович. Вероятно не все, ведь такая информация, как можно понимать, широко не распространялась, и все имена знали только те, кому можно знать. Из названных фамилий больше всех в памяти Павла Даниловича остался Шашко. Это не Павел Данилович отзывается, как об активном коммунисте и партийном руководителе. Беспокойство о производстве, забота об

общественных делах у него были на первом плане, он много времени отдавал работе, забывая о себе и семье. Много было тогда, в то время таких коммунистов! Нет, много это не то слово — это подавляющее большинство. Павел Данилович давно знает Т.Р.Шашко, как знающего свое дело человека и требовательного руководителя. И еще М.М.Севастьянова — одного из работников наркомзема.

За день перед оккупацией Черкашин собрал группу и раздал всем партийные билеты. Раздав билеты, он сообщил, что он оставляет территорию района.

— Что же нам делать? — спросили его присутствующие.

— Не знаю. Как хотите, так и действуйте. С того дня Курячий с первым секретарем больше не встречался.

Поскольку партизанская группа осталась без плана работы, ее члены тоже решили эвакуироваться, пока еще не пришли немцы.

И еще один важный свидетель того времени, коммунист с 50-и летним пребыванием в рядах КИСС — Палеева Анна Савельевна. На вопрос корреспондента районной газеты «Слово хлебороба» С.Понятовской: «Как Вы относитесь к своей партии и своему будущему в связи с тем, что ее постигло?» — Анна Савельевна ответила:

— Это не простой вопрос. Для меня и моих товарищей долгое время слово «коммунист» и человек, который посит это наименование, были святыми. И только в эвакуацию 1942 года я впервые задумалась над тем, что партия делится на рядовых и ее руководителей. Среди рядовых могу назвать многих честных и преданных партии, народу и Родине людей. А вот среди другой половины... На мой взгляд, верно люди говорят, что рыба портится с головы. Только по вине руководства, которое безнаказанно позволяло себе все то, что нельзя было делать другим, партия действительно теряет свой авторитет. Вот вам такой пример. В период эвакуации 1942 года, когда наступали фашисты, нужно было в первую очередь отправить слабых здоровьем людей, над которыми висела угроза отправки в Германию. Партийные руководители того времени в нашем районе далеко не всегда следовали этому принципу. Они беспокоились в первую очередь о своих родственниках: выгребали ящиками сливочное масло из магазинов и складов, деньги из магазинов, грузили автомашины и уезжали. Случилось так, что мы, нас было четыре женщины, отправились в эвакуацию на тачанке, совсем без вещей, для них в нашем экипаже не оказалось места. В селе Дегтево, недалеко от Миллерово, встретились со «своими»: первым секретарем А.Ф. Черкашиным и председателем райис-

полкома А.М. Голодным. Попросили взять в машину одного человека, там было свободное место для одного. «Некуда посадить, — ответил Александр Филиппович, там у нас лежит бочка с вином».

Да, они не забыли даже бочку с вином, а то что Анна Савельевна Палеева работала не покладая рук, выполняя работу секретари исполкома и свою в райплане они забыли.

А второе, самое главное — это то, что вот где оказались руководители будущего партийного подполья. Что их гнало на восток? Беззаботность или страх? Бочка вина говорит о том, в каком состоянии они были, если за спиной в запасе было вино.

Но злосчастные приключения этих четырех женщин не закончились. Когда они в одном из сел переночевали, на утро им стало ясно — из двух лошадей у них осталась одна. А вторую лошадь у них конфисковал заведующий военным сектором райкома П.Д. Курячий, а ведь они работали вместе и их столы стояли рядом в одном кабинете.

... Уходили на востоквойска, а вместе с ними бежали на восток и партийные работники нашего района. В то время они не назывались беженцами, их именовали эвакуированными, все, кто мог носить оружие, были призваны в Армию. Армия тоже отступала. По приказу командования или по нажиму противника, но отступала. Но в этой войне была и другая армия — подпольная, партийная, которая действовала в тылу врага. О том, как действовала такая армия, мы знаем по подвигам партизан Ворошиловградской, молодежного подполья Краснодара «Молодая гвардия» и многих других городов и сел нашей области, чего не скажешь о Меловском подполье.

О действиях других подпольщиков мы можем проследить на примере П.Д. Курячего и Т.Р. Шашко. Они после злослучного совещания, когда Черкашин выдал им партийные билеты и дал согласие на самостоятельные действия, не стали ввязываться в подполье, как велела им партия. Нужно заметить, что Курячий неоднократно ездил в область, получал там для подполья продукты питания, инструкции и оружие и, видимо, был не последним в руководстве будущего подполья.

Они, Курячий и Шашко, на подводе направлялись в колхоз имени Крупной (Кирносово) Моисеевского сельского совета.

Кула девалось все то, чем снабжала их партия, рассчитывая на восток подполье в тылу врага, П.Д. Курячий в своих воспоминаниях говорил. Объясняет он свой маршрут такой непонятной дорогой в область тем, что нужно было перевести через железную дорогу остав-

шнеся неэвакуированными 6 тракторов. Оттуда они направились на Журавское, там переночевали в скирде сена, а на утро взяли курс на отделение конного завода Дзержинское. Встретились там с заведующим этого отделения, который сообщил им, что в конзаводе уже хозяйничают немцы, бегитя, мол, отсюда, а то он вынужден будет доложить о них новым хозяевам. Этому человеку было известно, что они не простые люди, а представители партийной элиты того времени, и он не хотел нести ответственность перед фашистами за кого бы то ни было.

Тогда наши путешественники степью направились на хутор Червона Зирка. Оттуда позвонили в Меловое. Телефонистка ответила, что в Меловом уже немцы.

И они взяли курс на Сталинград. Дорогой наткнулись на фашистов. Повезло уйти, но зато они остались без подводы и лошадей. Всю ночь просидели в реке.

Надо полагать, что они уже были на Чертковской стороне и рекой Была, видимо, Калитва.

Мы думаем, что они догнали своих эвакуированных, и обратим внимание на воспоминания Палеевой. Вот дословно ее слова в воспоминаниях: «...Когда переночевали, то выяснилось, что из двух лошадей у нас осталась одна. Вторую лошадь забрал наш «заведующий воешным сектором». Она не говорит «воешком», а имело «заведующий воешным сектором». А заведующим воешным сектором Меловского райкома партии был П.Д. Курячий. Прямо скажем, характеристика не из приятных. Значит, встреча с немецкой колонией произошла где-то в районе Дегтево уже после того, как они отняли или лучше сказать уворовали лошадь у своих же сотрудников.

Ну да Бог им судья. Время расставило все по своим местам. Но вернемся к нашим беглецам.

Всю ночь они просидели в реке. Утром повернули в Чертково. Надо полагать, домой. Потом вошли в пшеничное поле, чтобы лечь и отдохнуть. Перед ними возникла дилемма: что делать, как быть?

— Когда бежали от колонны, то, кажется, где-то недалеко видели группу красноармейцев. Давай поищем и вместе что-то решим, — предложил Павел Данилович. Трофим Романович, как казалось Курячему, вроде бы был внутренне не согласен, но все же согласился, только он так устал, что идти сейчас не может, нужен отдых.

Фашисты шли освободить Советский народ от большевиков. Но крайней мере, они так говорили. Но кто им верил? Еще живы были те, кто помнил немцев в 1918 г. Помнит, какими были их порядки

В гражданской войне тоже было много атаманов и «батек» разных мастей — все они приходили освобождать от большевизма наш народ. И через 20 лет они также решили освободить нас от большевиков.

Каким же был этот новый порядок? Одной из важнейших задач «нового порядка» было экономическое ограбление захваченных территорий, безудержная эксплуатация населения. Людей силой сгоняли на заводы и шахты. Уклонение от работы каралось заключением в лагерь смерти и расстрелом. Рабочий день длился по 14—16 часов. Повсеместно применялись телесные наказания. Гитлеровский наместник на Украине Эрик Кох поучал своих подчиненных: «Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том чтобы сделать этот народ счастливым». Территория Ворошиловградской области была включена в особую военную зону, находящуюся непосредственно под властью немецкого военного командования. В военную зону входили также Сталинская (ныне Донецкая), Сумская, Черниговская и Харьковская области.

В районных центрах они создали районные управы. Районная управа имела отделы: земельный, просвещения и финотдел. В селах староста села и писари.

Первым шагом немецко-фашистских оккупантов по формированию местных органов власти было создание многочисленной полиции из уголовников, бывших кулаков и дезертиров.

Вся эта свора продажных лиц из среды русского и украинского населения нашего края помогала оккупационному режиму во главе с рейх-комиссаром Украины Э. Кохом устанавливать новый порядок, суть которого заключалась в словах, сказанных рейхкомиссаром: «Украина может дать то, чего не хватает в Германии. Это задание должно быть выполнено, несмотря на потери. Фюрер приказал вывезти с Украины в Германию 3 миллиона тонн зерна, и мы должны это сделать».

Для подавления сопротивления населения был создан в нашем крае, как и в других оккупационных районах, огромный карательный аппарат. Помимо армейских карательных учреждений, был создан гражданский из числа отбывавших различные отбросы общества. Все эти «управы» были органами оккупационных фашистских властей. На временно оккупированных территориях гитлеровцы последовательно и методично осуществляли свою зверскую программу истребления славянских народов. Массовые убийства мирного населения проводились повсеместно.

В таких невероятно тяжелых условиях фашистского террора начали действовать подпольные организации и партизанские отряды.

В нашем районе, по утверждению П.Д. Курячего, подполье не действовало по вине бывшего секретаря РКП(б)У Черкашина, а по утверждению Палеевой, Черкашин позорно бежал, прихватив с собой бочку вина. Это утверждают два коммуниста с 50-летним стажем пребывания в партии и обладатели золотого значка «Ветеран партии». Но кто из них прав? Они, выжившие в той войне, или сам тот факт, что Черкашин был расстрелян фашистами как коммунист, как подпольщик?

Нам доказывают, что подполье и партизанское движение к нашему району не имеют никакого отношения. Тогда возникает сам по себе вопрос: кто сжег биржу со списками и этим самым спас молодежь района от вывоза в рабство в фашистскую Германию? Кто же тогда в Водянолиповском лесу срезал протянутой проволокой ичавшихся немецких мотоциклистов, которые разбились насмерть? Об этом с гордостью рассказывали местные колхозники. Или вот еще один пример в этом же колхозе. Темной ночью в хутор Водяно-Липове зашла партизанская группа. Остановилась у подворья старосты колхоза Никона Бережного. Вместе с ним они подъехали к колхозным камаморам, нагрузили продукты, пожали друг другу руки и уехали восвояси. Кто был этот староста колхоза «Червоный колос» Никон Бережной? К приходу Красной Армии его не тронули, не послали отбывать 10-летний срок, как других изменников Отечества. И таких примеров можно привести много. Так было ли в нашем районе подполье?

Надо считать фактом то, что не располагая должным опытом, некоторые патриоты терпели серьезные неудачи и провалы. Фашистские оккупанты сразу же бросили свой карательный аппарат, уже имевший немалый опыт по выявлению и ликвидации подполья.

КУРЯЧИЙ

О жизни поселка того времени мы узнаем из воспоминаний Павла Даниловича Курячего.

Перед войной он возглавлял военный отдел райкома КП(б)У. Был такой отдел у коммунистов района. Была такая необходимость, потому что в воздухе того времени слышался запах войны. Все уже верили, что война неизбежна, но только не знали, когда она начнется. Чем же занимался этот отдел? Вел разъяснительную работу среди населения. В клубах, организациях Меловского района читались лекции, проводились конференции, за каждым населенным пунктом были закреплены агитаторы. Коммунисты района имели в этом большой опыт. Темы этих бесед и лекций были, как спастись от бомбежки, как соорудить блиндаж, информация о текущем моменте в стране и мире.

Как только началась война, вспоминает Павел Данилович, в райцентре и в селах были проведены митинги, на которых выступающие объясняли народу, что война со стороны фашистов является захватнической, грабительской, а со стороны Советского Союза освободительной. Говорилось о том, что каждый должен знать, что работает он и воюет для того, чтобы его дети, советский народ и другие народы мира фашистская Германия не поставила на колени, не сделала рабами фашизма. Павлу Даниловичу было задание провести такой митинг в селе Моисеевка. Военный штаб райкома проводил разъяснительную работу среди населения о священной обязанности перед фронтом. Вся работа была направлена фронту: собирали подарки для

Красной Армии, деньги в фонд обороны. Работали совместно с Красным Крестом и Осовиахимом.

В районе готовили и отправляли в Красную Армию призывников, вместе с военкоматом обеспечивали их транспортом. Учитывая то, что военкомат находился в Луганске, а транспорт был мобилизован на войну, такие мероприятия были не из легких.

Еще перед войной были организованы курсы медсестер, о них мы уже упоминали, нужно только добавить, что перед войной чья-то рука успела закрыть, аннулировать эти курсы, но благодаря вмешательству Наркома секретаря РККПУ товарища Черкашина и заведующего отделением Курячего, которые требовали и настаивали на систематическом окончании курсов молодыми работающими и учащимися старших классов средней школы. Курсы не прекратили своего существования. И еще несколько слов об истребительном батальоне. Он был сформирован

рван из непризывной молодежи. Батальон нес дежурство в поселке Меловое, выявлял крикунов, паникеров, в его обязанности входило выявление заброшенных диверсантов. Эти враги в общественных местах рисовали фашистскую свастику, вели антисоветскую агитацию, стремились сеять среди людей беспорядок, враждебность к соции, ветскому строю, распускали слухи о победах вермахта, утверждали, что Армия небоеспособна.

...Всем известно, что в тяжелые годы, вернее в первые годы Великой Отечественной войны, Украинское советское правительство было эвакуировано в Марковский район Луганской области. Расположились правительственные учреждения в селе Кабычивка, где они находились с 10 мая по 27 августа 1942 года.

Судьба распорядилась так, что наш поселок Меловое оказался на одном из стратегических направлений Второй мировой войны. Расположен наш поселок на территории, примыкающей к железнодорожной магистрали Воронеж—Ростов. И была эта территория граничной магистраль Воронеж—Ростов. И была эта территория граничной магистраль Воронеж—Ростов. И была эта территория граничной магистраль Воронеж—Ростов. И была эта территория граничной магистраль Воронеж—Ростов.

Из докладной записки НКВД СССР в военный Совет Юго-Западного направления «О работе НКВД УССР по организации и руководству оперативной деятельностью партизанских формирований в тылу врага по состоянию на 1 марта 1942 года».

6 марта 1942 года,
п. Меловое, № 272/н.
Ворошиловградская область.

С начала Великой Отечественной войны НКВД Украины развернул работу по формированию партизанских диверсионных и разведывательных отрядов и групп, забрасывая их в тыл противника для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

НКВД Украины в июле 1941 года развернул, сформировал и перебросил в тыл противника на вражеские оперативные направления три партизанских полка численностью 3 тысячи человек, действия кото-

рых создало серьезные трудности для продвижения противника. В дальнейшем эти полки были реформированы в отдельные партизанские отряды численностью по 22—25 человек каждый.

В августе 1941 года Приказом НКВД УССР был создан 4-й отдел на который были возложены организация и оперативное руководство деятельностью партизанских формирований. С созданием этого отдела НКВД активно развернул работу по формированию и переброске в тыл противника партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп и руководству их деятельностью.

С августа по 1-е ноября 1941 г. НКВД УССР и областными управлениями НКВД сформировано, подготовлено, вооружено и заброшено в тыл противника — 1724 партизанских формирования общей численностью 28188 человек и 682 агента-разведчика связников с партизанскими отрядами.

За время с ноября 1941 г. по 1-е марта 1942 г. НКВД УССР сформировано, подготовлено, вооружено и выброшено в тыл противника 160 партизанских формирований общей численностью 11119 человек и 148 агентов-разведчиков и связников с партизанскими отрядами. Кроме того, по указанию НКВД УССР по Ворошиловградской области для действия в тылу противника на случай вынужденного отхода частей Красной Армии с территории Ворошиловградской области было сформировано и подготовлено 120 партизанских отрядов общей численностью 1828 человек и 297 диверсионно-террористических групп на важнейших объектах и железнодорожных узлах, которые в настоящее время, в связи с изменившейся обстановкой на фронте, активно используются для периодических действий в тылу противника...

На 1-е марта 1942 г. НКВД УССР располагает данными о боевой деятельности на временно оккупированной немцами территории Украины 241 партизанского отряда.

По далеко неточным сведениям, результаты их деятельности с августа 1941 г. по 1 марта 1942 г. выражаются в следующих данных: истреблено офицеров — 234, солдат — 11163, танков — 47, предателей — 537, дезертиров — 70, бандитов — 126. Всего — 12808. Захвачено в плен — 178 человек. Уничтожено боевой техники и вооружения военного значения — 1606.

Захвачено трофеев — 1243 единицы.

Непосредственную активность в борьбе с немецкими захватчиками и их приспешниками из числа предателей и изменников Родины

проявляют отряды под командованием т.т. Сабурова, Емлютина, Воронцова, Ковпака, Копенкина, Шевелева, Беспалова, Славского.

За активную борьбу с германским фашизмом в тылу его по предательству НКВДУССР Президиумом Верховного Совета Союза ССР награждено 26 партизан и представлено к награде 86 человек».

Этот документ был напечатан в приложении к календарю дат и событий под общим названием «50 лет Великой Отечественной войны». Благодаря ему нам стала известна еще одна страница событий, которые происходили на земле Меловщины в первые годы войны.

НКВД УССР совершенно секретно организована борьба народных мстителей в тылу врага на территории Украины. Отсюда, с самых восточных окраин Украинской земли отправлялись люди в легенду. Легендарные люди. Так и только так можно назвать народных мстителей — партизан, которые в те годы имели связь с затерявшимся в далекой украинской степи поселка Меловое...

...В начале октября 1941 года гитлеровские войска вторглись в западную часть Ростовской области. Войска Красной Армии героически сражались, оказывая упорное сопротивление врагу. В ходе оборонительных боев наносили противнику все более сильные удары. Однако, силы были еще неравными. Шли кровопролитные бои на станции Шептуховка, была установлена зенитная артиллерия, которая зорко охраняла небо. В октябре-ноябре 1941 года через Чертково и Меловое проходили гурты скота, который эвакуировали в глубь страны.

11 ноября 1941 года 5 фашистских самолетов появились над Чертково и Меловым с западной стороны. Три из них взяли курс на станцию Шептуховка, два самолета развернулись над станцией Чертково. Один из них пошел над Меловым, второй над станцией. Сбросили бомбы. Жители, еще не знавшие бомбежек, с любопытством рассматривали эти самолеты и думали, что от больших самолетов отделились маленькие.

Но вовремя были предупреждены уже знающими людьми и бросились на землю. В это время раздался взрывы. Бомбы рухнули всюду. Сделав еще несколько заходов, фашистские летчики атаковали поселок пулеметным огнем, вели огонь по людям, в ужасе убегавшим. Было много раненых. С этого дня немецкие самолеты стали появляться ежедневно над станцией Чертково. Но зенитные установки находящиеся на станции Шелестовка, зорко охраняли наше небо.

С августа месяца 1941 года создавались рабочие отряды по строительству защитных рубежей. Трудовые подвиги этих людей отмечены наградами Родины, их получили жители Мелового: С.М.Пысецко и С.А.Базалей.

А война требовала все больше и больше солдат, продуктов, техники. В условиях, когда все более активное мужское население ушло в действующую Армию, на их место за штурвал комбайнов сели женщины и дети. Только Меловская МТС подготовила из молодых девушек 55 трактористок. Эти кадры работали на полях района с одной мыслью «Все для фронта, все для Победы». Среди них орденноносцы Н.Н.Подколзина, Т.С.Конonenko, М.С.Зюбенко, О.М.Полякова, а также юноши: А.В.Березин, А.К.Колесник, С.Ю.Котлаков, М.Я.Гребеник.

...В первые месяцы войны на фронт пошли десять выпускников вечерней школы Красного Креста. Среди них была и Зинаида Ивановна Луценко. В родной поселок вернулись не все, но Зинаиде Ивановне повезло, она вернулась домой, пройдя почти половину Европы. Потом она стала учительницей. Награждена многими медалями, в том числе и медалью «За боевые заслуги». Особенно она вспоминала о своей однополчанке Асе Меркуловой. Она в конце 30-х годов, после окончания Новострельцовой школы, училась в Старобельском фельдшерском училище. После училища была направлена в с. Новострельцовка, где стала работать акушеркой. С начала Великой Отечественной войны ее призвали в Красную Армию. Десять медсестер, как мы уже упоминали, наших землячек первого призыва были мобилизованы в первый месяц. Среди них была и Ася. Их направили в прифронтовой военный госпиталь № 1817, который размещался в г. Луганске в доме № 17.

В сентябре 1941 года медсестры приняли присягу. Трудилось так, как требовало военное время. Семь наших медсестер получили звания старших сержантов и старшин, Ася — лейтенанта медицинской службы, и хотя Ася имела совсем небольшой стаж медицинского работника, она была профессиональной в своих медицинских знаниях и умела работать в сравнении со своими землячками, выпускницами школ Красного Креста. Землячки часто обращались к ней за профессиональной помощью.

Ася отличалась от многих своей культурой поведения, выдержкой, добротой, милосердием, и дружелюбием. Была она сначала старшей медсестрой, а потом с 1942 года и до конца войны — дневной се-

строй. На войне продукты были большей частью однообразные, но Ася умела сложить меню для раненых, а также для тех, кто тяжело заболел после форсирования рек. Она часто приходила в палаты и кормила раненых с ложечки. Такую медсестру ценило командование и раненые.

Теперь несколько слов о Зинаиде Ивановне Луценко. Кроме того, что она была медсестрой, ее еще назначили начальником госпитального клуба. Это была хлопотная работа. Ей часто приходилось выезжать за много километров от госпиталя и под обстрелом разыскивать пункт выдачи кинофильмов, доставлять в клуб раненых бойцов, организовывать с ними и подругами по работе художественную самодеятельность для выступления в палатах с тяжелоранеными. Зинаида Ивановна считала, что с этим она справлялась неважно...

Видимо, потому что много времени отнимала основная работа медсестры.

Чтобы сберечь жизнь и военную технику армия отступала, а за ней отступали и госпитали. Госпиталь № 1817 был переведен в Сосновогорск Пензенской области. Расположились в лесу, в пустых помещениях бывшего Дома отдыха. Приняли около трехсот раненых, и потекла госпитальная жизнь.

КРОВАВЫЕ СТРАНИЦЫ НОВОГО ПОРЯДКА...

Перед жителями Мелового стоял вопрос: Как жить? Те, кто не был в оккупации, не знают, что такое: «Как жить?» «В селах люди еще туда-сюда перебивались за счет родособного хозяйства. А городскому жителю на этот вопрос ответить было трудно. Жить было невозможно. Страх был основной категорией жизни, но надо жить, и жили каждый по-своему.

23 июля были задержаны мужчина и две женщины, с ними ребенок, фашисты мужчину отправили неизвестно куда, а женщин расстреляли. Издевательство над мирным населением было в моде.

Изморенных голодом военнопленных принуждали работать по 16—18 часов в сутки, выполняли непосильный труд на строительстве железнодорожного пути.

На этих работах военнопленные использовались как тягловая сила. Заставляли по 3 км носить непосильно тяжелые для человека бревна, тот кто обессилевал, подвергался жестокому избиению прикладами и палками, и в бессознательном состоянии сажался в клетку-карцер.

В июле 1942 года линия фронта установилась на Дону, и вся занятая фашистами территория от Дона на запад приспособлялась для накопления сил и материальной техники, для подготовки решительного наступления на Волге. Рядом с железнодорожной магистралью Воронеж—Ростов — тыловые базы, склады, а к своему прежнему рубежу они наметили построить узкоколейку от станции Шелестовка к районному центру Богучар Воронежской области. За короткое время она была построена, но сооружена ценой тысяч жизней советских людей и в первую очередь военнопленных.

В одно время останки наших воинов, погибших на территории сел Меловского района, по решению местных советов, переносились в окрестности сел, где и устанавливались памятники. И вот много лет спустя был открыт памятник «Жертвам фашизма». Сооружение памятника отнесено немного дальше от этого страшного места, чтобы не тревожить прах погибших узников лагеря.

На строительстве узкоколейки на Богучар вместе с военнопленными по принуждению работали и молодые жители села, подростки, юноши и девушки. Немцы и полиция создали такую команду из

близ лежащих хуторов. Молодые девушки и парни тоже познали прелесть каторжного труда пресловутого «нового порядка».

Прошло 60 лет, но в памяти людей эта рана не заживает. По инициативе районного совета ветеранов войны и труда была проведена акция по сбору средств на увековечивание памяти заключенных и погибших военнопленных в этом лагере.

В 2000 году памятник был сооружен. Он был построен на средства бюджета и добровольные пожертвования жителей района. Открытие состоялось 28-го июля 2000 года. На траурное торжество прибыли делегации Луганской, Ростовской, Воронежской областей, жители сел Меловского, Чертовковского и Кантемировского районов.

Состоялся митинг.

Люди положили к памятнику «Жертвам фашизма» венки и живые цветы. А потом медленно разошлись и разгладили по домам.

В этот день в хатах дибровчан и ветеранов войны Меловского района поминали тех, кто покоится в этой земле.

Ни простить, ни забыть злодеяний фашистских захватчиков на нашей земле невозможно.

ОНИ ОСТАЛИСЬ НА ПОСТУ

Линия фронта неумолимо приближалась к поселку Меловое. Все чаще кружили над поселком фашистские стервятники. Десятки бомб сыпались на воинские эшелоны станции Чертково. Тучи едкого срадного дыма повисли над поселком. Жители поселка прятались в щелях и погребах. Казалось, что вот сейчас такая же участь постигнет здание больницы, которое было вблизи железнодорожного полотна. А в ней находились в ту пору сотни раненых бойцов и командиров Красной Армии, женщин и детей, получивших увечья при бомбежках. Но Меловская больница работала. В точно установленное время главный врач больницы доктор Владимир Владимирович Иозефи, аккуратный, подтянутый, проходил палаты, делая врачебный обход, оперировал больных, перевязывал.

В больнице находились и раненые красноармейцы, и командиры из санитарного эшелона. Этот эшелон пришел на станцию Чертково за несколько дней до оккупации станции немцами и попал под вражеские бомбы. Много раненых погибло, а остальные были доставлены в местную больницу.

А с 10 июля раненые начали поступать с поля боя. Работники больницы оказывали им помощь и готовили к эвакуации. Готовили к эвакуации вместе с ранеными и В.В. Иозефи. Отправив жену и детей в тыл, приготовив солдатский вещмешок, уже много дней жил в своем рабочем кабинете.

Обстановка на фронте усложнялась с каждым днем. Несмотря на жестокий отпор советских воинов, гитлеровцы продолжали рваться к Дону. Измотанные боями советские части отходили на восток. Как тут быть?

Этот вопрос не раз задавали главврачу его коллеги по работе. Даже предлагали бросить все на произвол судьбы и эвакуироваться подальше от греха. Но Владимир Владимирович был непреклонен. А когда ему надоели нытики и маловеры, он собрал свой коллектив и заявил, что никуда он не поедет без больных, попросил и других следовать его примеру.

— Долг врача, если он настоящий патриот своей профессии, оставаться со своими ранеными, — заявил он. — Этому правилу я следовал всю жизнь.

И он не бросил раненых воинов. Почти весь медицинский персонал эвакуировался, а он — не смог. Он считал своим долгом врача

оставаться с ранеными, с тяжелооболными жителями, попавшими в больницу ещё до оккупации.

Через несколько дней на улице поселка он встретил кое-кого из своих бывших сотрудников. Им не всем удалось эвакуироваться — одни не успели уехать, других настиг в дороге враг.

Таким встречам главврач был рад и сразу же при встрече предлагал начинать работу в больнице. Каждому разъяснял, что в больнице много советских бойцов, что ими забыты железнодорожные барачники и им необходима помощь. Такие убеждения действовали и сотрудники возвращались на свои места. Кроме младшего медперсонала у Иозефи стала работать терапевт Августа Ивановна Шпак. Был свой завхоз, кладовщик, медицинские сестры. С первых дней с ним остались медицинские сестры А.Ф. Гармаш, А.П. Коломиец, Зинаида Ковалева, операционная сестра В.Ф. Данцева, повар А.В. Кремнева, санитарка М.И. Шовкопляс (Науменко) и другие. Это уже был коллектив, спаянный одной мыслью — спасти раненых бойцов, в любой момент оказать помощь жителям поселка и района, оказавшихся в оккупации.

С первых дней медработники взяли под свой контроль барачники с ранеными бойцами. Какой радостью светились глаза раненых при входе людей в белые халатах. Рань давно же перевязывались, гноились. Медсестры, под руководством своего врача, оказывали в первую очередь помощь тяжелооболным, а затем всем остальным.

На следующий день медсестры пришли в барачники с хлебом, табаком, сигаретами.

Позже этих раненых Владимир Владимирович переведет в свою больницу. А пока здесь оборудовали палаты, сделали перестановку постелей, а через день медперсонал посетил раненых в бараках.

Когда гитлеровцы вошли в поселок Меловое, то застали медиков за перевязкой. Когда гитлеровские танки появились на окраине поселка, главврач прошел по палатам и приказал раненым собрать и сжечь все воинские документы, а партийные документы собрал и укрыв в надежном месте.

Медицинские сестры помогли раненым командирам оторвать гимнастерок петлицы.

— С этого момента вы все рядовые, — сказал Иозефи — и нет среди вас ни командиров, ни комиссаров. В больничных документах все было исправлено. Медицинский персонал с вами, и мы сделаем все, что в наших силах.

Но вот в больницу зашли фашистские офицеры, они были удивлены, когда навстречу к ним вышел подтянутый и спокойный человек в белом халате и обратился к ним на немецком языке. Он объяснил им, что является главврачом этой больницы и, что в палатах не только местные жители, но и раненые военные солдаты и, что по международной Женевской конвенции им должна быть оказана помощь.

— Вы немец? — спросил один из пришедших офицеров.

— Нет, я русский, — спокойно ответил Владимир Владимирович.

Не было никакой надобности объяснять оккупантам, что мать Владимира Владимировича с детства учила его немецкому и французскому языкам, что один из его прадедов был французом, оставшимся в России еще в 1812 году, а дед — немским инженером, приглашенным царским правительством строить в Русской империи конки. Ни дед, ни прадед не возвратились в свои родные страны. На родине они не оставили ничего, а свою судьбу решили навсегда связать с русским народом. А уже их потомок, получив после Октябрьской революции медицинское образование, уехал работать в далёкий степной украинский хутор Меловое.

На его глазах создавались на Старобельщине медицинские учреждения, открывались больницы. Работы врачам было много.

Приходилось делать сложные операции, принимать новорождённых, выезжать в села, где свирепствовали опасные болезни и проводить профилактическую работу. Все это сроднило его со степным краем, и он не мог не считать себя русским.

Уверенность и достоинство, с каким врач вёл разговор с оккупантами, видимо, повлияли на них.

— Хорошо, — сказал один из офицеров, — мы оставим Вас с вашими ранеными. Мы тоже уважаем международные конвенции.

Но это были лишь слова. Фашисты забрали у больницы лучшие помещения. Больница осталась без продуктов. Главврач принес в больницу свои запасы: крупу, муку, сахар. Его примеру последовали и другие работники. А когда не хватало и этого, отправлялись просить продукты в поселок по домам. И тут на помощь солдатам пришло население. Ежедневно меловчане приносили в больницу что-нибудь из продуктов, хотя и сами голодали. Выздоровливающие раненые, которых главврач зачислял в штат больницы, часто запрягали лошадку в плуг и ездили по окружающим селам просить продукты питания. Они же подвозили для больницы дрова и воду. А выздоравливающих зачислялось все больше. Зачислять их всех в свой штат было риско-

ванно, чтобы не вызвать этим у немцев подозрение. Много энергии приходилось тратить врачу и его помощникам, чтобы выдвораживать бойцов переправлять в другие села и там прятать до прихода на штах. Некоторые из бывших раненых пробрались через линию фронта к своим частям и становились в строй.

Хуже было с медикаментами. Но к счастью, некоторые работники немецкого госпиталя с сочувствием относились к Владимиру Владимировичу. Они видели в нем самоотверженного человека и отличного специалиста. Он был действительно специалистом высокого класса. Нередко к русскому доктору обращались немецкие медики за квалифицированной консультацией и тогда в качестве вознаграждения В.В.Иозефи просил у них нужные ему перевязочные материалы, медикаменты. Так он боролся за жизнь каждого больного.

Шло время. Выздоровливали больные... Как быть? Фактически они были военнопленными. И тогда доктор решил бороться за их судьбу до конца. Он пошел к оккупационному начальству и сказал, что некоторых раненых солдат нет никакого смысла со- держать в больнице, так как они являются калеками и должны быть выписаны для продолжения лечения по месту проживания. Но для этого им нужны документы, т.е. справки, выданные немецкой комендатурой. Он объяснил все это так убедительно и с такой горячностью, что немецкий комендант согласился с ним. Выписанные разошлись по «родственникам».

А «родственников» нашлось немало в селах Меловского района и дальше за его пределы. Таким образом больница продолжала работать до 16 января 1943 года, до того времени, когда Меловое было освобождено от фашистских захватчиков.

После окружения и блокирования Мелового и Чертково занялись кровопролитные бои за их освобождение. Каждый дом, каждую улицу приходилось брать с боем. Но и в такой тяжелой и ответственной обстановке медперсонал больницы оставался на боевом посту. Свидетелем этого был пробитый пулями и опаленный вихрем боя и дымом пожарнич родного поселка больничный флаг с Красным Крестом. Он и ныне хранится в областном краеведческом музее г. Луганска. То был поистине боевой флаг, под которым вели борьбу врагом рядовые граждане нашей Родины. Его не посмели уничтожить даже немецкие оккупанты.

С глубоким волнением читаются документы Ворошиловградского областного партийного архива. В них рассказывается о группе

ветских патриотов, не склонивших головы в черные дни оккупации. Это были главврач больницы В.В.Иозефи, медицинские сестры З.Ф.Куликовская, Г.П.Гармаш, В.Ф.Данцева, К.П.Радченко, санитарка М.К.Окоцикова, повар А.В.Кремлева, сашитарка Ладырева, завхоз Д.К.Мота, сестра А.Коломийцева, кастеляшша В.И.Гребеник и др.

Фронт ушел на запад. Гремели раскаты войны уже в далекой стороне на чужой земле, а письма с конвертами-треугольниками летели с разных фронтов, ложились на стол главврача В.В.Иозефи, от них веяло порохом и крепкой солдатской махоркой. Они шли с передовой, их писали офицеры и солдаты, обязанные своей жизнью человеку в белом больничном халате.

«Прошу принять, дорогой товарищ доктор, пламенный привет с фронта. Большое спасибо Вам за помощь, которую Вы мне оказали. Желаю Вам больших успехов в работе и жизни. Остаюсь жив, здоров.

Рябинин. Февраль. 1943 год.»

«Я был ранен пулей в голову 12 июля 1942 года. Пролежал в лесопосадке до 14. Там меня нашли крестьяне и привезли к Вам. 15 июля Вы сделали мне в больнице операцию и вынули пулю. Я был записан у Вас как красноармеец, несмотря на то, что Вы знали — я был командиром. Большая благодарность Вам и всем жителям поселка, которые носили нам пищу. Лейтенант Виктор Галкин. Декабрь 1943 года.»

Наверное трудно найти такого врача, который бы не получал подобных писем в годы Великой Отечественной Войны. Но все же события, описанные в письмах, которые ложились на стол Владимира Владимировича, те события, что проходили в поселке Меловом в районной больнице — необыкновенные. Достаточно только напомнить, что поселок был занят немцами 11 июля 1942 года, а сложная операция, спасшая жизнь командиру Красной Армии, была осуществлена 14 июля в тылу врага, в тяжелых условиях фашистской оккупации, за десятки километров от фронта, в то время, когда в поселке уже начинали свирепствовать пресловутый «новый порядок».

Прошли годы. Страна залечила раны, нанесенные войной, выжили новые поколения людей, прошло много времени с той тяжелой оккупационной поры, а письма к Владимиру Владимировичу шли до последних дней его жизни.

«И в Вас часто вспоминаю, своей жене и детям своим рассказываю, как Вы спасли мне жизнь не только медицинским вмешательством, но и своей человечностью. Разве можно забыть такого

человека, как Вы, несмотря на то, что прошло много лет. Я работаю по специальности на суконной фабрике, старшая дочь уже закончила институт, младшая учится в фармацевтическом. Так хочется, чтобы наши дети не знали войны. Иосиф Рахлин. Брянская область.»

А вот еще одно письмо ему более 30 лет:

«Ваш спасенный Осмоловский Николай Ильич беспощадно уничтожает немецких захватчиков из вверенного ему Родины оружия. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немцами и фашистскими захватчиками он награжден Орденом Красной Звезды и двумя медалями «За Отвагу». Командир роты Николай Житков. Болгария.»

И еще одно письмо:

«Не могу передать словами всех чувств благодарности, которые я ощущаю по отношению к Вам. До глубины души я благодарен Вам за спасение не только моей жизни, но и многих таких, как я. Исполняющий обязанности директора Рудоуправления, бывший офицер танкист П.С. Точичкий».

«Высокий патриотизм в борьбе против оккупантов проявила интеллигентка Луганской области. Медицинские работники выдачей фактивных документов и другими мерами спасали молодых людей от уюта в Германию. Партизаны, красноармейцы, пробиравшиеся из окружения, раненые советские воины и бежавшие из немецкого плена находили приют и помощь в больницах и поликлиниках. Нужно отметить, что медицинские работники, как в Меловом, так и по всей области, могли оказывать помощь многим раненым советским воинам только благодаря широкой поддержке всех советских людей. В этой связи следует отметить подвиг крестьянской семьи села Великоцк.

Жила в селе Великоцк Меловского района скромная женщина-труженица, которая ничем не отличалась от своих односельчан. Честными и трудолюбивыми живут и работают ее трое детей, она имела для своей радости и счастья троих внуков. А те, кто знал эту женщину, мог бы рассказать, как много сделала она в годы Великой Отечественной, спасая советских солдат. Имя этой мужественной женщины, которую не испугали и не сломили угрозы фашистских палачей, Тамара Прокоповна Дорошенко.

— Особенно большого подвига мы и не совершали, — говорила она.

— Мы с мамой были не единственными в нашем селе.

— А героями нас сделал дядя Миша, — так она называла Михаила Антоновича Бережного, культпиротсеработника села Великоцк, о котором у людей хорошие воспоминания. «Это ты написал, и все с того пошло и пошло», — говорили односельчане.

Но все то, что сказал дядя Миша и односельчане Тамары Прокоповны, было истинной правдой. А было так.

Наши войска с боями временно отступали на Восток. Недалеко от Великоцка прошли бои. Это было 12 июля 1942 года. Немцы уже оккупировали Меловский район. Тамара Прокоповна взяла подводу и поехала на поле вчерашнего боя. А что она там увидела, страшно и пересказать. Везде следы крови, разбитая техника, тела бойцов, раненные. Доставили их к себе домой, обмыли, перевязали раны, накормили.

Дядя Миша, как патриот своей Родины, вел свою «летопись» для потомков и для истории. В одной из своих тетрадей он записал: «Немцы заняли нашу слободу 13 июля 1942 года. В слободе были патриоты-колхозники. Например, колхозница Великоцкая Анастасия Антоновна и ее дочери Люба, Тамара и Галина. Они тайно не только от немцев, но даже от родственников спасали раненых и контуженных бойцов Красной Армии. В селе бойцы получали не только первую помощь, но их лечили, передевали, давали точные адреса, куда держать направление, чтобы быстрее добраться до фронта и соединить свою судьбу с Красной Армией. Помогала в этом вся улица Кокаливка».

Но продолжим воспоминания Тамары Прокоповны. «Александр Ивильнов, — сообщала она, — был из Красноярского края, ранен в плечо, и все его тело изрешечено маленькими осколками. У одного из бойцов ранена была левая рука, а у Леонида Пархоменко из Кировоградской области левая рука была перебита в двух местах, он потерял много крови, ослаб и очень часто терял сознание.

Тамара Прокоповна, ее мама, сестра Люба, которая перед войной закончила курсы медсестер, как могли обхаживали раненых: лечили, обтирали, кормили, врачевали.

Ночью, на четвертый день, дед Рокотнянский привез еще одного раненого. В это время было холодно, шли дожди, а этот солдат, по фамилии Семсенов, чтобы не попасть в руки фашистов, сидел в камышах в болоте. Рана была большая, загрязненная, уже начиналась гангрена. Рану быстро пролечили, но было уже поздно. Оставалась только одна надежда — нужно к врачу. Вся семья, остерегаясь немцев, ночью подлодой повезла раненых в Меловое к врачу Владимиру Владимировичу Иозефи, который внимательно осмотрел их. Особое

внимание он обратил на уже ослабшего Пархоменко, дал ему необходимые советы, медикаменты, бинты и они начали пробираться к селу. Раненого Семенова Иозефи оставил у себя. Как ни старались спасти жизнь этому солдату, но не смогли ни доктора, ни жители Великоцка — он умер. Других же, как ни тяжело было, — лечили.

Всяко было. Зачастую прятали в камышах и кустарниках. Один только Пархоменко лежал в помещении. Мать Анастасия Антоновна выдавала его за своего сына».

Вернемся еще к записям М. Бережного. О первых днях оккупации он говорит, что над Меловым стояло зарево и дым расстилался на несколько километров. Под селом завязался неравный, жестокий бой.

Бойцы заслона задерживали врага. Село подвергалось бомбёжкам и артобстрелу. Самолеты, словно коршуны, кружились над селом. Горели колхозные фермы. То в одной стороне, то в другой горели хаты колхозников. Над селом стоял огромный столб черного, грязного дыма. Вой пикирующих самолетов, стрельба из пулеметов, винтовок и короткие очереди автоматов — все это смешалось в один сплошной гул. Жители, затаив дыхание, отсиживались в погребах. Одни только голуби, напуганные выстрелами, кружились в небесах, да еще повсюду был слышен рев голодного скота: люди боялись в этот момент пойти и кормить своих коров. Каждый человек переживал эти страшные минуты по своему: седые старики и бабушки крестились по-набожному и шептали молитвы «Сохрани и помилуй нас Боже»; женщины вклипывали и спрашивали не то у себя, не то у неба: «Что же это будет?».

А было вот что: поздно вечером того же дня вдруг все затихло. Потом вновь поднялась стрельба — это вражеские мотоциклисты, носясь по безлюдным улицам, устраивали шум и стрельбу из автоматов, наводили страх на жителей. Но даже в такой ситуации крестьяне ночью перевязывали, пересовывали легко раненых бойцов, обеспечивали всем, что нужно. Выводили их на тайные тропинки, чтобы они могли попасть на Миллерово.

А рано утром, еще до восхода солнца, выезжали в поле, искали раненых и хоронили убитых. Обшаривали балки у села и те места, где был большой бой... И находили раненых.

А дальше, кроме Великоцкой Анастасии Антоновны и ее дочерей, он называет фамилии Бугаевой Евдокии, Крота Мирона Антоновича, который спас командира части — старшего лейтенанта Бориса Соколова, жителя города Рыбинска, раненого в ногу. Называет фамилию Рубана и его жену Мызенку Оксану и вспоминает много других зна-

зодов из героического поведения своих земляков из села Великоцк. Они были еще проводниками, выводили целые роты в безопасные места полевыми стежками-дорожками, рискуя на каждом шагу своими жизнями.

Но вернемся к Тамаре Прокоповне Дорошенко (девичья фамилия Великоцкая) и ее семье. Случилось так, что советских бойцов — русского, украинца и грузина — досматривала и выходила обыкновенная крестьянская семья, рискуя своей жизнью. Все раненые выдворели и были очень благодарны своим спасителям. Они вновь заняли места в своих воинских подразделениях.

А потом семья Великоцких (Дорошенко) долго получала письма от спасенных бойцов, ставших для них родными. Как дорогую реликвию, Тамара Прокоповна сохраняла партизанский билет под № 235. За спасение советских воинов она сама, ее мама и сестра Люба были удостоены государственных наград.

ЧЕРНЫЕ ДНИ СЕЛА НИКОЛЬСК И СЕЛ МЕЛОВСКОГО РАЙОНА

Жители села Никольск о тех черных днях временной оккупации помнят и никогда не забудут. Те тревожные дни и ночи не стираются в памяти. Шел второй год войны. После радостных сообщений Совинформбюро в середине мая о наступлении войск Красной Армии под Харьковом, появились тревожные вести о контрнаступлении наших сел. Но люди об этом узнали позже, когда над территорией наших сел стали появляться фашистские стервятники. Все тревожнее становилось на душе у каждого жителя. Возвращались из-под Лисичанска и Рубежного колхозники, которых посылали на сооружение и строительство оборонных объектов. В первых числах июля через Никольск в направлении на с. Диброво появились первые автомашины с красноармейцами.

6-го июля 1942 года на закате дня пролетел по направлению станции Зориновка первый фашистский самолет. Жители не знали, что это за самолет, а потому и не обратили на него внимания: летит и пусть себе летит, и не притались от него. Но в скорости, когда еще не успел утихнуть гул моторов, дрогнула земля, над станцией поднялся столб дыма. И с этой минуты для крестьян начались тревожные дни и ночи. Ночевать стали в погребах и ямах, выкопанных для сохранения кормов. Короткой летней ночью через село шли усталые, запыленные бойцы пехотных подразделений. С болью и жалостью провозжали выморенных и окровавленных солдат крестьяне. Все жители села вышли на улицы, каждый старался угостить дорогих им людей куском хлеба, кружкой молока, прохладной водой.

Угощали и плакали, не стыдясь слез.

— Откуда, сынки, идем? — спрашивали, хотя и понимали, что такой вопрос вызывал недоумение у бойцов.

Колонны шли по дороге на Диброво всю ночь и весь следующий день. За пехотой двигались обозы с имуществом и ранеными. А когда наступало утро бойцы рассредоточивались по дубравам, садам и балкам, маскируя технику. А вечером вновь трогались: на восток.

Тревогой и непокоем окутывалось село.

7 июля в Никольск вошло подразделение и стало готовиться к бою. Каждый понимал, что война подошла к порогу его дома. В садах бойцы устанавливали орудия, пулеметы. Где-то около 10-ти часов и

небе появились три фашистских бомбардировщика. Их встретил дружный огонь зенитных установок. Послышались взрывы бомб. В хатах воздушной волной и осколками выбило окна. Наши войска заняли позицию на юго-восточной части колхоза им. Луначарского и восточной части урочища Барвецкое и рассыпались, ожидая появления противника со стороны Кантемировки.

Началась эвакуация жителей, колхозного имущества, скота и техники. В селе практически оставались женщины, дети и люди пожилого возраста, господствовала растерянность. У каждого на устах был один вопрос: что с нами будет? Но ответа на этот вопрос не было: власти выехали. Почта прекратила свою деятельность. Радио не работало. Казалось село было отрезано от всего мира. Люди стали тянуть друг к другу, старые обиды отошли в прошлое. Хмурыми стали люди, зажурились односельчане, разговор между собой и тот вели как-то шепотом, как бы оглядывались по сторонам. А в это время те, кто устремились в эвакуацию и спасать общественное добро, через станцию Зориновку, Тарасовку гнали на восток технику, гурты скота. В колхозе «Коминтерн» поздно вечером подожгли амбары с зерном. Вскоре к восточной части, занимаемой нашими бойцами, обороны пришли наши танковые части. В районе станции Гартмашевка и села Диброво загремели орудия. Враг рвался к Дону.

Поднималось утро 12 июля. Части, занимавшие оборону в с. Никольск, отступили на восток. По дороге Никольск—Зориновка двигались отдельные танки, а на обочине стояла бабушка. Она широким взмахом руки крестила уходящие экипажи. По глубоким морщинам ее лица текли слезы. Вдруг одна машина загормосила, танк остановился, открылся люк и появилась голова командира. Бабушка заговорила и спросила: «Куда же вы едете, детки? На кого же вы нас оставляете?». Командир вылез по поясу из башни и виновато хриплым голосом вымолвил: «Мужайтесь, мама, мы вернемся. Обязательно вернемся».

Где-то в полдень появился вражеский истребитель и начал обстреливать село. А немного перебега со стороны Гартмашевки, на опушку села въехали фашистские солдаты на мотоциклах. За ними погнались вереницей подводы и автомашины. Войдя в село, вся эта серия сорванца поползла на огороды, вытаптывая растения, ломая деревья, разбивая сараи. Людей оккупанты выгнали из домов, и начался тотальный грабеж. Фашистские солдаты забирали яйца, сало, хлеб — то, что употреблялось в пищу. Над селом стоял сплошной визг

свиней, кудахтанье кур. Все шло в котел оккупантов. Так началась 160-дневная оккупация с. Никольск. Через некоторое время немецкая часть снялась и направилась на восток: из Дон, на Сталинград — оттуда доносился гром войны.

Люди осторожно начали выходить из своих укрытий и давать хотя бы какой-нибудь порядок своему разоренному хозяйству. Детвора, а у них своя жизнь, бросилась по тем местам, где стояли немцы, выискивая оружие и другие воинские вещи. Митя Торба бросился в одну из балок и в кустах наскочил на русскую винтовку и патроны для нее. Схватил ее и с радостью понесся на подворье, будет чем похвастаться перед своими сверстниками. Но у двери на лошади сидел военрук школы Петр Рубан. Хотел Митя поделиться с ним радостью находки, но вдруг заметил на рукаве его белую повязку с надписью «полицай», он растерялся и выпустил на землю патроны. В голове замутилось.

«Как же так, — думал он, — вчера он был нашим учителем, говорил всем, что немцам будет скоро всем «капут», а теперь служит немцам?» Военрук соскочил с лошади, подбежал к Мите, вырвал из его рук винтовку, предупредил, что если увидит его еще раз с оружием — расстреляет. Боже мой, как же ему верили, фронтовику-учителю! «Как же он мог стать помощником врага?» — ужаснулся Митя.

После этого полицай возглавлял обыски в хатах, аресты активистов. Однажды было арестовано шесть односельчан, которые, очевидно, были оставлены для подпольной и партизанской работы в тылу у фашистов. Среди арестованных был работник сберегательной кассы Яким Баян, активист колхоза имени Луначарского Николай Пидин, председатель колхоза «Коминтерн» Семен Рубан. Жителям села было все запрещено:

Собираться группами, ходить друг к другу. За нарушение требований оккупантов расплатой был расстрел. Зато тем, кто служил фашистам, выдавал активистов, даже платили деньги и немалые.

На третий или четвертый день оккупации жители вновь стали высеять из хат. В них стали обустраиваться офицеры какого-то штаба. В саду возле бригады № 3, так называли Федоровский сад, поставили четыре палатки с радиоаппаратурой. На аэродром, который расположился у Гартмашевки передислоцировалось какое-то большое авиационное соединение. Но самолеты этого соединения на выбранном аэродроме не смогли разместиться и заняли поле колхоза «Коминтерн». Глядя на небо, колхозники с грустью провожали фашистские самолеты,

которые группами по десятку, а то и больше взмывали по несколько раз в день и брали курс на восток, на Сталинград.

С особой надеждой считали их при возвращении. Но они каждый раз возвращались в полном количестве. Хмурыми становились лица крестьян, тревогой окутывались их дома, но прошло немного времени, и самолетов стало возвращаться все меньше и меньше. «Значит, бьют наши немчуру!» — и лица односельчан стали понижаться.

Вскоре в село стали входить подразделения 8-ой Итальянской Армии. Волами и лошадьми везли минометы, пулеметы, разные вещи.

Это были уже не те оккупанты. Усталые, заплясанные, они хмуρο плелись толпою. Офицеры ехали на лошадях. На ночевку итальянцы остановились на лугу у речки Камышной. Тут же в болоте они начали ловить жаб и готовить себе пищу. Итальянскому солдату не позволялось, как и немецкому, брать у крестьян птицу, скот, имущество, потому что все это при оккупации становилось собственностью Германии. Но итальянские солдаты выбрали себе путь воровства. И делали они это очень профессионально: в село они направлялись по шесть-восемь человек. Часть этой группы заходила в село и начинала торговлю с хозяевами, что-то меняли, а вторая часть в это время шастала по сараям, погребам. Все, что попадалось под руки, набивалось в мешки, скрывалось под полы солдатских мундиров.

Когда строевые части ушли на фронт, немцы в селе разместили лагерь военнопленных. Сначала заключенных закрывали в наполненную разрушенной церкви, а потом вокруг школы поставили ограду из колючей проволоки и перевели туда пленных. Пленных морили голодом, но к ним на протяжении суток все время приходили местные жители и всякими способами ухитрялись помогали пленным выживать: передавали пищу, одежду.

Оккупанты начали вырубывать вековые дубравы в Урочище Давылачино. С болью в сердце и сожалением, что не могут ничего предпринять, смотрели крестьяне, как наше добро отправляют в Фатерин. В это время фашисты начали строить узкоколейку от станции Шелевтовка на Богучар и для нее безжалостно вырубывали наши дубравы. На строительство этой железнодорожной ветки они согнали военнопленных и жителей окрестных сел.

Не прошло и месяца, как стали появляться жители городов Донского Шли и ехали на самодельных тачках — «возках», двигались севенью, много было одиноких. По всем дорогам и тропкам шли они к родственникам и знакомым, чтобы пережить это злое лихолетье.

Начался живой и бойкий обмен вещей на продукты. Но скоро он стал не таким бойким. Фашисты и полицейские начали грабить население, установили жестокий террор. Селяне, сыновья которых воевали с фашистами, были обречены на расстрел. Из дворов крестьян увозили и увозили коров, телок, молодняк, зерно и другие продукты.

Редко в село приходили известия о событиях на фронтах, но все же они появлялись и передавались из уст в уста, от двора к двору. Распространялись слухи, что Сталинград стоит, что армия наша дает достойный отпор врагу. Крестьяне стали оказывать скрытое сопротивление. Они уклонялись от отправки молодежи в Германию, отказывались от земли и имущества, которое оккупанты хотели отдать в частное пользование, они с нежеланием шли на сбор урожая, старались как можно больше оставить его в поле и при возможности припрятать.

В октябре в селе появились немцы на тракторах с прицепами. Все они были уже пожилыми. Оказалось, что приехали они обслуживать аэродром. Каждому из них было уже за 50, и приехали они сюда, конечно, не по доброй воле, и война для них была невыносимым грузом. Крестьяне разговаривали с ними без боязни и говорили прямо о том, что они думают о войне и о немцах. Характерно то, что новоприбывшие шли к каким репрессиям погода, зима все властей вступала в свои права, укрывая ровным белым покрывалом широкие поля. С востока слышался глуховатый гул. Оккупанты, как-то непривычно притихли, ходили хмурые, нелюдимые, в разговорах все реже стало встречаться слово СТАЛИНГРАД.

Стояла тихая морозная погода, зима все властей вступала в свои права, укрывая ровным белым покрывалом широкие поля. С востока слышался глуховатый гул. Оккупанты, как-то непривычно притихли, ходили хмурые, нелюдимые, в разговорах все реже стало встречаться слово СТАЛИНГРАД.

В середине октября гражданские немцы заволновались, стали спешно собирать в чемоданы свои пожитки, солдаты складывали свои рюкзаки, потом грузили все это в тракторные прицепы и отправились на аэродром. В селе они бросили неисправные трактора, прицепы и жилые вагончики. Всполошились солдаты комендатуры и их приспешники полиция. Незаметно, потихоньку они стали уходить из села. Поползли слухи, что оккупанты бегут. Поздним вечером через село проехало несколько автомашин с военнопленными узниками лагеря, что был в с.Никольск.

Но черные дни оккупации висели не только над Никольском. Пахло смертью и дымом во всех селах района.

В селе Новоникольск фашисты вели себя не лучше. На долю жителей выпало много горя. Много страшных дней и ночей пережили

они. Однажды полицейские остановили подводу, запряженную двумя лошадьми. На подводе находились муж с женой и двое детей. Полицай Мельник забрал лошадей себе, вещи разграбил, жену и детей отправил в с. Певневка. А пад мужичиной шачал издеваться. Ему приказали раздеться, потом положили на деревянную лавочку, привязали его к ней и стали избивать прутьями из колочего терна. Особенно старался Левченко. Потом несчастного расстреляли в двадцати метрах от полицейского участка и там же закопали. После этого Мельник стал чувствовать себя героем и стал властвовать над всеми, но Яков Плясуля не желал ему подчиняться, видимо сам жаждал власти. Тогда Мельник пошел на хитрость. Он упросил своего брата Ивана Плясулю подстрелить ему ногу, а потом подтвердить, что Максим получил ранение при столкновении с партизанами. Выехали они в степь, открыли там стрельбу, имитируя бой. Потом Иван выстрелил Максиму в ногу. Стрелял он в упор: боялся промахнуться. Потом Мельник послал Ивана в Новострельцовку, где стояла немецкая кавалерия за помощью, мол, в степи много партизан. На место боя прибыли кавалеристы-каратели, но там никого не было. Тогда каратели пришли в село Новоникольск и стали выискивать по дворам всех мужчин, каждого десятого стали расстреливать. Максима Мельника привезли в село. Ветеринарный фельдшер сделал ему перевязку и обратил внимание на то, что возле раны большой ожог. Ветеринарный фельдшер через переводчика доложил карателям о своем подозрении и попросил, чтобы рану посмотрел немецкий врач. Расстрел каждого десятого из арестованных мужчин отменили. Прибыл немецкий врач и сделал заключение: рана на ногу самострельная.

На этом карьере Мельника закончилась. Подогнали к его дому грузовую автомобиль, погрузили все награбленное добро и увезли с собой. А самого Мельника отправили в концлагерь, где содержались наши военнопленные. Больше о нем односельчане не слышали. В январе в село зашли части Красной Армии. Судьба карателей полицейских была решена. Певнев, Левченко, Плясуля были расстреляны, а другие предстали перед судом, были осуждены и домой не возвращались.

Жителю Мелового В.Глушенко в то время, когда хозяйничали немцы, было 15 лет, и на события он смотрел уже не детскими глазами. И сейчас он возмущается, что то, что творилось в те далекие и горькие дни конца 1942 года и начала 1943 года, авторы газетных публикаций освещают только со стороны героизма, со стороны победы.

А на самом деле было больше горечи, чем светлого и радостного. Создается впечатление, что победа давалась легко, без усилий и поражений. А так ли на самом деле? Он не принимал участия в боях за освобождение поселка, он был одним из его жителей, которых освобождала Красная Армия от фашистского ига, был свидетелем тех грозных событий.

Жители Мелового тогда не знали, когда начнется битва за их освобождение, но по некоторым обстоятельствам они догадывались об этом. Как-то управа через полицейское управление производила тотальную проверку наличия у жителей поселка продуктов питания. Была дана такая установка: продовольствия нужно иметь только на одну неделю. Излишки следует передать для пользования немецкому командованию. Но какие могут быть излишки у голодного населения? Сами кормились горелой пшеницей из разбитых авиобомбежками на станции эшелонов. Значит, думали жители, фашистам туго, где-то им дали «прикурить» и они готовятся к отступлению.

В это время в Меловом стояли в основном итальянцы. Как-то утром итальянские солдаты подняли панику. Они подожгли складские помещения, поспешно сели в автомашины и уехали в сторону села Маньково Ростовской области. В это время в двух поселках не было никого, и их можно было бы брать без боя и без потерь. Но почему-то этого не случилось. Видимо, Красная Армия была в эти дни где-то далеко. Но люди поговаривали совсем другое — проспали, прогулялись, пображничали. Но прямо-таки вскоре по обеденной поре в поселке стали появляться оккупанты — они возвращались. Впереди шли итальянцы, а за ними немцы с танками и артиллерией. Люди поговаривали, что это пришли разбитые где-то на Дону немецкие части.

Сразу же фашисты окопались в поселках Меловос и Чертково и подготовились к оборонительным боям. Они оборудовали огневые позиции для орудий и минометов, пулеметных гнезд, закопали в землю танки и самоходные орудия. В декабре 1942—январе 1943 и наши войска завязали ожесточенные бои за поселки. Многим жителям до сих пор не дает покоя мысль о том, зачем такими большими потерями нужно было освобождать наши поселки. Ведь на подступах только к одному Меловому полегли тысячи бойцов. Почему наши стрелковые подразделения без танков и огневой поддержки артиллерии много раз шли на вражеские укрепления и гибли. «Вылезешь утром из погреба, — вспоминают люди, — посмотришь в стель, а там лежат солдаты в шинели. За ночь заметет их снегом, а днем уже на

вые трупы сереют. И так несколько дней подряд.» И только в начале января, как вспоминают жители, наступающие части начали вести артобстрел вражеских позиций. «Почему же, — возмущаются очевидцы тех событий, — в течени многих зимних дней наше командование без должной подготовки к бою бросало на вражеские укрепления «голую» пехоту!»

Как стало известно потом, так утверждают люди, наше командование фронтом, армии, а может какой-то дивизии отправило в высшие инстанции рапорт о взятии станции Чертково. Вот поэтому и пришлось защищать честь мундира ценой многих солдатских судеб. Возможно. Видимо дыма без огня не бывает.

И еще, в декабре через Чертково и Меловос прошли танки Баданова, делая глубокий рейд по тылам противника, об этом кажется мелком было и в сводках информбюро. Но не нужно забывать, что на Дону у нас имеются населенные пункты, связанные с именем Черткова.

Поднималось тихое и хмурое утро 20 декабря. Со стороны колхоза «Коминтерн» показалась колонна людей. Когда они подошли поближе, то показалось что это наши воины... Это были последние часы, последние часы пребывания вражеских солдат на нашей Меловской земле.

Аэродром и станцию окружали части Красной Армии под Новым год 1943.

Тут шли жестокие бои, стояла ясная морозная ночь. Жители станции не выходили из погребов и окопов. В полночь фашисты вместе с полицейскими начали стонать жителей Гартмашевки в полуподвальный сарай. Перепуганные люди спрашивали один — другого, зачем их собирают в такую глухую ночь? Но ответа не находили. Дети плакали, потому что боялись темноты. Но вдруг настезь открылась дверь сарая, и долгая автоматная очередь заглушила плач детей и стоны взрослых. Люди, как подкошенные, падали на землю. Дочка Валя была на руках у Настасьи, а четырехлетний Коля стоял рядом, держа за платье матери. Первым упал Коля, и она упала, обнимая дочь зловерной рукой. Рядом лежали в крови сестры Насти, семья Чесеровых и другие однопосельчане. Пороховой дым смешался с чадом горевших зданий станции. Мать и дочь Валя еще были живы. Придя в себя, Настя застонала, почувствовав холод. В открытые двери мела пурга. Ночью под чьими-то шагами заскрипел снег, дверь открылась шире, и появился пыльный полицейский. Наверное, боялся, что в подвале кто-то

ОПЕРАЦИЯ «МАЛЫЙ САТУРН»

В октябре 1942 года стало ясно, что немецкое командование вынуждено будет перейти к стратегической обороне на всем восточном фронте. Гитлеровские войска понесли колоссальные потери и к тому времени окончательное наступление утратило наступательные возможности.

Наше превосходство над немцами заключалось в том, что советские Вооруженные силы научились сохранять в глубокой тайне свои намерения, производить в широких масштабах дезинформацию и вводить противника в заблуждение. Скрытые перегруппировки и сосредоточения позволили осуществить внезапные удары по врагу.

После тяжелейших для нас сражений на юге страны в районе Сталинграда и на Северном Кавказе гитлеровское военное руководство считало, что советские войска не в состоянии в этих районах провести крупное наступление. В оперативном приказе № 1 главного командования немецко-фашистских сухопутных войск 14 октября 1942 года говорилось: «Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942—1943 года располагать такими большими силами, какие имелись у них в прошлом году».

Но это было далеко не так. К завершению первого периода войны соотношение сил начало изменяться в пользу Советского Союза. В результате упорных и кровопролитных боев у стен Сталинграда немецко-фашистские войска были остановлены. Советские воины с беспримерным в истории героизмом защищали подступы к Волге. В ноябре 1942 года командование Советской Армии закончило сосредоточение на Волге крупных сил и большого количества отличной боевой техники, подготовило их к переходу в контрнаступление.

Утром 29 ноября Г.К.Жуков послал Верховному следующую телеграмму: «Окруженные немецкие войска сейчас при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижней Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут... После раскола окруженной группы на две части нужно... в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем, всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда».

После доклада Верховному Г.К.Жуков по ВЧ говорил с А.М. Василевским. Василевский согласился с его соображениями. Одновременно они обменялись мнениями и относительно предстоящих действий Юго-Западного фронта. Василевский согласился временно отвлечься от операции «Большой Сатурн» и направить удар

Юго-Западного фронта во фланг тормосинской группировки противника. Генеральный штаб был того же мнения.

Юго-Западный фронт получил задание под условным названием «Малый Сатурн»: нанести удар силами 2-3 гвардейских армий и 5-ой танковой армии в общем направлении на Морозовск с тем, чтобы разгромить в том районе группировку противника. Удар Юго-Западного фронта поддержали 6-й армией Воронежского фронта, которая наступала в общем направлении на Кантемировку. Ближайшая цель операции — разгром 8-й итальянской армии и немецкой оперативной группы «Холлидт». Для этого на Юго-Западном фронте создано две ударные группировки. Одна — на правом фланге 1-й Гвардейской армии. В ее состав вошли шесть стрелковых дивизий, три танковых корпуса и необходимые средства усиления. Ее цель — нанесение удара с плацдарма южнее Верхнего Мамона в южном направлении на Миллерово.

Другая — в полосе 3-й Гвардейской армии к востоку от Боканской, состояла из 5-ти стрелковых дивизий и одного механизированного корпуса. Цель группировки одновременно нанесение удара с востока на запад и на Миллерово, чтобы замкнуть кольцо окружения. В дальнейшем, разгромив итальянцев, подвижные войска фронта выйдут на Северский Донец и, захватив переправу, создадут благоприятную обстановку для развития дальнейшего наступления на Ростов. Для обеспечения операции с северо-запада ударная группировка Воронежского фронта, в составе пяти стрелковых дивизий и одного танкового корпуса, должна нанести удар из района юго-западного Верхнего Мамона на Кантемирово и Волошино.

Готовность войск к выполнению операции была назначена на 10-е января 1942 года.

16 декабря начали наступление войска Юго-западного фронта и 5-ая армия Воронежского фронта с целью разгрома немцев в районе среднего Дона и выхода в тыл тормосинской группировки. 1-я Гвардейская армия под командованием генерал-майора Ф.М.Харитонов, включенная в состав Юго-Западного фронта и усиленная 17 танковым корпусом П.П.Полубоярова, разгромив 8-ую итальянскую армию, стремительно развила удар в общем направлении на Морозовск. В первом оперативном эшелоне таранным ударом, опрокидывая сопротивление врага, наступали 24-й и 25-й танковые корпуса и 1-й механизированный корпус. Уступом вправо в район Миллерово входили 17-й и 18-й танковые корпуса.

Боевые успехи на Дону занимали очень важное место в зимней кампании 1943 года. Юго-Западный район Ростовской области был связующим звеном между войсками, наступающими на верхнем Дону и на Северном Кавказе. Он должен был развивать наступление на Ворошиловградском направлении.

Для этого нужно было быстрее завершить освобождение северных районов Ростовской области и в частности, Чертковского и Миллеровского.

Авиаразведка ежедневно отмечала выгрузку войск противника в районах Россоши, Старобельска, Ворошиловграда, Чеботовки, Каменска, Лихой, Звереве.

О намерениях противника судить было трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северский Донец. Противник вынужден был затыкать сделанную нашими войсками брешь шириною по прямой 350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника.

28 декабря 1942 года командующий Юго-Западным фронтом Н.Ф. Ватутин докладывая в Ставку о ходе наступательной операции, так характеризовал обстановку: «Все, что ранее было перед фронтом, т.е. около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, запады захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, не меньше этого убито. Таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением».

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов блестяще выполнив поставленные задачи, учинив стремительный разгром врага, сорвали план Манштейна, деблокировали войска Паулюса. В начале января 1943 года войска Н.Ф. Ватутина вышли на линию Новая Калитяна — Кризкос — Чертково — Волошино — Миллерово — Морозовск, создав прямую угрозу всей Кавказской группировки немцев.

Морозным утром 16 декабря 1942 года после предыдущих разведок и овладения высотой 100907 штурмовые отряды 172-й, 267-й и 195-й стрелковых дивизий овладели вражескими укреплениями на западном берегу Тихого Дона, атаковали позиции противника и прорвали его долго удерживаемую оборону. В тот же день, расширив Осетрли его долго удерживаемую оборону. В тот же день, расширив Осетрли его долго удерживаемую оборону. В тот же день, расширив Осетрли его долго удерживаемую оборону. В тот же день, расширив Осетрли его долго удерживаемую оборону. В тот же день, расширив Осетрли его долго удерживаемую оборону.

Через три дня ожесточенных боев танкисты 17-го танкового корпуса генерала П.П. Полубоярова ворвались на железнодорожную

станцию, захватили огромные трофеи и к заходу солнца полностью очистили населенный пункт от вражеских войск.

Основные силы 8-ой итальянской армии, оперативная группа «Холлид» и остатки третьей румынской армии в панике откатились на запад.

А сейчас мы остановимся и заглянем в книгу гитлеровского фельдмаршала Манштейна «Утерянные победы». Посмотрим, как он описывает именно это время, т.е. дни наступления советских войск по операции «Малый Сатурн».

В первую очередь хочется обратить внимание на высказывания Манштейна о политике Гитлера на восточном фронте: «Политика, которую Гитлер всецело вопреки стремлению военных кругов, которую проводил в оккупированных восточных областях при помощи своих рейх-комиссаров и СД, могла принести только противоположные результаты».

«За несколько дней до наступления мы получили приказ ОКВ, который позже стал известным под названием приказа о комиссарах. Суть его заключалась в том, что в нем предписывался расстрел всех комиссаров — носителей политической идеологии. С точки зрения международного права политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих. Они, конечно, не были солдатами».

Манштейн говорит, что тяжелой ошибкой Гитлера состояла в том, что он заставил группу армий «Б» использовать свою главную силу — броню и 4 танковую армию — в боях в районе Сталинграда и в самом Сталинграде. Обеспечение глубокого северного фланга этой группы в районе реки Дон было поручено 3-й румынской, одной итальянской и одной венгерской армиям, а так же в районе Воронежа — слабой 2-й немецкой армии.

24 ноября в г. Старобельске находился штаб группы армий «Б» во главе с командующим группой генерал-полковником бароном Вейском.

В распределении немцев был добровольный казачий отряд. Этот отряд нес караульную службу и рассматривал несение этой службы, как выражается Манштейн, за особую честь.

Группе армии постоянно угрожала опасность, что противник, т.е. советские войска, решительно используя прорыв на участке итальянской армии, либо сумеет продвинуться через нее или нем не запланированные переправы через Донец до Ростова и перерезать основ-

ную магистраль коммуникаций всего южного крыла германской армии, либо же ударит в тыл левому флангу группы армии Дон, группа Голлидта.

Что произошло с итальянской армией, в деталях никому не было известно. Повидимому, там одна легкая и одна-две пехотные дивизии не оказали сколько-нибудь серьезное сопротивление.

Рано утром 20-го декабря явился немецкий генерал, командир корпуса, которому был подчинен правый фланг итальянцев и доложил, что обе подчиненные ему итальянские дивизии поспешно отступают. Причиной отступления явилось, повидимому, то, что на фланге уже глубоко вклинились два танковых корпуса советских войск. Таким образом, фланг группы Голлидта был совершенно оголен.

Как раз в эти дни был прорван участок фронта группы армии «Б» на Дону, который оборонялся венгерской армией. В этой катастрофе, по мнению фельдмаршала Манштейна, пострадал также и соседний участок фронта группы армий дальше к северу. Группа армии «Б» намеревалась отвести свои силы за Айдар, т.е. примерно на линию Старобельска. Тем самым она открыла для советских войск Донец ниже Ворошиловграда. Практически это крыло группы армий через несколько дней уже не существовало. От Ворошиловграда на север образовалась широкая брешь, здесь в некоторых пунктах оказывали отчаянное сопротивление разрозненные боевые группы «Б», тогда как венгры, подобно итальянцам, исчезли с поля боя.

«Только южнее Сталинграда начинался сплошной фронт группы армии «Б», который отходил затем назад к Дону и пролегал вдоль Дона, Воронежя. Здесь стояли 4-я румынская армия, венгерская армия и еще одна немецкая армия. Основные немецкие войска уже в течение нескольких месяцев были сосредоточены в кулаке под Сталинградом, в то время, как остальные участки фронта, главным образом, занимали рубеж по реке Дон. Они в основном были доверены союзным армиям.

Генерал Голлидт должен был решить следующую задачу: до тех пор задерживать советские войска с севера по направлению к нижнему течению Дона, т.е. в тыл 4-ой танковой армии и препятствовать его прорыву на Ростов, пока 4-я танковая армия и группа «А» еще находились в районе нижнего течения Дона. Кроме того, группа Голлидта должна была не дать советским войскам, стоящим перед ее левым флангом, прорваться к переправам через Донец у Белой Калитвы и Ворошиловграда. Одновременно группе угрожала опасность с обоих флангов.

На западном фланге эта опасность была вызвана разгромом итальянцев, на месте которых теперь группа генерала Фертнер Пико медленно с боями отходила из района Миллерова к Донцу. На восточном фланге эта опасность вызвана была тем, что несколько корпусов советской армии форсировали Дон сначала у Потемкинских, а затем у Цимлянских.

Как и 4-я армия группа Голлидта сумела справиться со своей задачей в тяжелых боях и в условиях все новых кризисов, благодаря твердому и одновременно довольно гибкому, по мнению Манштейна, управлению войсками. Но и здесь командование группы армий было вынуждено в ряде случаев брать на себя ответственность за действия группы Голлидта, приказывая ей сосредотачивать свои танковые силы для коротких контрударов. Все это было связано с большим риском.

Если группе Голлидта после боев, шедших с переменным успехом, все же удалось остановить советские войска на Донце и помешать им отрезать 4-ю армию и группу «А» южнее Дона, то это достигнуто было главным образом в результате храбрости, с которой пехотные дивизии и остановленные оборонявшиеся войска отражали непрерывные атаки советских войск. Но эти оборонительные бои никогда не привели бы к успеху, если бы немецкие танковые дивизии не появлялись всегда своевременно на решающих участках.

В районе между Доном и Северским Донцом немцам удавалось преградить путь советским войскам к Ростову и помешать отразить с севера три армии, находившиеся южнее нижнего течения Дона.

Но было ясно, что ни оперативная группа Голлидт, не ведущая бои у Миллерова группа Фотер Пико не смогут помешать советским войскам форсировать Донец выше Каменск-Шахтинского.

Как раз в эти дни был прорван участок фронта группы армии «Б» на Дону, который оборонялся венгерской армией. В этой катастрофе пострадал также соседний участок фронта группы армий дальше к северу. Группа «Б» намеревалась отвести свои силы за Айдар, т.е. примерно на линию Старобельска. Тем самым она открыла для советских войск Донец ниже Ворошиловграда. Практически это крыло армии через несколько дней уже не существовало, от Ворошиловграда на север образовалась широкая брешь, здесь в нескольких пунктах оказывали отчаянное сопротивление разрозненные боевые группы венгерских войск из состава группы «Б», тогда как венгры, подобно итальянцам, исчезли с поля боя.

На этом мы оставим знакомство с воспоминаниями фельдмаршала Манштейна и перейдем к событиям в нашем крае. А пока скажем, что несмотря на спокойный тон гитлеровского полководца, мы видим, что фашистским войскам в этот период было не сладко.

В начале последней декады декабря 1942 года наши части вступили на украинскую землю. Одними из первых на Марковщине были освобождены Лимаревка, Просяное, Розсоховатое, Веселое, Кабычевка.

Советские разведчики на плечах у гитлеровцев вошли в Марковку. Они выпустили на волю из церкви, превращенной в лагерь, около двухсот военнопленных. Разведка направилась к Лесной Поляне. Но враг подтянул от Старобельска свежие силы. Разведчики вынуждены были отступить. Линия фронта почти на месяц прошла через восточную околицу райцентра.

ОПЕРАЦИЯ «МАЛЫЙ САТУРН» НА ТЕРРИТОРИИ МЕЛОВСКОГО И ЧЕРТКОВСКОГО РАЙОНОВ

Освободительные бои на территориях наших районов (Чертковский и Меловский) вели в основном войска 1-ой гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта В.И.Кузнецова. Бои продолжались с 16 декабря 1942 года по 16 января 1943 года. Особенно жестокие бои проходили в районе Чертково и Меловое. Там, под Арбузовкой, была уничтожена и пленена многотысячная группировка вражеских, особенно итальянских, войск. Удобное для противника расположение поселков Меловое и Чертково привело к длительным тяжелым боям с врагом. И все же, несмотря на превосходство в технике, которая использовалась для прочной и долговременной обороны, 16 января 1943 года враг был выбит из поселков, а затем в основном уничтожен и частично рассеян по степи.

Более 20 ветеранов Великой Отечественной войны, наших земляков, в различных частях 1-ой гвардейской армии участвовало в освобождении родной земли от фашистской нечисти.

В этих боях бывшие воины 57-ой гвардейской дивизии, кавалер двух орденов Славы и других правительственных наград М.А.Шмыров, химразведчик Н.Ф.Комнатный, командир отделения И.А.Бельмас, санинструктор Н.Н.Кириянова, ветераны 24-го танкового корпуса капитан в отставке А.П.Волков, бывшие механики-водители И.Т.Кравцов, П.М.Прохоренко и бывший начальник радиостанции корпуса Г.Ф.Земляков. Он в конце декабря участвовал в дерзком героическом рейде по волжским тылам противника в Тацинской. В период рейда танкисты нанесли огромный ущерб врагу, разгромили фронтную базу противника. Уничтожили на аэродроме более 300 самолетов.

В течение нескольких дней танкисты вели тяжелые бои в окружении, а затем по приказу командующего фронтом, с разрешения Верховного Главнокомандующего вышли из окружения и пробившись в наш район. В этом рейде воины корпуса проявили высокое военное мастерство и массовый героизм. Именно за это 24-й гвардейский танковый корпус (командир В.М.Баданов) первым был награжден орденом Кузнецова 2 степени.

Командиром отделения 101-го гвардейского полка 35-й гвардейской дивизии был Д.И.Егоров. Он участвовал в освобождении Тихой Журавки, Шедровки. Младший сержант Ф.М. Моисеенко был командиром отделения 389-й отдельной роты связи, прошел с боями весь район. В 27-м отдельном автобатальоне служил водителем автомашины С.И.Кондратьев. Он и его товарищи своевременно обеспечивали доставку фронту боеприпасов и всего необходимого.

Все знают, что наиболее грозным для врага оружием были наши знаменитые минометы. Кавалер ордена Славы Ф.Н. Федоренко был водителем «Катюши», которая сделала несколько залпов по врагу, зашедшему в Чертово и Меловом. В арtdивизионе служил Ф.Т.Тренев. С неразлучным своим автоматом с Нижнего Мамона до Берлина через Чертово прошел П.И.Голубиничий. Ныне лейтенант запаса, в период освобождения районов от врага Н.Т.Клюев был командиром взвода разведки 44 Гвардейской дивизии.

ПОЛКИ ИДУТ ДО УКРАИНЫ

Суровые декабрьские морозы сковали землю. Белым необозримым ковром лежали снега. Вьюжный ветер завывал в степи, и в считанные минуты любой след заметал до неузнаваемости. Но в то тумное утро он отступился, ему было не под силу заметать многочисленные отпечатки танковых гусениц на продавленном снегу.

У подразделения, которое двигалось чертковскими дорогами, линия фронта осталась позади. 17 декабря 1942 года советские войска вырвались на оперативный простор, врезались в немецкие тылы, сеяли панику, словно разрезали линию фронта на куски. Лезвие этого ножа было направлено в спину армиям, упорно спешившим на соединение с Паулюсом. И они дрогнули, стали поворачивать навстречу новой опасности. Цель была достигнута, войска старались выполнить задачу быстрее и как можно лучше.

А вечерами через два дня на улицах затемненных городов в холодных заводских цехах, в палатах госпиталей и больницы, в колхозных и совхозных хатах, прильнув к репродукторам, люди слушали сообщение Совинформбюро. Из репродукторов несло:

«Прорыв обороны противника на участке Новая Калитва — Манастыри на протяжении 95 километров, в районе Боковской протяжением 20 километров, наши войска за четыре дня, одолевая сопротивление противника, продвинулись вперед от 50 до 90 километров. Нашими войсками занято более 200 населенных пунктов, в том числе города Новая Калитва, Кантемировка, Богузар, районные центры Тады, Радчиное, Боковская».

В ходе наступления наших войск разгромлены девять пехотных дивизий и одна пехотная бригада противника. Нанесены большие потери четырем пехотным дивизиям и одной танковой дивизии противника. Захвачено за четыре дня боев более 10000 пленных. Первый сокрушительный удар советские войска обрушили на 8-ю итальянскую армию.

Карабинеров торжественно провожал РКМ. Сверкая медью труб, гремели оркестры. Сам дуче Муссолини, театрально вытянув руку в фашистском приветствии, обратился с речью к карабинерам. На востоке он обещал своим воякам богатства, бескрайние плодородные земли.

И вот холодный зимний ветер со снегом заносит тела убитых, разбитых танками карабинеров. Да простит нас итальянский народ,

что получается, вроде, мы смакуем и наслаждаемся этой страшной картиной. Нет! Нам их жаль. Но идет война, а на войне, как на войне.

Там нет людей в солдатских шинелях, там противник, а посреди смерти, и она посещает того, кто опоздал защититься. И вот снег заносит карабинеров, заносит свалившиеся в кювет машины, заметает штыи пушек, брошенных среди огромного поля. Напрасно гремят оркестры в залитом южным солнцем «вечном городе».

8-я армия нашла на Дону свой бесславный конец. На старом покосившемся плетне повис убитый итальянский солдат. В глазах виден недоуменный вопрос и смертельная мука: за что? Что пужно было ему, сицилийскому батраку или крестьянину из Ломбардии во дворе у донского хлебоборова, от дома которого остались одни головешки? Жалкий вид. Но это убитый. А живые? Они бредут нестройно, понурой толпой. По тем же дорогам шли наши пленные солдаты. Они опускали глаза. По тем же дорогам шли наши пленные солдаты. Женщины и стариков. А затаив свои брошенных соотечественников: женщины и стариков. А затаив своих брошенных соотечественников: женщины и стариков. А затаив своих брошенных соотечественников: женщины и стариков. А затаив своих брошенных соотечественников: женщины и стариков. А затаив своих брошенных соотечественников: женщины и стариков. А затаив своих брошенных соотечественников: женщины и стариков.

Эмка командира 24-го танкового корпуса Баданова остановилась, пропуская колонну военнопленных. У длинных были бородастые измученные лица, потускневшие равнодушные глаза. Баданов смотрел и думал, что эти уже отвоевались, а их товарищи еще сопротивляются. Как дерутся.

Генерал Баданов вышел из машины и склонился над картой. Боже, сколько здесь в степи дорог, нанесенных и ненанесенных, попробуй разберись в этом хитросплетении линий. А тут еще вьюжная зима, которая все перепутала и все сравняла. Без проводников из местных жителей обойтись нельзя. Слава Богу, свои люди — помогают добровольно.

Посмотрел на дорогу: слева удалялась колонна военнопленных. Впереди покачиваясь, взбирались на косяг танки. От того места, где стояла машина, они казались крохотными, безбидными коробочками. Да, коробочки! А они, эти коробочки, наделали переполоха на тылах врага.

Ну что ж. Пока все идет хорошо. В районе Шедровка головной батальон разметал колонны лехоты человек в пятьсот. Гитлеровцы ничего не подозревали, направляясь к фронту, и вдруг тут, в тылу, — советские танки. Уничтожены артиллерия и обозы. В боях за Машыково Калитвенскую отличилась 130-я танковая бригада. Она уничтожила 800 человек гитлеровцев, захватила богатые трофеи — склады интендантского и инженерного имущества, продовольствие, склады горючего и боеприпасов. Боевой отряд в районе Чертково перерезал железнодорожное полотно и шоссе, взорвал несколько мостов и нарушил движение по железной дороге. Паника во вражеских тылах растет.

«Интересно, — подумал генерал, — ждет ли нас противник в Кутейниково?»

«... Смотри, Ганс, танки!» — сидевший рядом с шофером солдат показал пальцем вперед.

«На фронт, наверное, — предположил шофер. — Сочувствую парням, там сейчас жарко.»

Колонна продолжала движение. На снегу четко отпечатывалась елочная вязь протекторов. Ровно гудели моторы. И вдруг машины будто споткнулись, затормозили. Впереди на дороге стояли танки с красными звездами на башнях. Оценивание длилось недолго. Снаряд с грохотом взметнул перед грузовиками снежную пыль, за ним второй, третий... Загорелась одна машина, другая... Захлопали дверцы кабин. Немцы в панике бросились в кювет, прятаясь за машинами, беспорядочно отстреливаясь, повсюду их доставали автоматные очереди. Через несколько минут колонна была разгромлена.

Внизу, в неглубокой лощине, белели крыши Кутейниково.

Стремительно ворвались на улицы села советские танки. Женщины, шедшая с ведрами на коромысле, прижалась к плетню, давая дорогу, потом разобралась в чем дело, бросила ведра на снег и кинулась за танками...

«Наши! Родные сыночки! Наши!»

«Уходи, тетка!» — крикнули ей. — Бой будет!»

Один из танков остановился у дома побогаче да покрасивее, на бетонном фундаменте, под железной крышей, с резными петушками на парапах и на воротах. Кто-то из жителей сказал, что здесь квартируют немецкие офицеры. С лязгом откинулся люк, из башни показалась стройная фигура старшины Сирионаки — невысокого, крепкого, с ма-

ленькими черными усами на смуглом лице. С брони прыгивали автоматчики, бежали к дому.

— Давай, Толик, не отставай!

Коренастый паренек с выбившимся из-под танкистского шлема русым чубом выбрался из танка и побежал за Сирионаки. Тот резко выхватил пистолет и толкнул калитку.

Настроенные у господ офицеров было отличное. Они с вожделением поглядывали на столы, установленные яствами и батареями бутылок с французским шампанским. Нетерпеливые уже тянулись к бокалам, тискали сидевших у них на коленях полураздетых, привезенных издалека женщин. Рождество, доброе немецкое Рождество в этих заваленных снегом проклятых русских степях! На какое-то время была забыта 6-я Армия, окруженная на Волжских берегах. Да ей и недолго осталось там сидеть: фельдмаршал Манштейн хорошо знает свое дело, его войска день и ночь штурмуют позиции русских. Здесь в тылу особенно заметно, как много техники и людской силы брошено на поддержку группы «Дон». Скоро Манштейн и Паулюс пожмут друг другу руки в Сталинграде. Чудесное Рождество!

Холодная струя воздуха ворвалась в распахнутую дверь и заставила многих оглянуться: кому там стало жарко? И тут глаза их полезли из орбит: в прямоугольнике двери четко вырисовывалась плотная широкая фигура в белом полушубке, в черном ташикском шлеме. Русские? Что за наваждение? Здесь, в глубоком тылу, и русские? Пистолетные выстрелы и автоматные очереди заглушали выкрики и истерический женский визг. Густой пороховой дым рассеялся: в комнате все было вверх дном. Валялись убитые, стонали раненые. Питлеровским офицерам так и не довелось посидеть за рождественским столом — русские танкисты, неожиданно появившиеся в Кутейниково, в 160 километрах от фронта, разделились с ними по-гвардейски.

В это время на улицах села разгорелся бой. Злая дробь автоматов смешивалась со скороговоркой пулеметов и торопливыми пистолетными выстрелами. Вот из хаты выбежало несколько гитлеровцев. Встреченные огнем, они тут же кинулись назад, оставив раненых и убитых на снегу. Но в хате фашисты продержались недолго.

Постепенно стрельба стихла, и только на краю Кутейниково продолжалась перестрелка. В приземистом сарае в конце огорода засела группа гитлеровцев и упорно отбивалась. Стоило поднять голову и сразу же сеял смерть пулемет с чердака сарая.

— С ходу их, проклятых, не возьмешь, — вытирая лоб, пробормотал лежавший за пулеметом пожилой боец в белом маскировочном халате. — Только людей зря погубим.

— Э, кашо, — возразил молодой черноусый сержант, — как же возьмешь? Возьмем! Это я тебе говорю — сержант Кижерашвили! Смотрите...

Он лег поудобнее, прицелился и выстрелил. Из-под крыши сарая показался легкий дымок, потом затрещало бледное пламя, через несколько минут пылал уже весь сарай. Ошалелые, закопченные, из сарая начали выскакивать немцы.

Улицы, еще несколько минут назад пустынные, заполнили жители села. Сначала с опаской, потом увереннее, они открывали калитки, выбирались из погребов и бежали навстречу танкистам и стрелкам. А те, усталые после боя, отвечали на вопросы, перебрасывались шутками.

Провели колонну пленных. Опять раздался рокот моторов и ляг гусениц: в надвигающихся сумерках по головной улице в село возвращалась танковая разведка. В люке первой машины, сняв шлем, стоял улыбающийся гвардии лейтенант Доморацких — командир разведчиков. Вот танк остановился, и его сразу облепили бойцы.

— Ну, что? Как? Ох, и всыпали мы фрицам!» — рассказывал довольный Доморацких.

— Они понаесли на подводы и давай нахлестывать лошадей. Да все равно далеко не ушли. Все двадцать подвод там и остались, — заключил он.

Вскоре вдали на широкой деревенской улице показалась толпа. Будрин, как раз вышедший из дома под железной крышей, где разместились штаб, пытался разглядеть приближающихся людей.

Что там такое?

Спустя несколько минут все разъяснилось. По улице, неловко вынимая руки, припадая на стертые в походе ноги, шли итальянцы, одни — змурые, с опущенными глазами, другие — улыбающиеся растерянной жалкой улыбкой. Сбоку, поигрывая новеньким автоматом, важно шагал Петр Морев, повар батальона. Увидев комбата, он что-то грозно скамандовал пленным, молодежато подбежал к Будрину и отстранил его.

— Товарищ гвардии майор, колонна пленных в количестве пятидесяти человек доставлена. Докладывает гвардии сержант Морев.

— Вольно! — улыбнулся Будрин. — Где же ты их встретил? И как они тебя прикончили?

— Так они, товарищ гвардии майор, — тоже заулыбался Петр, — тут в степи бедовали. Наверное, драпанули, когда наши в село ворвались, а куда идти не знают. А я везу бойцам ужин, ничего не знаю. Гляжу, топают. Ну, думаю, пропал. А они увидели меня, окружили, залопотали по-своему, руки до горы поднимают. Ясное дело — в плен просятся. Их офицер построил и доложил мне, а что — я не понял. Видно, побоялись замерзнуть в снегу. Оно и правда, вроде вьюга началась. Ну, я погрузил их оружие в дуколку и сюда. Вот она едет.

— Ну, ладно! — лицо Будрина сделалось серьезным, хотя глаза по-прежнему смеялись. — Иди, корми бойцов.

В тот день Кутейниково заспуло поздно. Во всех хатах раздавался шумный людской говор. На улицах рокотали разогреваемые моторы. А когда все утихло, стала слышна песня — верный спутник солдата.

ТАК НАЧИНАЛИСЬ БОИ ЗА УКРАИНУ

(из истории 35-й гвардейской дивизии)

После утомительных переходов по бездорожью 35-я гвардейская стрелковая дивизия 14 декабря 1942 года сосредоточилась на восточном берегу реки Дон, в селе Нижний Мамон. Здесь дивизии было вручено гвардейское знамя. В этот же день полковник Кулагин Иван Яковлевич принял командование дивизией.

Наступление было намечено на 16 декабря 1942 года. Дивизия входила в состав 4-го гвардейского стрелкового корпуса второго эшелона и ударных частей. Из полученных на марше дополнительных сведений следовало, что 102-й стрелковый полк майора Смолина Григория Борисовича идет напрямик проселочной дорогой до села Гадючье, занимает круговую оборону и прочно ее удерживает на случай контрудара со стороны Богучара. Во фланг нашим наступающим войскам сотый и сто первый гвардейские полки идут по маршруту на Чертково через Анно-Ребриково.

20 декабря 102-й гвардейский стрелковый полк получил приказ двигаться к крупному совхозу, занять круговую оборону, оседлать перекресток дорог на Чертково и Миллерово. В тылу действовала большая группировка немцев с танками, имея задачу выйти на станции Чертково.

Сто второй полк должен был сорвать планы немцев. Во второй половине дня полк был на месте и к ночи занял свои оборонительные позиции.

Командир полка Смолин и часть командиров подразделений ужинали, когда в комнату вошел адъютант командира дивизии младший лейтенант Трапезников. Он, торопясь и волнуясь, передал приказ командира: срочно без промедления маршброском направить свой полк в район Мало-Лозовки, совхоз оборонять одним батальоном, усиленным артиллерией. Командиру полка немедленно прибыть за получением задачи. Полк под командованием капитана Кваши и начальника штаба полка Женжерухи двинулся к Мало-Лозовке. Все понимали, что штаб дивизии, 100-й и 101-й гвардейские полки попали в тяжелое положение. Наши гвардейские стрелковые полки прошли через хутор Арбузовку в направлении Алексеево-Лозовки. Не успел передовой полк 44-й гвардейской стрелковой дивизии втянуться в Арбузовку, как

большая группировка немцев при поддержке танков ворвалась в хутор и заняла его, расстреляв часть полка на марше.

В это время штаб дивизии расположился в здании бывшей школы Малой Лозовки. Тут же в соседних домах была расквартирована рота разведчиков дивизии. К вечеру из леса в сторону Арбузовки потекла лавина восьмой итальянской армии. Ее головные части подошли к окраине Малой Лозовки. На оборону Малой Лозовки вышли все, даже работники штаба. Командовал обороной начальник штаба дивизии Шнайдер Григорий Моисеевич. С минуты на минуту оборонявшиеся ждали подкрепления. И вот, наконец, в населенный пункт подошли воины 100-го и 101-го гвардейских полков.

Они развернулись и пошли в наступление со стороны Алексеево-Лозовки. Итальянцы отошли за гребень и под прикрытием темноты сосредоточились в районе Арбузовки. К хутору подошли густые колонны отступающих войск противника. Батальон 128-го стрелкового полка повернул налево и занял оборону фронтом на восток. Истребительный дивизион тоже развернулся в боевой порядок, заняв позиции для ведения огня прямой наводкой. Встреченный дружными залпами из орудий стрелкового оружия и пулеметным огнем, неся большие потери, противник начал разворачиваться в боевой порядок для атаки, стремясь прорваться через Арбузовку.

Первые атаки противника были отбиты с большими для него потерями. Но атаки следовали одна за другой и, в конце концов, противник овладел хутором.

Для дивизии создавалось тяжелое положение. Штаб 44-й дивизии оказался отрезанным от главных сил, и управление полками пришлось осуществлять только по радио. Авангард дивизии — 128 полк подполковника Дмитриева решено было вернуть к месту боев. Если бы противник сразу же повел наступление в обход Арбузовки, у него была бы реальная возможность вырваться из окружения, так как южнее хутора на протяжении многих километров не было достаточных сил, чтобы противостоять противнику. Даже штаб 44-й гвардейской дивизии не имел ни одного взвода прикрытия, пока не вернулся полк Дмитриева. Неправильно оценив обстановку, противник беспрерывно атаковал севернее Арбузовки, куда подошли основные силы 44-й дивизии.

Второй батальон 102-го гвардейского стрелкового полка (командир батальона старший лейтенант Рябцев) с переданными ему средствами полковой батареей (командир батареи Н.Рингель) и двумя рота-

ми автоматчиков совершили марш-бросок в район Сохрановки. Разведка донесла, что в направлении села движется большая колонна противника.

Утром батальон вошел в Сохрановку, а навстречу ему двигались колонны немцев и итальянцев. Комбат Рябцев поставил перед командирами рот задачу: атаковать противника, нанося ему как можно больший урон. Заняв боевую оборону на восточной окраине села и подпустив врага на расстояние ружейного выстрела, по команде комбата бойцы открыли ураганный огонь, расстреливая фашистов в упор. Наши автоматчики обходили врага справа и слева, окружая его. Попав под ураганный огонь, противник пытался принять боевой порядок, но в беспорядке стал отступать. В это время на место боя прибыл командир 102-ого гвардейского полка майор Григорий Борисович Смолин и приказал усилить огонь. Фашисты несколько раз переходили в контратаку, но были расстреляны. Особенно жестоким был бой на левом фланге, где фашистов атаковала рота автоматчиков гвардии старшего лейтенанта Макарова. Туда был переброшен взвод пушек гвардии лейтенанта Ершова. Артиллеристы в упор расстреливали врага. Наводчик гвардии сержант Осинцев и сержант Богданов снаряд за снарядом посылали в скопление противника.

Все контратаки противника были отбиты, а наши автоматчики начали занимать фланги, окружая врага. В стане противника появились белые флаги, командир полка поддал сигнал прекратить огонь. Немецкие захватчики сложили оружие — гвардейцы сводили пленных в село, их было около двух тысяч. Так закончилась операция по разгрому фашистов гвардейцами 102-го стрелкового полка в районе Сохрановки.

Из укрытий начали выходить сохрановцы, слезы радости блестяли на лицах, слова благодарности шли от сердца. Трудно передать словами радость людей. Угощали табаком-самосадом своих освободителей, пили горячим чаем, а он был как раз кстати — на дворе стоял 30 градусный мороз.

Вяло адержаться в Сохрановке 102-му полку не пришлось. Еще сводили пленных, пехота прочесывала местность, а командира батальона И.Рингеля вызвал командир полка и приказал с двумя взводами отправиться в район Малой Лозовки в расположение командира дивизии. Когда батарея прибыла в указанный район, комдив Кулагин Иван Иванович объяснил ему задачу: впереди на высоте стоит мельница, за ней редкая цепь — это наш сотый полк, а за ним густые цепи немцев. Их надо расстрелять в упор. Командир батареи повторил

задачу и отправился в батарею, где довел приказ командирам взводов и орудий. Заняв боевые позиции, батарея прямой наводкой открыла огонь по цепям противника. Снаряды ложились точно. Попав под губительный огонь артиллерии, фашисты залегли на гребне высоты. Батарея усилила огонь. Оставив на поле боя много убитых и раненых, фашисты побежали обратно за гребень высоты. Тогда поднялась наша пехота и стала преследовать врага.

Артиллеристы сменили боевые позиции. Через полчаса фашисты возобновили атаку, и наши передовые роты начали отходить к Лозовке. Как только враг появился в секторе обстрела, батарея открыла беглый огонь. И на этот раз атака немцев захлебнулась. Еще пять раз пытались фашисты прорваться. Каждый раз их останавливал меткий огонь наших артиллеристов. К вечеру подошли батальоны 102-го гвардейского стрелкового полка. Арбузовский мешок нужно было завязать крепко.

Утро 20 декабря 1942 года началось в районе Малой Лозовки с массированных атак итальянцев при поддержке огнем немецких танков. Они пытались прорваться к станции Чертково, гвардейцы отбивали атаку за атакой и отвечали своими контратаками. К вечеру стало известно, что немцы готовят совместно с итальянцами большое наступление на прорыв.

Командир 35-й собрал всех офицеров штаба. Командиров полков и поставил боевое задание: организовать прочную оборону и не дать врагу вырваться из создавшегося мешка. Для усиления обороны был отозван 102-й гвардейский полк.

Уже стемнело, когда мощный вал навалился на позиции 100-го гвардейского. Завязался бой. В рукопашной схватке наши воины не выдержали преобладающего силой натиска врага и дали ему возможность вырваться к станции Чертково.

К этому времени подошли разведчики и автоматчики дивизии. В масках они ночью, как призраки, появились в рядах противника и расстреляли его в упор. Так удалось снова захлопнуть «Арбузовский мешок».

Неудача заставила немцев активизироваться, и уже с самого утра они повели массовое наступление на Чертково. Наши силы пополнили войсками 102-го полка. Прочно сдерживая атаку противника, они отвечали контратаками.

Очень напряженным было 21 декабря 1942 года для полковой батареи, которой командовал Н. Рингель. В своих воспоминаниях он пи-

шет, что когда батарея прибыла в район Алексеево-Лозовки, 100-й полк вторые сутки вел бои с превосходящими силами противника. Не смогли поредевшие силы гвардейцев устоять в рукопашном бою против врага. Не слышно было выстрелов со стороны воинов сотого полка: молчали пушки и пулеметы — закончились боеприпасы. Батарея Н. Рингеля прибыла как раз в этот момент. За образцовое выполнение операции весь личный состав батальона был представлен к правительственным наградам.

К исходу 21 декабря 1942 года советские войска сомкнули кольцо окружения и все настойчивее стали стягивать огромную петлю, пока части 44-й гвардейской вели бои с многократно превосходящим противником.

35-я гвардейская дивизия полковника Кулагина заняла позиции на участке Алексеево-Лозовки (включая Сохрановку) фронтом на северо-восток для наступления на Малую Лозовку и Арбузовку.

44-я гвардейская дивизия полковника Куприянова Д.А. фронтом на юго-восток между Сохрановкой и хутором Жеребцовским, оказывала давление на хутор Жеребцовский и лес восточнее Арбузовки.

Комиссар 35-й гвардейской дивизии Емельян Алексеевич Лисицын стоял на возвышенности у здания Мало-Лозовской школы, наблюдал за боем. Особенно тяжело было на позиции сотого гвардейского. В это время проходили три наших танка 115-й танковой бригады с десантом разведчиков 65-го артполка, под командованием старшего лейтенанта Скороходова Владимира. Лисицын остановил танки, попросил танкистов помочь воинам 35-й. Танки ворвались в Арбузовку. Итальянцы попрятались в хаты, но смертельный огонь десантников настиг сопротивляющихся. Атака немцев захлебнулась. Им пришлось сосредотачиваться в Арбузовке и вокруг нее. К концу дня несколько групп по 50-100 человек начали сдаваться в плен. Лисицын долго беседовал с пленными, и несколько человек из них отправил обратно для агитации оставшихся. Вместе с ними ушли и наши разведчики.

Вечером 22 декабря 1942 года на участке 100-го полка сосредоточилась большая группа итальянских солдат и офицеров. Они, вытянувшись в цепочку, шли по оврагу к цитадели и здесь бросали свое оружие. Трое разведчиков с гранатами и 15 человек итальянцев доблестно наблюдали за ходом сдачи в плен.

В своих воспоминаниях председатель совета ветеранов 35-й гвардейской дивизии А. Павленко о последующих событиях вспоминает:

«К этому времени приток военнопленных увеличивался, и мы заметно пробрались в расположение противника. Там стояла группа колеблющихся, и мы присоединились к одной из них. Среди группы стоял итальянский полковник низкого роста с брюшком. В это время у дома Масликовых образовалась пробка. Комиссар в сопровождении Малофеева подошел к толпе. Товарищ Лисичкин попросил новости надлежащий солдатский порядок. В это время раздался выстрел и немцы провокаторы подняли на штыках нашего любимого комиссара. Малофеев бросился ему на помощь, но тут же был сбит с ног прикладами немцев.»

«Дальше, — пишет Павленко, — он, не помня себя, бросился на помощь, но тут же множество рук скрутило его, и он оказался на снегу. А когда успокоился, то увидел, что и Красильников, и Сапрыкин тоже лежат на снегу. Итальянский полковник отдавал какие то распоряжения, и окружающие его солдаты бежали в сторону наших позиций. Итальянцы уничтожили группу немецких провокаторов и шли сдаваться в плен. Рано утром наши части начали решительное наступление на позиции противника Арбузовского кольца. Подвиг комиссара Лисичкина явился началом распада и уничтожения немецкой группировки под Арбузовкой.»

Это было 22-го и 23-го декабря 1942 года. Сотый полк 35-й гвардейской подошел к хутору Арбузовка. Первая рота закрепилась на рубеже за речкой. По характеру местности этот рубеж был не выгоден. Но вскоре завязался тяжелый бой. Одному из наших расчетов станкового пулемета было приказано выдвинуться на 50 метров и открыть огонь по наступающим немцам. Этот пулемет не давал продвигаться немцам, и они сосредоточили огонь на него. Вскоре пулемет умолк. Пулеметчики были убиты. Тогда к пулемету подбежал старший лейтенант (автор воспоминаний, к сожалению, фамилию отважного офицера не помнит), по команде которого был выдвинут пулемет, но тут же был убит и он. Кто-то крикнул: «Ранен командир роты!» К нему бросился санитар, но так же был тяжело ранен. И лишь тогда боец Горинов заметил справа за кустом немецкого снайпера в белом маскировочном халате. Он крикнул об этом товарищам, а сам, не теряя времени, пополз к пулемету, был ранен в руку, однако сумел развернуть пулемет. Когда к нему подполз боец Я.Одегили, он уже наводил его на куст, за которым сидел немецкий снайпер. По снайперу было выпущено две пулеметные ленты, пока не уничтожили его.

В это время к ним почти вплотную подошла группа немцев в 25 человек. Стрелять из пулемета они уже не могли, санки с пулеметом провалились в снег. У Горинова вышел из строя автомат, у Одегили совсем не оказалось патронов. Они залегли. Немцы прекратили огонь и с их стороны послышались крики:

— Рус, бросай ружье!

Вокруг них никого не было. В горячке боя, они не заметили, как наши отошли метров на сто и заняли новые рубежи. Тогда Одегили поднялся и бросил в немцев одну за другой две «лимонки». В это же время возле них взорвалась граната. Одегили почувствовал, что он ранен. Третья последняя граната полетела в гущу немцев. Пока немцы были в замешательстве, они успели вынуть из пулемета замок, а Горинов вытащил пулеметную ленту с патронами. Им удалось взять винтовку санитарструктора, и они поползли от пулемета. Немцы подскочили к пулемету, развернули его в нашу сторону, схватили коробки с лентами, но, убедившись, что пулемет без замка, опрокинули его в снег.

В этот момент на помощь советским бойцам подошли бойцы 102-го полка. С криками «Ура», они пошли в атаку. Гоинов и Одегили сразу же бросились к пулемету и длинными очередями стали расстреливать врагов. Более двух взводов немцев было уничтожено, ствол пулемета раскалился. Вместе с наступающим подразделением и с пулеметом они двинулись вперед. Везли пулемет на санках. А впереди было столько трупов фашистов, что для того, чтобы провезти пулемет, нашим бойцам пришлось их растаскивать по сторонам. Вскоре наш батальон был выведен из боя.

Сильный мороз и глубокий снег ограничивали противника в маневрировании, а отсутствие артиллерии в его атакующих колоннах на участке 44-й гвардейской давало нам преимущество в огневой силе.

Настоящий героизм проявили в этих боях гвардейцы резервного батальона, которые стояли на смерть, но не позволили противнику вырваться из котла.

К концу декабря противник оказался зажатым на площади 16—18 квадратных километров. Окруженный со всех сторон, как хищный зверь в берлоге, враг метался в огненном кольце, стремясь найти выходы из него. В предчувствии неизбежности развязки, фашистские выскочки шлили зверскую расправу над мирными жителями.

Командары и бойцы Красной Армии, решая задачи скорейшего уничтожения фашистской нечисти, заботились и о том, чтобы не

причинить вреда мирному населению. Зная тактику нашего командования, фашисты отсиживались в населенных пунктах, не рискуя выйти в чистое поле. Тогда наши части притворили котел в направлении Миллерово, и недобитые гитлеровские воюки ринулись в образовавшиеся ворота густыми колоннами. Здесь и обрушился на них карающий меч возмездия. Началась массовая капитуляция. 24 декабря к 12:00 Арбузовская группировка была ликвидирована. Были разгромлены и пленены соединения 80-й итальянской армии и остатки 298-й немецкой пехотной дивизии. На поле боя осталось свыше 7 тысяч вражеских трупов, 150 орудий, 11 тягачей, 2000 автомашин, 280 лошадей и много другой боевой техники и вооружения. Это была еще одна блистательная победа наших войск над немецкой армией.

Полки приближались к Украине, удерживая и преграждая путь новым фашистским соединениям, спешившим на помощь к Черткову и Меловому. Там начиналась битва за первую пядь украинской земли, самую северо-восточную точку Советской Украины.

То, о чем рассказано выше, не создает полной картины о боях на подступах к украинской земле. Хочется еще немного внимания уделить боям под Арбузовкой.

Бой окончился, от хутора почти ничего не осталось (вспоминает участник этих боев П. Недохлебов). Их часть остановилась для пополнения в одном из населенных пунктов недалеко от хутора Арбузовки. Он и его товарищи остановились на окраине села в маленькой хатенке, где проживала одинокая старушка. Неожиданно занемог их товарищ Саша Казаков. Весь в жару, он часом просил пить, просил дать что-нибудь из солений. У хозяйки ничего не осталось, все запасы съели немецкие солдаты. Она посоветовала сходить в хутор Арбузовский, где в подвалах можно найти соленные овощи. Значит, опять нужно идти туда, где часть вступила в бой на рассвете. Большую роль в ликвидации немецкого соединения сыграла «Катюша», открывшая огонь по врагу. Недохлебов со своим земляком Иванычем Александром и украинцем Казаковым Александром, татаринном Хазиевым и другим бойцами укрывались от огненного вала за силосными башнями, которые располагались на окраине хутора. И вот с Хазиевым они опять шли на хутор. Подошли к окраине. Стояла тихая морозная погода, срывался мелкий снег, вокруг лежали трупы застывших немцев, итальянских и румынских солдат, лошадей, повозки, орудия. На земле просматривался след термитного снаряда нашей «Катюши». Подол шли к одному из сгоревших домов, от которого осталась труба для руб-

ская печь. Дом, видимо, был рубленый, стены сгорели, потолок обрушился, обгорел пол. Они обратили внимание на щель в полу: падавший на нее снег не таял. Решили, что здесь должен быть подвал. Очистив пол от глины, увидели лягу. Оттуда хлынула скопившийся удушливый сырой подвальный запах. По лестнице поднялся старик лет семидесяти, а может быть и старше, худой, бледный, одет в серого цвета старую свиту. Следом за ним поднялась девочка лет шести-семи. Девочка плакала, спрашивала, где мама? Заплакал и дедушка. Он сказал, что когда начался бой, они с внучкой спрятались в подвал. Во время боя дом сгорел, а подвал завалило обрушившимся потолком, и они оказались заживо погребенными. Угостив дедушку солдатским табаком, попросили его достать квашеной капусты с огурцами. С гостинцами возвратились в часть. Отварив картошку в мундирах и накормив товарища, они рассказали ему, как добыли солонина. На удивление наш дорогой друг пошел на выздоровление. А на утро в поход.

...Солдат Василий Игнатович Мазарин написал книгу о войне и военных походах. Книга так и называется «Солдатская дорога далекая».

В этой книге есть место, где он вспоминает, как сражался в придонских степях под хутором Арбузовка. Донские степи в полосу фронта пустовали и сильно заросли высокой полынью. Дорогу, по которой отступали итальянские войска, подразделение, в котором служил Василий Игнатьевич перерезали, но оставшиеся в тылу врага войска противника не сложили оружия, они пытались обойти стороной, чтобы соединиться со своими частями под Арбузовкой. Там был их опорный пункт, откуда они пытались задержать продвижение частей Красной Армии и избежать полного разгрома.

В этой местности был такой случай. Василий Игнатович Мазарин и командир батальона капитан Ерохин с группой бойцов шли в сторону Арбузовки. Не прошли они и полторы сотни метров, как увидели разбитую вражескую машину, было темно. Все казалось подозрительным и потому, прежде чем двинуться вперед, они решили осмотреть машину. Осторожно обходя ее со всех сторон, они едва не пропустили момента, когда в тылу у них на дорогу вышла из высокой сухой полыни вражеская колонна солдат. Направлялись они в их сторону.

Батальоны к бою! Слушай мою команду! — едва только заметив эту колонну, закричал капитан Ерохин. — Противника взять наголов! Не спускать с него глаз!

А сам кинулся со своим ординарцем и двумя автоматчиками прямо к колонне, не переставая кричать и отдавать разные команды не существующему батальону. Мазарин и трое радистов стояли у подбитой машины с оружием на изготовку, готовые в любой миг открыть огонь, если хитрость Ерохина не удастся. Если бы вражеские солдаты заметили в них какую-то растерянность, они могли бы несколькими выстрелами уничтожить всех. Однако Ерохин действовал настолько решительно, что не дал вражеским солдатам опомниться. В замешательстве они остановились, а он в этот момент подскочил к колонне, сходу начал срывать с солдат оружие и бросать его в сторону на снег. Энергично стал подталкивать обезоруженных немцев под конвоем его автоматчика. Остальные стали самостоятельно сбрасывать с себя автоматы и винтовки.

Не нарушая порядка, колонна поспешно поворачивала от дороги и следовала за автоматчиком, который сначала пятился назад, чтобы видеть обстановку, потом пошел рядом, поглядывая на пленных. Позади колонны шагал еще один автоматчик, конвойный. Так вдвоем они и повели не менее ста пленных.

Радисты развернули радиостанцию, и капитан Ерохин доложил командиру полка подполковнику Тишакову о том, что ими направлена в тыл большая партия вражеских солдат, и коротко объяснил при каких обстоятельствах это произошло. Командир полка пообещал организовать встречу пленных, а радистам вернуться на прежние места и ждать указаний.

Но приключения на этом не кончились. Они уже пошли обратно, как вдруг увидели, что: со стороны противника от хутора Арбузовка во весь опор скачет всадник в белом маскировочном халате.

Капитан Ерохин бросился к всаднику навстречу. На полном ходу схватил лошадь за поводья и стал останавливать. Лошадь по инерции протащила его несколько метров, развернулась и стала поперек дороги. Всадник, почувствовав недоброе, спрыгнул с лошади и побежал в сторону, но его сразу же настигла автоматная очередь ординарца капитана. При обыске они нашли убитого документы и личное оружие. Это был офицер итальянской армии. Он, очевидно, был направлен для встречи той колонны, которую они только что разоружили.

В то время обстановка менялась очень часто, причем с такой быстротой и неожиданностью, что не всегда удавалось во всем разобраться и принять мгновенно правильное решение. Ну а капитан Ерохин обладал такой способностью. В самых сложных, опасных и трудных

условиях он быстро оценивал обстановку. К сожалению, в тот же день капитан Ерохин погиб на передовой от прямого попадания мины. Это был уже третий комбат, которого они лишились в донских степях.

Весь следующий день не смолкала орудейная и ружейно-пулеметная перестрелка. Спаряды рвались над головой непрерывно. Уходить без приказа с места, где была развернута радиостанция, радисты не имели права. Командир полка требовал постоянно докладывать обстановку. Они у него, видимо, исполняли роль наблюдательного пункта, а также корректировщиков артиллерийского и минометного огня.

К вечеру, после массированного огня, противник пошел в атаку. Первые ряды атакующих продвигались по-пластунски. За ними, пригнувшись, почти на коленях, двигались еще несколько рядов, и только последние шли в полный рост, плотной стеной. Этот многорядный строй поливал наших воинов огнем невероятной плотности, не давая поднять голову. Такой атаки Василию Игнатовичу еще видеть не доводилось. В этом было что-то действующее на нервы, давящее на психику. Казалось, атакующие раздавят на своем пути все, что попадется. Наши бойцы заволновались, оглядываясь назад.

Докладывая командиру полка обстановку, автор книги «Солдатская дорога далека» радист Мазарин, потеряв самообладание, кричит в трубку, что у них нет надежды на спасение, что противник их вот-вот сожмет. Командир полка, успокаивая, говорил:

— Держитесь, ребята! Сейчас заиграет «Катюша».

— Да где они ваши... — едва успел прокричать Василий Игнатович, тут же услышал сверху над собой шипение и свист, а потом впереди раздался оглушительный гром, и образовалась сплошная стена черного дыма, которую пронизывали ярко — красные молнии.

— Ну как, живы? Вас не задело? — тревожился командир полка. Снаряды «Катюш» рвались прямо перед рядами наших войск. Выстрелы были точными, как раз по передним атакующим цепям врага.

25-го декабря 1942 года враги были уничтожены полностью, а рано утром 26-го декабря командир сотога гвардейского полка 35-й гвардейской дивизии гвардии майор Г.С.Бойко вызвал на командный пункт командиров батальонов и прианных к нему воинских подразделений. Среди них был и М.Суцеский. Тогда он командовал батареей 45-ти миллиметровых пушек 37-го отдельного гвардейского истребительного дивизиона.

— Перед нашей дивизией, — сказал командир полка, — поставлено ответственное и почетное задание — овладеть железнодорож-

ной станцией Чертково и приступить к освобождению от фашистской нечисти многострадальной Украины.

В 9 часов 10 минут утра завязался бой за последний населенный пункт Российской Федерации — станцию Чертково. К станции примыкал первый крупный населенный пункт Украины — поселок Меловое. Эти два поселка разделены между собой только железной дорогой и расположены на высоте. Все кирпичные и деревянные дома противник превратил в укрепленные дзоты. На перекрестках улиц были выставлены пулеметы и зарытые танки. Особенно сильно были укреплены элеватор и водонапорная башня на железнодорожной станции, с которых вокруг проглядывалась местность на многие километры.

Преимущество противника очевидно. Противник на высоте, в теплых домах за крепкими стенами. Войны Красной Армии в открытой заснеженной степи, к тому же стояли лютые морозы и дул пронзительный ветер. По улицам поселков курсировали фашистские танки и штурмовые пушки, которые, прячась за строениями домов, безостановочно обстреливали наши позиции. Хотя «позиция» — это не то слово. Бойцы даже не имели возможности днем вырыть для себя окоп, потому что все время были под прицельным огнем. Нужно было ожидать только ночи. Но ночью, саперной лопатой вырыть хоть какое-нибудь укрытие оказалось не так уж просто, тем более, что земля промерзла больше, чем на метр. наших солдат было видно как на ладони, они несли большие потери в живой силе. Подступы к поселкам фашисты заминировали противотанковыми и противопехотными минами. На некоторых участках установили заграждения из колючей проволоки. Становилось очевидным, что эти населенные пункты враг так просто не отдаст.

Ночью 27-го декабря наша пехота заняла два двухэтажных дома на юго-западной окраине Чертково и закрепились в них. Утром фашисты при поддержке танков и штурмовых орудий попытались выбить наших бойцов из домов. Но смельчаков прикрыл огнем 65-й артиллерийский полк, и враг вынужден был отказаться от штурма домов.

28-го декабря 100-й стрелковый полк предпринял еще одну попытку захватить Чертково и Меловое, но операция успеха не имела.

НА ПОДСТУПАХ К ПОСЕЛКАМ МЕЛОВОЕ И ЧЕРТКОВО

16 декабря 1942 года по всей линии Верхний Мамон — Мигулицкая войска 1-ой гвардейской армии Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора В.И.Кузнецова после артиллерийской подготовки перешли в решительное наступление.

41-я стрелковая дивизия под командованием гвардии генерал-майора Н.П.Иванова прорвала глубоко эшелонированную линию 8-ой итальянской армии. В прорыв были введены 17-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта П.П.Полубоярова, 18 танковый корпус под командованием генерал-майора Бахарова и 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора П.П.Павлова.

С 18 по 20 декабря 1942 года 41-ая гвардейская стрелковая дивизия освободила Анно-Ребриково, Новостепановку, Бакай, Тарасовку, Маньково, Шептуховку.

122 стрелковый полк этого соединения ворвался на окраину поселка Чертково в районе элеватора. Однако взять с ходу его не удалось. Он был сильно укреплен.

К 20 декабря Чертково и Меловое были превращены противником в укрепленный район.

Первыми на прорыв в районе Богучара устремились танкисты 24-го танкового корпуса под командованием генерал-майора В.М.Баданова. 18 декабря они захватили Анно-Ребриково, Щедровку. 19 декабря выбили фашистов из Маньково, где уничтожили несколько танков, затем гарнизон гитлеровцев в Кутейниково. Совершая рейд по тылам врага, танкисты уничтожили живую силу и технику на своем пути, который пролегал через Яново-Шептуховку, Новоселовку, Дегтяни.

Танковый батальон, в котором служил житель п. Чертково старший лейтенант А.П.Волков, обошел поселки Чертково и Меловое, поставил расчет батареи гитлеровцев и по приказу командования возвратился в Маньково.

В боях под Чертково в эти дни принимали участие наши земляки: начальник подстанции гвардии старшина Г.Ф.Земляков, житель поселка Меловое И.П.Кравцов.

101-й стрелковый полк 35-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.Я.Кулагина занял Алексеевское, 100-й стрел-

ковый полк — Мало-Лозовку, 102-й — Арбузовку, чем остановили отход противника с фронта и подход, подкреплений с тыла.

С рассвета 18 декабря враг насадел с фронта и тыла — это была битва не на жизнь, а на смерть. Особенно тяжело было 101-му и 102-му полкам, которые непрерывно атаковал противник.

26 декабря 1942 года по приказу командующего 1-й гвардейской армии 35-ая гвардейская стрелковая дивизия прибыла под Чертково. К этому времени противник в инженерном отношении сильно укрепил свои позиции: были установлены проволочные заграждения, минные поля, дома превращены в доты, создана многослойная система артиллерийского и пулеметного огня. Крупный гарнизон из итальянских и немецких солдат и офицеров имел танки и поддерживался авиацией. Атака частей 35-й и 41-й дивизий 27 декабря 1942 года успеха не принесла.

Весь день 18-го декабря в Анно-Ребриково оккупанты вели себя, как потревоженный улей. Особенно сильно дереполошились они тогда, когда не стало связи. Оказалось, что в нескольких местах вырезан кабель.

Ночью в село внезапно ворвались наши танки и разогнали итальянские войска. Пронеслись с гулом и лягом по улицам раскиданного на склонах глубокой балки села и ушли обратно. Но утром ташкисты снова пришли в село. Оккупантов тут и следа не осталось. Наши радостно встречали жители. После короткого отдыха они двинулись в направлении Щедровки и Маньково. Два неисправных танка остались в селе. Танки эти простояли в селе около месяца. После ремонта эти танки ушли догонять свой корпус.

Рядом на востоке в районе Громовки шли бои. Они длились более двух суток. Там у немцев был аэродром и потому окруженный противник жестоко сражался. Видя, что сопротивление бесполезно, немцы сдались в плен.

Село Маньково. В это субботнее утро Сусанна Павловна Бокова отправилась в школу. Занятий, как обычно в советской школе, в дни оккупации не было. Приходили ребята в так называемые нулевые классы, учились считать, писать, читать и рисовать. Навстречу учительнице ехал человек одетый в гражданскую одежду. Лицо его было незнакомо. Когда он проехал мимо, Сусанна Павловна оглянулась. Всадник тоже обернулся, потом он возвратился, поздоровался и спросил:

— Вы меня узнали, Сусанна Павловна?

— Нет, ты не маньковский, здесь я всех знаю.

— Да, я не здешний, — ответил тот, оглядываясь по сторонам. — Я из Щедровки. Вы не скажете, как лучше попасть в центр села?

В центре села, где проходило шоссе, было большое скопление итальянских и немецких войск. Бокова понимала, зачем этому человеку надо попасть туда. Но она ни о чем его не спрашивала.

— На лошади не советую. Пешком будет безопаснее.

Занятия в школе подходили к концу, когда подъехали две грузовые немецкие машины. В комнату, где при школе жила учительница Мария Сергеевна Войнолович, вошли двое. Это были русские шоферы со знаками отличия, которые носили русские на службе у немцев. Они попросили поехать. Разговорились.

— На линию Сталинграда, — неопределенно ответили те.

— Немцам, значит, капут под Сталинградом?

— А вы этому верите?

— А как же, в их газетах об этом пишут.

— Время покажет, — ответили те опять неопределенно.

Они уехали, оставив учительницу в размышлении. Сусанна Павловна, конечно, не читала немецких газет, так как их не имела. О делах на фронте она узнавала от приятельницы, которая работала в коммандатуре переводчицей и вела большую работу по спасению населения от немецкой каторги и смерти. Это была Ольга Семеновна Занкина.

О том, что дела немцев на фронте плохие, Сусанна Павловна Бокова поняла из одного факта. В доме, где она жила, жил немецкий офицер, было у него два денщика. Целую неделю ему готовили квартиру. Во дворе ему построили бомбоубежище и теплый туалет. Этот офицер в квартире был всего один неполные сутки и тоже исчез.

В селе настало какое то затишье, как перед бурей. По субботам эти немецких офицеров и солдат в клубе демонстрировали кино. И в этот вечер, как обычно, солдаты прошагали под окнами, громко перешагиваясь. В половине девятого гулкое эхо солдатских шагов прокатилось в обратном направлении. И опять напряженная тишина.

В половине десятого послышались звуки взрывов и стрельба. Сусанна Павловна и соседи укрылись в бомбоубежище, приготовленном для немецкого офицера. Ее отец остался в комнате. Стрельба усилилась. Один снаряд попал в стену и вылетел, не разорвавшись. Отца позвали. Сусанна Павловна бросилась на помощь.

А на улице в это время шла пальба, был слышен грохот танков. Вражеские солдаты метались полураздетые, отстреливались и бежали кто куда. В хаосе звуков слышались четкие голоса на русском языке. Наши-и-и!

И когда на востоке занялась заря, все село было заполнено частями Красной Армии. Танкистов, которые оставались здесь для ликвидации остатков вражеских групп, уже не было. Они ушли дальше вперед, громить врага.

...Путь 57-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора А.П.Карнова пролегал от Мигулинского плацдарма через хутор Бярюков, Мешково, Алексеево-Лозовское, Чертково. В январскую стужу, он был очень тяжелым. Дороги перемела метель. Нужно было саперам прокладывать колесные пути для артиллерии и автотранспорта. Приходилось почти за каждый населенный пункт вести бои.

3 января 1943 года передовые отряды 172-го и 174-го гвардейских полков этой дивизии подошли к Черткову и Меловому и блокировали его со всех сторон.

ШЕПТУХОВСКИЙ СУСАНИН

На рассвете передовые части советских войск вступили в село Яново-Шептуховку, а к вечеру они ушли на запад. Ночью немцы отдельными колоннами прорывались на стацию Чертково и Шептуховку. Одна из таких колонн с танками и машинами искала переправу через реку Калитву.

Полночь. Где-то на горизонте временами полыхают артиллерийские залпы, доносятся взрывы. В селе лают собаки да изредка слышна приглушенная немецкая речь. Сильный стук в дверь заставил Михаила Денисовича вздрогнуть. Их было четверо, офицер и три автоматчика. Все четверо истошно кричали и махали руками и оружием, а затем вытолкнули его на улицу в одном белье.

Холодный с поземкой ветер, казалось, пронизывал насквозь, бросал в лицо колючие комья снега. Михаил Денисович посмотрел вокруг. Возле дома стояла автомашина, а на дороге танки — возле них немцы. Они топтались вокруг танков, пытались согреться. Немцы обступили Михаила Денисовича, а офицер стал знаками показывать на противоположный берег реки.

— Рус! Шнель, шнель! Нах переправ! Не жалейте капут! — быстро заговорил он и стал подталкивать Михаила Денисовича в спину пистолетом.

Немцы торопились. Офицер втолкнул Михаила Денисовича в машину. Коверкая русские слова, перелетая их с немецкими, он снова объяснил, что ожидает Михаила Денисовича в случае непослушания.

Но не об этом думал Михаил Денисович. Он видел вокруг себя врагов. Он, советский человек, не мог не бороться с врагами. План действий созрел сразу, Михаил Денисович указал офицеру на занесенную снегом дорогу, и колонна двинулась по направлению к реке. Михаил Денисович хорошо знал этот санный путь по заболоченному месту, где летом и пешком не пройти.

Колонна медленно вошла в ледяду. Ветер шумел в верхушках бер, снег теперь не так бил в лицо. Колонна остановилась. Офицер вышел из машины. Затем с группой солдат пошел осматривать дорогу. У Михаила Денисовича сильно колотилось сердце. Каждый его удар стучал в виски. Напряженно работала мысль. В эти минуты он чувствовал себя солдатом. И он, один из тех миллионов бойцов, на фронте и в тылу завоевавших победу, должен выполнить боевую задачу, которую

сам поставил перед собой. Он должен выиграть сражение с врагом. Но как победить? Эта мысль ни на секунду не покидала патриота.

Немцы стали совещаться. «Поймут, и тогда все пропало», — думал Михаил Денисович. На волосах и веках образовались льдинки, но он не чувствовал холода.

— Рус! Переправ тут? — снова к нему обратился офицер.

— Тут, тут, очень хорошая, такую вам и надо, — ответил Михаил Денисович, внимательно осматривая местность. Немцы возвратились к берега реки снег крутит вихрем, заметает глаза. Немцы возвратились к машине. Колонна двинулась дальше. Машину подбросило на ухабе, Михаил Денисович выскочил из нее, а затем прыгнул с обрыва. Раздалась длинная автоматная очередь, у самого уха провистели пули. Михаил Денисович из зарослей камыша, утопая в снегу, полз в сторону дороги. Выстрелы и крики немцев все еще слышались позади. Но обнаружить беглеца, одетого в белое нательное белье, ночью, в пургу было трудно. Он долго полз, а затем шел, потеряв счет времени, потеряв всякую ориентацию. Тяжелым камнем давила грудь тревога, за судьбу семьи и односельчан.

Впереди послышался лай собаки, показались сарай и избушка с приплюснутым окошком. На стук в дверь долго не отвечали. Лишь после того, как Михаил Денисович объяснил все, что произошло, госптеприимно распахнулась дверь. Он узнал, что находится в Ново-стрельцовке. Долго оттирали снегом отмороженные ноги и уши. От переутомления, от пережитога Михаил Денисович в ту ночь не мог уснуть, и лишь на рассвете сон сковал его веки. Но не надолго. В то морозное утро в село въехала машина с советскими солдатами. Радость возвратила силы Михаилу Денисовичу. Вместе с бойцами он шел к тому месту, где прошлой ночью оставил немцев. Там все увидели танки, засевшие по башню в трясине. Снег замел следы немцев. На земле лишь валялись противогазы и ящики из под снарядов. Так простой колхозник из Яново-Шептуховки Михаил Денисович Чердынченко победил врага, отняв у него 8 танков и 12 автомашин. Через несколько дней в село вступили новые части Красной

Армии, они вытащили из болота танки и автомашины и с успехом использовали эту технику против оккупантов.

ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНО!

7 ноября 1941 года советские люди услышали вещие слова: «Будет и нашей улице праздник!». Они были произнесены Иосифом Сталиным.

Услышала эти слова и оккупированная, но непокоренная Украина. Освобождение было близким — по расстоянию и по времени. Но закон войны неумолимый: плата за отвоеванное меряется человеческой кровью. Немало еще нужно было пройти советскому солдату огненных километров, прежде чем ступить на украинскую землю.

Украинская земля! На востоке она начинается с поселка Меловое. Так было угодно судьбе, что Украина в Меловом начинается улицей Дружбы. Это сейчас, а тогда в декабре 1942 года она называлась улицей Ленина. Одна сторона этой улицы по административному делению принадлежит Российской Федерации, другая — Украине. Сейчас улица Дружбы народов принадлежит двум разным государствам — Украине и России, но ней проходит граница. Тогда же, в январе 1943 года ее не было. Были тогда на этом месте только торчащие из сугробов остовы печных труб, полустлелешие головешки бревен, как и по всему поселку Меловое, как и по всей Украине. Но и к этому месту нужно было еще дойти.

Начало освобождения украинских первых земель совпало с 25 летием установления советской власти на Украине. В приветствии ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР Центральному Комитету КП(б)У в связи с этой знаменательной датой была выдвинута военно-политическая задача освобождения Советской Украины. Сейчас некоторые авторы в газетных публикациях смеются с того, что у коммунистов все было рвением к политическим датам, как меню в столовых и ресторанах. Ни, мол, коммунистам, не важно, какой ценой будут добыты их предельные задачи, лишь бы они были выполнены. Но Бог с ними, пусть смеются. Со смеха, как говорится в поговорке, и люди бывают. Да кто такие люди! А праздник все же и на нашей улице наступил.

Преодолевая сопротивление врага, войска 1-й гвардейской армии в 29-му декабря 1942 года вышли основными силами на подступы к районному центру Марковка, рубежу реки Деркул и освободили села Новоявка, Морозовка, Кабычевка, Бондаровка, Великошк, Стрельцовка и другие населенные пункты Меловского и Марковского районов Ворошиловградской области.

Значение борьбы за Украину определилось, прежде всего, необходимостью освобождения ее от фашистского ига и возвращения украинского народа в великую братскую семью советских народов и той большой ролью, которую играла республика в экономической и политической жизни всей советской страны.

21 декабря 1942 года начальник штаба 4-го гвардейского корпуса гвардии полковник Кудрявцев докладывал штабу 1-й гвардейской армии о боевых действиях соединений, положивших начало освобождению Украины от фашистских захватчиков. В нем говорилось, что противник на рубеже Великокош—Чертково, реки Меловая за счет подброшенных резервов пытался организовать оборону и задержать наступление частей корпуса.

Разведкой установлено: в районе Чертково существует организованная система обороны с закрепленными танками. Гартмашевский узел с двумя аэродромами упорно сопротивляется. В районе Гартмашевки захвачен пленный 538-го пехотного полка 385-й пехотной дивизии. Корпус, выполняя поставленную задачу, достиг передовыми частями линии Марковка-Пивневка, высота 186,6, слобода Осиковка, Маньково-Калитвенское.

195-я дивизия овладела рубежом Марковка-Пивневка. 564 стрелковый полк передовым отрядом овладел Колищатовкой и содействует в уничтожении противника в районе Гартмашевки.

604 стрелковый полк двумя батальонами наступает на узел сопротивления в районе Гартмашевки с севера и одним батальоном с юго-востока.

573 стрелковый полк с боем овладел Пивневкой и наступает в направлении Зориковки.

41-я гвардейская стрелковая дивизия, 122-й гвардейский стрелковый полк овладели Алексеевкой, Осиковкой, передовыми частями достиг отметки 186,2.

124-й гвардейский стрелковый полк — Маньково-Калитвенской. 25 декабря 1942 года газета «Советская Украина» писала, что на кургане, на крутом спуске капитан Дорошенко остановил свою машину. Он сошел на землю, а следом за ним, за своим командиром, сонная и его боевые друзья — весь экипаж танка. Они посмотрели вокруг и его боевые друзья еще раз посмотрели на карту, а потом медленно снял шлем. Капитан Дорошенко еще раз посмотрел на карту, а потом медленно снял шлем. И все сняли шлемы, затравив дыхание от волнения и счастья. Тут началась украинская земля. Это была родная земля! Четыре дня безостановочно был в дороге экипаж Дорошенко. В жестокой

боях с ненавистным врагом от Тихого Дона проложил путь до Украины этот экипаж.

Да, здесь начиналась украинская земля.

Солдат взошел на курган, повесил на плечи автомат, снял головной убор, зажал его в правой руке... Радостью блистали его глаза... Беседа политрука была краткой: за спиной у нас кровавые бои за Сталинград, мы освободили донские станицы, русские села. Вперед Украина. Наше боевое задание взять станицу Чертково и поселок Меловое. Они ждут освободителей.

...Когда то, чтобы представить себе Украину, человек мысленно рисовал в своем воображении подслеповатую хатенку, крытую поседевшей от дождей соломой, одинокий тополь на краю бедного подворья, душлистые ветлы, что купают тонкие ветви в тихой воде, медленное кружение перепончатых крыльев ветряных мельниц, ветряков за селом. Незунаваемо изменилась Украина. Сейчас она поменяла свой облик. Это уже не та Украина, которая осталась в не умирающих думках и неснях, на страницах книг о казачьей истории украинского народа.

Какой же Украина осталась после немецкого «нового порядка»? В своих воспоминаниях полковник Богатырев пишет:

«Первым нас восторженно встречало село с певучим названием Пивневка. Это было 18 декабря 1942 года. Где же та Украина с хатами «примбями», с печками и припечками, с настенной росписью, хаты, украшенные пучками зелья — чабреца, васильков, любистка, калины? Горькое горе встречало бойцов. Торчат черные трубы, над ними летают черные птицы».

Издавна славилась Украина тугим своим зерном, пшеницей, хлебом. С измалства приучили ребятшек и любить, и ценить хлеб: до поделанной крошки собирали со стола. Корочку где увидишь — подничи. Не оставляя объедков. Принимаешь хлеб, бери в обе руки, уважительно. Прижмись губами к его теплоту, смуглому румянцу, с привнявшимися к корке угольками. «Хлеб соль» — приветственные слова на нашей земле. «Хлеб всему голова» — говорит наш народ, и, не колеблясь, определяет его словом «святой».

Самый старый житель в этом певучем селе, названном Пивневкой, на выштом украинском рушнике приподнес советским воинам, ступившим первыми на землю Украины «палайницю святого хліба». С тех пор только встречала Пивневка, а с ней и вся Украина своих освободителей.

«После прорыва обороны врага полк вышел на марш, — вспоминает офицер запаса И. Баранов, — артиллерия шла на конной тяге, продукты тянули волы и лошади. Северо-западный ветер налетал турфими порывами. Мороз около сорока градусов. Дорога от пурги вся в переметях. Командир полка майор Папаяск, объезжая колошну, подбадривал бойцов:

Товарищи, вступаем на землю Украины. Вперед! Наши танковые соединения обходят Кантемировку и неожиданно для врага бьют по ней с тыла. Наша гвардейская дивизия в первых рядах наступающих вступает на землю Украины. Здравствуй, Украина!

В первом же украинском селе, я увидел деда. Он встречал нас с большой буханкой хлеба и солью на ись.

Этот народный обряд встречи освободителей сопровождал нас потом по всей Украине».

19 декабря части 41-й гвардейской дивизии вступили в село Алексеевку, а 20 декабря гвардейцы 573-го полка 195-й гвардейской дивизии изгнали фашистов из Морозовки. Двадцать пять советских воинов смело вступили в бой с четырьмястами гитлеровцами. Умело маневрируя, они выбили немцев из села. Фашисты оставили на поле боя 178 убитых и раненых.

Гитлеровское командование спешно перебрасывало в полосу действия юго-западного фронта части и соединения с других участков обороны. Перед советскими войсками появились восемь новых дивизий, четыре из которых были танковые, они тут же вступили в бой.

Ожесточенное сражение разыгралось у села Стрельцовка. Здесь тяжелому испытанию подвергся полк И. Е. Мильковского. Когда разведка доложила о встречном движении танковых колонн немцев, батареи полка находились на марше. Майор Мильковский сразу же развернул их на прямую наводку. Батареи оседали дорогу, идущую из Беловодска в Чертково. Именно по ней противник спешил на выручку блокированному гарнизону.

Вот в свете багрового заката появились первые машины. Они шли на большой скорости. В открытых люках офицеры рассматривали в бинокли село. До него оставалось 500 метров, когда у передних танков вырос огневой барьер. Машины остановились, пытались развернуться, подставляли свои борта. Уже загорелось несколько танков, остальные расплзлись в разные стороны. Наводчик Петр Антонов поджег головной. Потом от его снаряда вспыхнул еще один танк. Фашисты, перестраиваясь для атаки, огнем пушек и пулеметов пыта-

лись сбить полковой заслон, ведя беспорядочный огонь по окраинам Стрельцовки, откуда били батареи. Пулеметная очередь полоснула откуда-то сбоку. Десять пуль впились в тело Антонова. Истекая кровью, герой-наводчик продолжал стрелять, пока била очередь.

Через рубеж 456-го истребительно-противотанкового батальона враг не прошел. Эта победа убедительно доказала значение маскированного применения артиллерии в борьбе с вражескими танками. Отразить бронированный таран только под силу мощному огневому заслону.

Вместе с 456-м истребительным полком 9-й арtdивизии занял дорогу, идущую из Беловодска, и 230-й гаубичный артполк. В этом районе боевых действий, — вспоминает полковник в отставке, бывший парторг 230 ГАП Е. Побережный, — хорошо поработали артиллеристы командира дивизиона капитана Skorobogatova, командира батареи старшего лейтенанта Каткова. Хорошо подготовленные командиры орудий старшие сержанты Черкашин и Гаранжа умело обучили солдат на взаимозаменяемость. В орудийных расчетах даже подносчики снарядов, замковой, заряжающий могли быть наводчиками орудий.

28 декабря из Беловодска и Новониколевки на выручку окруженному в Черткове и Меловом гарнизону противник бросил 19-ю танковую дивизию СС и 320-ю пехотную дивизию гренадеров. Задачей этих подразделений был прорыв в Меловое и помощь окруженной группировке выбраться из кольца. Вражеские танки, поддержанные пехотой, перешли в контрнаступление на Стрельцовку и Копани (ныне Раздолье). На их пути встали гвардейцы 4-го стрелкового корпуса. Особенно жестокие бои разгорелись в Стрельцовке и Копанях. К концу дня 28 декабря Копани, Стрельцовка и Новоникольск оказались в руках врага. В целях усиления 4-го гвардейского корпуса командующий 1-й гвардейской армией передает в его распоряжение отдельную 106-ю стрелковую бригаду под командованием Героя Советского Союза Н. Н. Мошняка.

30 декабря командир бригады получил приказ: выбить противника из Новоникольска и Копаней и сдерживать натиск вражеских танков.

1 января 1943 года бригада овладела Новоникольским и вступила в бой за село Копани. Многие воины бригады отличились в этих боях. Наводчик в с. Копани порвалась рота лейтенанта А. Н. Тамаркина. В рукопашном бою она уничтожила группу вражеских юнкеров и закрепилась на окраине села. Против наступающих враг бросил танки. Наводчик противотанковой пушки Яковлев в первые часы боя подбил

2 танка, а бронейщики сержант Кострцов и ефрейтор Зайшев выстрелами из противотанковых ружей вывели из строя 4 вражеских машины. При отражении атаки отличился пулеметчик С.В.Румянцев, получивший тяжелое ранение, но це покинувший поле боя, пока враг не был отброшен.

2 января 1943 года немецкие войска, поддержанные танками, вновь перешли в наступление. Наши бойцы упорно обороняли свои позиции, но не выдержали превосходящих сил врага и отступили. Как видим, упорные кровопролитные бои за Меловое шли на далеких подступах к нему, в раздольной степи и на возвышенностях.

А утром 3-го января 1943 года командиру третьего батальона старшему лейтенанту Жолобову комбриг приказал возобновить наступление. Когда под сильным вражеским огнем бойцы залегли, наступил критический момент. Тогда поднялся комбат Жолобов и пошел впереди батальона. Его ранило, но он продолжал идти. И бойцы снова поднялись в атаку, смяли немцев и погнали их. Копани, как и Новоиколюкск, были в наших руках снова.

На второй день комбриг в штабе второго батальона вручил ордена Красной Звезды Зайцеву, Кострцову, Яковлеву, ефрейтору Окомяченко, лейтенанту Тамаркину. 33-м бойцам и офицерам ордена и медали были вручены прямо на поле боя. В этот день подполковник Белянкин и майор Исаяев собрали около 40 заявлений бойцов с просьбой принять их в ряды партии.

А бои не утихали ни на час. Третья рота первого батальона, зарывшись в снег на высоте 180,8, уже 14 суток подряд отбивала вражеские атаки. 14 января против храбрцов враг бросил 14 танков, 2 роты пехоты и взвод автоматчиков.

Бои за высоту возглавил командир роты старший лейтенант Кочин и его заместитель лейтенант Катков. Они умело руководили огнем пехотинцев. Артиллеристы и бронейщики сосредоточили огонь по танкам. У высоты уже замерло 4 вражеских машины, ее подножие было усеяно трупами солдат. И враг не выдержал, отошел назад. Понесли большие потери и воины бригады.

К вечеру бойцы бригады совместно с гвардейцами 41-й гвардейской стрелковой дивизии и 13-й танковой бригады освободили Стрельцовку и Калмыковку. Остатки 320-й пехотной и 19 танковой дивизии врага бежали на запад (Архив МОСССР ф.106, оп.1, л.1, лл.95—108. Дятченко «Беловодск», Луганск 1993 г. стр. 145—147).

Наши войска выполнили приказ командующего — сдержать натиск танковой дивизии врага и разгромить ее. Многие бойцы и офицеры были удостоены наград. Орденами Красной Звезды были награждены и командиры батальонов офицеры Жолобов, Карпенко, Силовнев, Кистенев, командир артиллерийской батареи 122-го гвардейского полка И.Е. Надточный, командир взвода автоматчиков И.Н.Рожкин.

Врагу так и не удалось пробиться к окруженному в Черткове и Меловом гарнизону, положение которого с каждым днем становилось безнадежнее.

Первого января наши части после усиленной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Чертковский гарнизон оказал упорное сопротивление нашим войскам.

Первое наступление 57-й гвардейской стрелковой дивизии и других частей успеха не имели. Тогда полукольцом с востока, с северо-запада, с огневых позиций 230 ГАП майора Б.В.Благодарова, других артиллерийских и минометных полков 9-й армидивизии, артиллерии двух стрелковых дивизий обрушили огонь на противника. Несколько танков и самоходных артиллерийских установок с десантом пехотинцев стремились пробиться в направлении Зориковки, но наткнулись на орудийные расчеты старших сержантов Гаражки и Черкашина, которые прямой лаводкой подбили два вражеских танка. С правого фланга застрочили вскоре пулеметы и автоматы стрелковой роты 57-й гвардейской дивизии. Немцы не ожидали засады, и оставшиеся в живых повернули обратно через железнодорожное полотно на Меловое. Преследуя разбитые части немцев и итальянцев, 230-й и 212-й гвардейские стрелковые полки сменили свои позиции на юго-восточную окраину поселка Меловое.

В то время, когда полк Мильковского отражал танковый удар противника у Стрельцовки, другие помогали стрелковым дивизиям сжимать кольцо вокруг Миллерово, Гартмашевки и Меловое—Черткове.

Преодолевая сопротивление врага, наши войска на 25 декабря 1942 года продолжали сжимать кольцо вокруг Мелового.

Противник, не желая потерять огромные ценности, сосредоточил их в Гартмашевке и Черткове, оказывая упорное сопротивление, начиная в контратаки с танками. Одновременно подбрасывались на гребни свежие резервы. В течение дня наблюдались приземле-

ния на Гартмашевском аэродроме до 23-х транспортных самолетов с пехотой.

25-го декабря 1942 года в 4-00 часа подходящими частями противник занял Шептуховку, двумя батальонами пехоты с танками ворвался в Михайло-Алексеевку (станции Шептуховка).

195-я стрелковая дивизия с боем вышла на рубеж Кризское, Бондаровка, Стрельцовка, где и закрепилась.

573-й стрелковый полк одним батальоном атакует Гармашевский узел сопротивления с юга, двумя другими батальонами овладел Стрельцовой, закрепился и выслал передовой отряд на Бараниковку.

41-я гвардейская стрелковая дивизия завязала огневой бой за овладение Чертково и уничтожила прорвавшейся группы противника в Михайло-Александровском, выслал передовой отряд для занятия Мальчевской.

124-й стрелковый полк, удерживая за собой станцию Шептуховка, ведет бой по уничтожению прорвавшихся двух батальонов противника с танками в Михайло-Александровском.

35-я гвардейская стрелковая дивизия к утру 26 декабря 1942 года сосредотачивается в районе Кутейниково, Шептуховки, Михайло-Александровского.

За 14 дней наступления советские войска продвинулись на запад и на юг от 150 до 200 километров и освободили от немецко-фашистских оккупантов 1200 населенных пунктов Ворошиловградской области.

ПЕРВАЯ ПЯТЬ УКРАИНСКОЙ ЗЕМЛИ

Это было 18 декабря 1942 года. Наступило утро, в селе Певневка стало тихо. Не было ни немцев, ни итальянцев. Вместе с ними бежали полиция и все немецкие прихлебатели.

Татьяна Семеновна Данильченко проснулась очень рано. Зажгла копилку. Еще вечером она приготовила немного соломы, чтобы пропотить печку. Под утро уже становилось прохладно. Она начала возиться у печки, как вдруг слышит, что кто то стучит в окно. Она посмотрела в окно, пригляделась и: О Боже! — за окном стоял солдат, а на головном уборе в тусклом свете копилки она рассмотрела красную звезду. Он стоял, ожидая ответа, с винтовкою в руках. Ей от радости захватило дух! Он постучал еще раз. Татьяна Семеновна осторожно открыла дверь.

«Мы свои, русские, не бойся. Немцы в селе есть?» — слышала она в темноте.

Через порог объяснила, что все бежали. В хату вместе с ним зашли еще трое. Тот первый назвал себя Иваном. Назвал он и фамилию, но Татьяна Семеновна не запомнила. Годы стерли. А такое близкое и знакомое имя Иван запомнилось ей на всю жизнь. Это была разведка Красной Армии. Тот, что назвал себя Иваном, был приветливый и добрый, он угостил сына, проснувшегося от стука в окно, кусочком сахара. И они все ушли.

Наконец то!

И поплыли перед глазами все шесть месяцев «нового порядка». Как пришли, что делали, вспомнились все черные дни.

Летом 1942 года колхозники Меловского района готовились к уборке урожая. Хлеб вырос дородный. Но не пришлось в это лето убирать его. Пришел приказ — эвакуировать ценности. Хорошие тракторы отправили колонной на восток. А с запада подтянулись колоннами наши отступающие войска. Шли они в направлении Морозовки.

А следом на наших в Пивневку ворвались немцы. Люди все поспрашивали. Село замолкло, опустело.

Позже жителям стало известно, что в Зориковке разместились артиллерия. В пивневской школе и в больших домах квартировали итальянские солдаты. Наступила страшная жизнь. Мародерством завладела немцы и наши соотечественники, те, кто ожидал прихода немцев. В народе говорили о них «из бывших».

Через время в селе появился староста. А за ним и полицейские с белой повязкой на рукаве. Итальянцы вели себя спокойней немцев, больше всего занимались охотой на лягушек.

Не все полицейские из одиосельчан свирепствовали, но были и такие. Не стоит называть их имена, многие из их родственники еще живы, и им будет неудобно, когда они услышат свои фамилии.

А вот надсмотрщиками были бывший колхозный кассир и бывший счетовод. Эти вели себя, как настоящие бандиты, они не выпускали из своих рук кнутов, всегда держали их при себе и пускали в работу при любом случае, били ни за что ни про что, занимались грабежами.

Жителям Пивисвки пришлось собирать хлеб для фашистов. Техники не было, все делали вручную: косили, молотили, веяли, засыпали в мешки зерно, а фашисты эти мешки отвозили на станцию и оттуда в Германию. За работу не платили, кушать было нечего, но попробуй взять зернышко, можно за это поплатиться жизнью. Надсмотрщики, немецкие холуи, избивали людей до смерти.

Настала осень, наступили холода, топить было нечем. Татьяна Семеновна жила в старой холодной хатенке, немцы на постой не зарплатились. Холодно было и голодно, только корова и дала возможность выжить. Немцы ее не тронули, она была невзрачная на вид — это и спасло корову и семью.

С надеждой поглядывали люди на восток, а оттуда доносились выстрелы. Сначала было редко, а потом все чаще и чаще. Фашисты забегались, а потом начали отступать, они колоннами двигались на Велькоцк. Наши войска двигались со стороны Марковки и Морозовки.

Бой за околицей села был коротким. Потом все стихло. После выяснилось, что было убито несколько наших бойцов, их похоронили на месте гибели...

...За воспоминаниями не заметила, как светало. Вернула ее к действительности шум за окном и радостные возгласы одиосельчан.

До конца дня 18 декабря было освобождено и другое украинское село Зориковка. Первыми вошли в Зориковку бойцы 604-го и 573-го полков, которыми командовали подполковники Лукьянов и Григорьев.

Танковые подразделения обогнали стрелческие части и, быстро продвигаясь вперед, обходили огневые позиции противника и создали панику в тылу врага. В рядах 195-й стрелковой дивизии влились в атаку с Зориковки Иван Игнатович Лигус, Иван Савич Мельмен, Николай Дмитриевич Половинка, Василий Кузьмич Мельник и Иван Семенович Промаков.

...Заметенное снегом, скованное холодом, лежало в ночном сумраке с. Никольское. Окна в крестьянских хозяйствах были темными, улицы пустынями. Люди боялись, потому что оккупанты без предупреждения пускали автоматные очереди в святящиеся окна и в любую теб, если заметят на улице. А на востоке все сильнее и сильнее вспыхивали зарницы боев — то наша Красная Армия гнала немцев к границам Украины. Люди чувствовали это и с нетерпением ждали.

Вот однажды группа несовершеннолетних девушек и юношей, таёсь от немцев и родственников, собрались в хате Яныма Бузюка. Без огня, шепотом они мечтали о том, как войдут в село бойцы Красной Армии, как они будут их встречать, что они расскажут им об оккупантах. Все были решительны в одном, сразу же вольются в ряды Армии.

Горячий шепот молодежи и их клятвы прервал громкий стук в окно. Сердце сразу подсказало: свои, родные, долгожданные! Все бросились к двери. Дверь открылась, и вместе с клубами белого морозного воздуха в хату вошло несколько вооруженных людей. Они были в масках и с автоматами. Старший стал спрашивать кто они, почему собрались. Выяснив это, он понтересовался, есть ли в селе немцы и что они делают. Молодежь наперебой сообщила, что фрицы побросали автотранспорт и где-то в полночь покинули село.

Солдаты ушли. Утро поднималось тревожное и неизвестное. Разведчики, а это были именно они, не возвратились... Не пришли и немцы...

Зная коварство фашистов, люди не рисковали выходить на улицу. Умолкло, затаилось село. Иногда тишину над ним разрывали автоматные очереди. Это одинокие фашистские вояки, что обслуживали аэродром у станции Гартмашевка, брали «провизант» и грозили хозяевам, если те протестовали. В тревожном ожидании прошел день, другой. И вот однажды в морозное утро в село с горы спустилась колонна лыжников. На шапках ярко горели красные звезды. Свои! Старые и малые вышли навстречу освободителям. Сколько было радости, сколько восторга!

Это были воины 573-го стрелкового полка. Среди них был заместитель начальника политотдела дивизии майор Чуринов. Невысокого роста, широкоплечий, кареглазый. Так вышло, что майор в боях за освобождение Украины, первой пяди ее земли, оказался в 573 полку. Спокойный, рассудительный, храбрый, сердечная искренность которого сделала его самым нужным человеком в полку. Майор Чуринов всегда оказывался там, где необходим мужественный пример,

задушевное слово, командирская решительность. В село Никольское полк вошел с севера. С пригорка, где стоял командир полка, было видно, как вражеская пехота спешила покинуть населенный пункт.

«Нужно не дать бежать, нужно разбить вражеское подразделение», подумал полковник Григорьев и посмотрел вокруг. Рядом с ним не было офицера, которому можно было бы поручить задание. И тогда он услышал спокойный рассудительный голос майора Чуринова:

— Уйдет немец, потом его из траншей выбивать придется. Дай свой резерв, и я остановлю фашистов, пока подойдут батальоны.

Командир полка утвердительно кивнул головой и удовлетворительно подумал: «Мысли мои прочитал точно». Он уж и сам хотел вести автоматчиков. Насидел со своими мыслями, наблюдая за окрестностью, командир полка не услышал команды, а только увидел, как по направлению западной околицы села бежала коренастая фигура майора. А за ним десятка полтора автоматчиков. Эта кучка смеялась, комкала в мыслях комполка и радость, и беспокойство: улица села была забита вражеской пехотой и автомашинами. Справится ли майор с заданием, выдержит ли он натиск такой силы. Но не успел он додумать до конца, как услышал треск автоматов, увидел, как загорелась первая машина, колонна, забегались немцы...

Бой здесь внезапно утих, так же, как и начался. На околице автоматчики сгоняли уже обезоруженных фашистских вояк.

— Товарищ полковник! Колонна разбита, в плен взято 192 фашиста, — четко, твердым голосом доложил распаленный боем майор. — Потеряли одного автоматчика.

Вскоре бойцы по-хозяйски устанавливали пулеметы, рыли в снегу на площади у старой школы укрытия.

23 декабря через село потянулись смешанные колонны фашистов. Они спешили выйти из села в направлении Морозовки. И тут они наскочили на засаду. Пулеметные и автоматные очереди отряд из засады косили фашистских вояк. И только небольшая кучка из них дозвони и вербами выскочила из огневого мешка.

В половине дня через Никольск начали проходить части нашей армии. Бой шли за Шелестовку, Морозовку, Зориковку, за населенные пункты Марковского района. Частью нужно было доставлять продукты питания, боеприпасы, перевозить раненых. На территории Никольского сельского совета был создан обоз с ездовыми и повозками, в который взяли и молодежь и подростков. На перевоз снаряжения было выделено 45 подвод.

Николай Кучменко вспоминает, что взяли и его в этот обоз, а попопницей дали ему Подтячину Таису. В упряжке у них был конь и мул. Начали возить раненых в медсанбат, что стоял в селе Анно-Ребриково Чертовковского района. Потом эту подводку забрали разведчики, а Николая Кучменко вместе с Дмитрием Масликом, Иваном Бугрименко, Павлом Ляшенко, Иваном Колесниковым, Петром Долгополым и Матрешей Великодской и еще 39 юношами и девушками из села Никольского послали в «Червоную Вязкую» возить воинское снаряжение фронту со станции Воробьевка Воронежской области. Николай Кучменко вспоминает то время с грустью, потому что добротной теплой одежды у них не было — немцы разграбили все. Холодная зима пронизывала насквозь их благоу одежду. Они всю дорогу бежали за санками, чтобы хоть немного согреться, но, несмотря на это, поручение выполняли исправно. Их согревала победа наших бойцов, радость и счастье освобождения.

Несмотря на то, что они везли продукты, голодали они по-настоящему. Но ни у кого и в мыслях не было взять что-нибудь из тех продуктов, которые они везли. Перебивались своей худой сумкой, снаряженной матерью в дорогу да еще угощениями солдат и жюлек тех домов, где они останавливались на ночлег. Стойко преодолевая трудности, они твердо верили, что платой за все это будет зачисление их в действующую армию.

БРОНИРОВАННЫЙ УДАР

Части и соединения 6-й армии в первый же день наступления разгромили 5-ю итальянскую пехотинскую дивизию и к концу дня 18-го декабря 1942 года продвинулись на расстояние 25 километров. Введенный в прорыв 17-й танковый корпус под командованием генерала П.П.Полубоярова, преодолевая достаточный успех, корпус, громя обошел Кантемировку и, развивая достаточный успех, корпус, громя опорные пункты и дезорганизуя его тылы, устремился в Миллерово.

Вечером 21 декабря 17 танковый корпус получил приказ: продолжить наступление в район Моисеевка-Волошино. Глубокой ночью по двум дорогам двинулись колонны Лихачева и Шибанова. Задонский ветер кружил по степи, мел поземкой, заметал дорогу. Особенно остревенела метель на рассвете, когда выступили главные силы.

У села Моисеевка Меловского района бригаде Лихачева удалось захватить группу шоферов из Волошинского немецкого гарнизона, переживавшую бурю. Пленные дали очень ценные показания о системе обороны Волошино. Пользуясь сведениями пленных, обошли Волошино. Удар был внезапным. Бой длился не более двух часов. Лишь немногим из Волошинского гарнизона удалось прорваться из Миллерово.

На всех участках наступления советских войск шли ожесточенные бои. Упорно отбивались фашистские войска в районе населенных пунктов Новострельцовка, Калмыковка. На этом узком рубеже в конце декабря 1942 года оборонялась целая вражеская дивизия. Командир 17-го танкового корпуса П.П.Полубояров сумел выделить для овладения этим рубежом только две танковые бригады — 174-ю и 67-ю.

28 декабря корпус получил приказ: разгромить немецкую пехотную дивизию, занимающую рубеж Новострельцовка-Калмыковка. П.П.Полубоярову до перехода 4-го гвардейского корпуса в наступление в Донбассе предстояло во взаимодействии с 4-м гвардейским стрелковым корпусом 1-й гвардейской армии разгромить 19-ю танковую дивизию противника, подошедшую к району Стрельцовка-Калмыковка и создать благоприятные условия для быстрой ликвидации отдельных частей 8-й итальянской армии, окруженной в районе Чертково.

Этими действиями также предусматривалось прикрыть коммуникации главных сил 1-й гвардейской армии, которые должны были

со 143 вместе с 3-й гвардейской армией нанести главный удар на Ворошиловградском направлении.

В дальнейшем намечалось использовать 4-й гвардейский танковый корпус в качестве подвижной группы 1-й гвардейской армии на Старобельск.

Специального времени для подготовки к боевым действиям на новом направлении корпусу не отводилось. Все необходимые мероприятия командир и штабы должны были провести в ходе боев, которые велись в районе Волошино и Миллерово на фронте шириной более 35 километров.

Укомплектованность корпуса танками не превышала к концу декабря 1942 года 50%.

В создавшейся обстановке генерал-майор Полубояров решил силами 14-й гвардейской танковой и 3-й гвардейской мотострелковой бригад захватить правый фланг и тыл 19-й танковой дивизии противника в районе Стрельцовки и во взаимодействии с 4-м гвардейским стрелковым корпусом нанести удар с севера, разгромить врага. 13-й гвардейской танковой бригаде предусматривалось развить успех на решающем направлении.

Штаб корпуса в короткие сроки организовал разведку в районе действий 19-й танковой дивизии противника, организовал пополнение частей и подразделений материальными средствами. Командный состав, кроме того, был ознакомлен с порядком целеуказания и взаимного опознавания при наступлении во взаимодействии с соединениями 4-го гвардейского стрелкового корпуса в районе Стрельцовки.

Как только 2-го января 1943 года авиация фронта и артиллерия 1-й гвардейской армии нанесли мощный удар по противнику, 14-я гвардейская танковая бригада перешла в наступление на Стрельцовку с запада, а 3-я гвардейская мотострелковая бригада с востока. Продвинувшись на 3-4 километра, бригады остановились. Противник оказал упорное сопротивление. Соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса вклинились в оборону врага на глубину 1-2 километра. Тогда для обхода Стрельцовки с северо-запада командир 14-й гвардейской танковой бригады выделил разведывательный отряд — танковую роту под командованием старшего лейтенанта И.Н.Савеева. Действуя по проселочным дорогам, отряд проринк в оборону врага на 5-6 километров, но вскоре оказался отрезанным от главных сил бригады, связь прервалась.

Отважные танкисты и во вражеском тылу действовали смело и решительно. Они внезапно атаковали противника западнее Стрельцовки и уничтожили около 100 гитлеровцев.

...Рота старшего лейтенанта Елисеева шла впереди колошны. Преодолевая сопротивление фашистов, батальон под командованием Ефремова и рота разведчиков Елисеева заняли депо станции Чертково. Четыре часа продолжался бой. Потом повела наступление в направлении села Стрельцовка. Но уже в селе Яснопромское по радиции получили приказ немедленно атаковать эсэсовский полк, расположенный в с. Зеликовка.

Первыми в атаку пошли танки Елисеева. Когда в село вошли танки Ефремова, разведчики уже уничтожили врага. И только вражеские остатки направились в село Плугатарь, где фашисты создали крепкую оборону, упираясь на высоты 188 и 194. Нужно было провести разведку боем, выявить минные поля. Сделать это взялся Елисеев. Маневрируя по фронту вражеской обороны, командирская машина «Т-34» давила огневые точки. Набрав скорость, стальная машина помчалась на вражеские окопы. Загremели взрывы мин — и танк запылал. Отважный экипаж Елисеева погиб, но он проложил танкистам путь через минное поле, раскрыл оборону противника. Пехотинцы и танкисты пошли на штурм врага, погнаli фашистов на запад и присоединились к своей бригаде.

Утром следующего дня после краткой артиллерийской подготовки и бомбовых ударов авиации, соединения четвертого танкового и четвертого стрелкового гвардейских корпусов возобновили наступление на Стрельцовку. Успех оказался незначительным. Удалось продвинуться всего лишь на 500—1000 метров.

...Наступление продолжалось. Стремясь добиться успеха, генерал Полубояров в этот день ввел в бой второй эшелон — 13-ю гвардейскую танковую бригаду. Она с ходу ворвалась в Калмыковку, охватила вражеские войска с юга, но дальше продвинуться не смогла.

Тяжелую утрату понесла бригада. Прямым попаданием вражеской авиационной бомбы разрушен наблюдательный пункт, погиб комбат полковник Николай Петрович Голяс. Возглавил бригаду начальник штаба Леонид Иванович Бауков. Это был скромный, храбрый и энергичный офицер, имевший большой боевой опыт.

Вели на этом участке бои две танковые бригады — 174-я и 67-я. Все их расчеты строились на внезапности удара и дезинформации. Командование решило широко использовать во время атаки сирены

Охотничья команда получила задание распространить среди населения, а следовательно, через них и среди немцев слух о том, что у русских появилось какое-то новое оружие: воег жутко и на своем пути сметает все начисто.

Установив на некоторых танках сирены, 67-я и 174-я танковые бригады в ночь на 29 декабря 1942 года заняли исходные позиции. С рассветом без артиллерийской подготовки пошли в атаку. Дупераздирающе завывли сирены, загрохотали танковые пушки. Противник молчал. В чем дело? Но вот огорошенный внезапным и непривычным началом атаки противник опомнился и открыл сильный артиллерийский огонь. Значит — все идет нормально. Командир 174-й танковой бригады неунывающий Василий Иванович Шибанков, как всегда, сыпал шутками, скажет что-то веселое — и сам первый же смеется до слез. Но вдруг он приумолк, лицо приняло даже кислое выражение. Из Новострельцовки прямо на них двинулась большая толпа в грязнозеленых шинелях.

— Никак пленные!?! — обрадовался Гуляев.

— Что ж в этом хорошего? — охладил его пыл Шибанков. — Только обуза лишняя.

В этих его словах была доля горькой правды. Для конвоирования такого количества пленных в тыл надо выделять значительные силы, а они были необходимы на месте. Это уже потом, в конце войны пленные направлялись на сборные пункты без всякого контроля. А в это время командование еще опасалось пускать гитлеровцев одних.

Но как бы-то ни было, бой закончился успешно. Советские танкисты разбили немецкую дивизию и овладели Новострельцовкой и Калмыковкой.

29 декабря со стороны Беловодска враг силами до одного батальона и 10 танков подошел к селу Стрельцовка и занял его.

1-го января 1943 года оттуда на Новострельцовку ринулось 80 танков и батальон пехоты. 126-й гвардейский стрелковый полк отбил натиск врага, при этом было подбито 7 танков.

В эти дни гитлеровцы начали сбрасывать окружающим войскам продовольственные товары и боеприпасы. До Мелового самолеты несли бипланными группами. Зенитные установки массированным огнем встречали их. Много парашютистов с мешками спускались на боевые позиции наших войск.

ГЕРОИЧЕСКИЙ РЕЙД 24-ГО ГВАРДЕЙСКОГО

В своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Советского Союза Г.К.Жуков приводит такой разговор с Верховным Главнокомандующим И.В.Сталиным: Первая ваша задача не допустить разгрома Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал Иосиф Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Таинскую.

И далее, беспокоясь о судьбе этого соединения Верховный напомнил: «Вообще Вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше всего пускать на дальнее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова».

В своей книге Г.К.Жуков рассказывает, что потом ему сообщили о героических подвигах танкистов. А подвиги были поистине героические. Войдя в прорыв северо-западнее г. Богучара 17 декабря в 18 час. 30 мин. Корпус прошел с боями около 300 км, уничтожив по пути к станции Таинской 6700 вражеских солдат и захватил громадное количество военного имущества.

Сильные морозы и снежные заносы затрудняли корпусу наступление. Снег падал на стрелки приборов наблюдения и стрельбы, забивал смотровые щели, проникал внутрь танка, усложняя управление. Для предохранения личного состава от обмороживания, очистки приборов наблюдения стрельбы через каждый час движения производились остановки. Дежурные из состава экипажа следили за тем, чтобы температура в танках не понижалась за десятиградусную отметку.

Из-за того, что на картах были не обозначены многие дороги, экипажи затруднялись в ведении, ориентировке. К тому же фашисты заминировали большие участки местности. Пришлось выделить колонны новожатых из числа офицеров. На помощь им шли местные жители.

С утра 17 декабря советские войска возобновили наступление по всему фронту. 24-й танковый корпус к 15-ти часам того же дня переместился через Дон в районе верхнего Мамона и быстро продвигался в направлении Гадючьего, Твердохлебовки к реке Богучарке. При этом в направлении Гадючьего, вновь отличились: батарея старшего лейтенанта В.Лобова уничтожила «Юнкерс-88», а расчет старшего сержанта Сидоренко прямым попаданием сбил мессершмитца.

Противник оказывал упорное сопротивление в населенных пунктах вдоль реки Богучарки. Захватчики взорвали мост через реку. К ночи саперы его восстановили, и вслед за 25-м танковым корпусом переместился 24-й танковый. Разгромив оккупантов, они вышли на оперативный простор и стремительно продвигались в глубокий тыл немецко-фашистских войск.

В течение 18 декабря 24 корпус развил наступление в направлении Барсука, Манькова, Дегтево, продвинулся более чем на 20 км и достиг Дмитровки. К исходу третьего дня наши части прорвали вражескую оборону на глубину 20-40 км. К тому времени 24-й танковый корпус вел боевые действия на удалении от линии фронта 40 км. В боях под Кутейниково отличились воины 4-й Гвардейской танковой бригады под командованием полковника Копылова.

Действуя в составе разведгруппы, танковый взвод лейтенанта А.Соколова обнаружил колонну оккупантов, движущихся по шоссе Миллерово-Сталинград. Отважный офицер принял смелое решение: развернул взвод в боевой порядок и перерезал шоссе перед вражеской колонной. Ошелоленные гитлеровцы бездействовали. Лейтенант приказал им немедленно сдаться в плен. Около двух десятков захваченных подняли руки и направились к краснозвездным танкистам. Оправившись от испуга, фашисты других подразделений открыли огонь. Завязался бой, ходе которого численно превосходящий противник был разгромлен.

Вскоре к Кутейниково подошли подразделения танкового (командир майор Бибиков) и мотострелкового (командир майор К.Г.Будниц) батальонов. Танкисты и мотострелки ворвались в село. Захватчики оказались застигнутыми врасплох. В панике они разбежались в разные стороны. Гвардейцы огнем и гусеницами уничтожили 417 солдат и офицеров, весь вражеский гарнизон.

Появление отважных танкистов в глубоком тылу было столь неожиданным, что немцы растерялись. Вот что писал об этом Николай Павлович Юдин (ныне полковник в отставке) во фронтовой газете: «Наше появление в Кутейниково было настолько неожиданным для немцев, что гарнизон не мог понять: откуда мы свалились на их территорию? Мы ясно оценили элементы внезапности и немедленно приступили к уничтожению вражеского гарнизона».

Полковой батальон капитана М.Е.Нечасва 19 декабря 1942 года вышел к поселку Чертково. «В 12 часов 19 декабря, — вспоминает об этом участник боев А.Волков, майор запаса, проживающий в

п. Чертково, — 130-я танковая бригада, в том числе и наш батальон по приказу комбрига, пошел на Чертково с задачей выявить силы и огневые средства противника».

В северной части пос. Чертково танкисты перешли через железную дорогу на Меловое. Волков служил в 15-м танковом батальоне под командованием капитана Нечаева. В поселках Чертково и Меловое стоял большой гарнизон, и нужно было перед наступлением найти уязвимое место в обороне противника. Советским танкистам был дан приказ провести разведку боем.

Когда на землю опустилась ночь, танки вышли на выполнение боевого задания. Ночь стояла темная и холодная. Головной танк вел старший лейтенант Волков. В его танке, кроме экипажа находился комиссар батальона майор Шишов.

Обойдя поселок с западной стороны, танкисты решили сделать попытку войти в поселок. Танк Волкова на большой скорости выскочил на одну из улиц и, лавируя между воронками, летел вперед. Сонные немцы выскакивали из домов и тут же попадали под пулеметный огонь из танка. Остальным танкам ворваться в поселок не удалось. Спихватившиеся фашисты открыли огонь. Танк старшего лейтенанта исчез из поселка также, как появились и вышел своих. Дальше двигаться было невозможно. Маскируясь за лесопосадками, они отошли от поселка и решили зайти в него с другой стороны. Обойдя вокруг об населенного пункта, вызывая огонь на себя, батальон вышел в район Кривулянки. На пути, в районе Мелового, была уничтожена немецкая зенитная батарея вместе с войсковым расчетом в 74 человека.

В 19 часов того же дня был получен приказ: попытаться войти в Чертково. Шли осторожно. Но все же нарвались на вражескую батарею. Между танками и батареей было расстояние метров 100, но фашисты не стреляли, приняв в темноте советские танки за свои. Когда танки подошли вплотную, немцы поняли свою ошибку. Не сделав ни одного выстрела, они попрыгали в щели. Танкисты окружили их и приказали сдать. Не раздумывая, 73 фашистских солдата в офицерах сдались.

Продолжалась тихая темная ночь. Танкисты на малом ходу шли в Чертково. На фоне неба резко вырисовывался горизонт. Неожиданно перед глазами Волкова выросло какое-то строение. Это был дом на ровных фундаментах. В просветах окон блестел огонек. Волков скомандовал: «По строению!» — но закончить не успел. Шквал огня обрушился

на танки. Танк вздрогнул и остановился. Старший лейтенант и пулеметчик быстро выбросились из люка. Танк горел. Волков с товарищем с трудом вытащили из горячей машины комиссара Шишова с перебитыми ногами и перенести его в воронку подальше от танка. В машине остался убитый наповал водитель. Нужно было его эвакуировать оттуда, но старший лейтенант не успел. В танке взорвался почти полный комплект боеприпасов, и башню со старшинной силой сорвало и отбросило метров на 50. Экипаж подбитого танка взорвался на броню следующего за ним танка. Танкисты отступили.

В районе бывшего заготскота были подбиты еще два наших танка. После чего был получен приказ: прибыть в Маньково. Отходя, танкисты не заметили, что их до Маньково преследовали 14 немецких танков. Когда они ворвались в Маньково, четыре из них были подбиты в центре села.

Примерно в 24 часа в с. Маньково начали прибывать части 57-й стрелковой дивизии под командованием генерала А.П. Карпова и танковые подразделения 24-го танкового корпуса, которые направлялись на Дегтево выполнять свою основную задачу по уничтожению Ташинского гарнизона.

На следующий день вести о том, что советский танк входил в поселок, облетела всех жителей. Теперь они почувствовали, что освобождение близко. Танковый батальон капитана Нечаева, атаковавший гарнизон на станции Чертково и в Меловом, уничтожил 5 орудий, 2 паровоза, самолет и свыше ста гитлеровцев. При отражении вражеской контратаки танкисты сожгли еще два танка и разгромили до роты пехоты. Саперы подорвали железнодорожные мосты и железнодорожное полотно, нарушив движение Чертково-Миллерово, Чертково-Кантсемировка. На станции Чертково воины освободили свыше 400 человек, которых фашисты собирались вывезти в Германию.

К освобожденной нашими Маньково-Калитвенской приблизилось 20 танков с пехотой. Артиллеристы батареи старшего лейтенанта И. Рябченко и танкисты батальона капитана И. Линника, уничтожив 7 танков, заставили захватчиков отступать, преградив им путь в направлении Чертково.

Не снижая темпов преследования, части 24-го танкового корпуса 20 декабря достигли Дегтево, 22 декабря заняли Большинку и Ильинку, 23-го декабря, сломив сопротивление вражеского гарнизона, заняли Слободскую.

В своих воспоминаниях интересный случай рассказывают бойцы. Повар мотострелкового батальона Петя Морев накормил личный состав батальона уже поздно ночью. Когда утром 20-го декабря танкисты выступили на Дегтево, он со своей кухней задержался в Кутейниково, и ему довелось догонять батальон на марше. Петр, следуя со своей кухней, где-то южнее Кутейниково встретил колонну отступавших итальянских солдат. Он не растерялся, схватил автомат и выскочил из машины.

— Руки вверх! — приказал он.

Солдаты один за другим побросали оружие и сдались в плен. Петя Морев привел с собой 150 итальянских солдат с 12-ю автомашинами и вооружением. За мужество, проявленное во время войны, П.П. Морев награжден Орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и еще четырьмя медалями. Он дошел с боями до Восточной Пруссии.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ

«При освобождении советскими войсками села Великоцк Меловского района, — читаем мы в трехтомном труде по истории Компартии Украины, — местные жители Н.И.Чумак, А.И.Розумный, Ф.В.Солоп, П.П.Скляров, Д.Г.Бугаев подвозили к линии фронта боеприпасы, подбирали и доставляли в медсанбат раненых воинов» (Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 2, стр. 17).

Таких добровольных помощников было много. Начнем с Великоцка.

А начинать нужно с самого начала... Над Меловым стояло зарево и дым стлался на несколько километров. Было лето 1942 года. Наши части отступали. 13 июля под Великоцком завязался неравный, жестокий бой. Бойцы заслона сдерживали врага. Село подвергалось бомбардировке из орудий, и над крышами села вражеские самолеты носились, как коршуны. Горели колхозные хаты. Над селом стоял громадный столб грязного дыма. Вой вражеских самолетов, стрекотание пулеметов, винтовочные выстрелы, автоматные очереди — все это смешалось в сплошной шум. Крестьяне, затаив дыхание, отсиживались, в большинстве своем, в погребах. Ревел не пакоенный и не пакоормленный скот. Каждая живая душа переживала это по-своему. Седые старики и старухи набожно крестились, женщины лили слезы и шептались, спрашивая друг друга: «Что же оно будет?»

А было вот что. Поздно вечером того же дня вдруг все затихло. Потом также внезапно поднялась стрельба. Это вражеские мотоциклисты носились по пустым улицам, стреляли, наводя страх на жителей.

А жители, не зная, на то, что немцы уже в Великоцке, ожидали наступления темноты, чтобы ночью переодетых и перевязанных раненых красноармейцев, снабдив нужным в дорогу, вывести на дорогу и проложить путь на Миллерово. А утром, еще до восхода солнца, многие выдвигались в поле, искали раненых и хоронили убитых. Прочесывали поля у села, там, где вчера гремел бой. Определяли по слуху и находили раненых. Такие патриоты, как Великоцкая Анастасия Антоновна и Гудова Евдокия спасли раненых красноармейцев, а Крот Мирон Антонович дал убежище командиру части, он спас раненого старшего лейтенанта Саханова Бориса, жителя города Рыбинска.

Делали это конечно не все. Не прошло и десятка дней, как появились в селе полицаны. Кто они эти новые служки? Наши же крестьяне: дезертир Скляров Федор Михайлович, Коломиец Николай, Вигрип Иван Андреевич Ковалевский М.А. стал старостой села.

Нашепив белую повязку, вскинув через плечо винтовку, они полагали немцам наводить «новый порядок» на нашей земле. Эти измешники выдали немцам лучших людей села Великоцк — коммунистов Шевченко, Мороза Петра, Великоцкого Афанасия, Ковалева Федора. За этот «подвиг» и за эти кровавые дела Великоцкий Федор получил повышение — немцы присвоили ему звание старшего полицейского Меловского района. Многих советских людей выдал этот человек. Да и можно ли его назвать человеком? Однажды им была арестована кандидат в члены Коммунистической партии Ахтырская Вера, которая скрывалась на хуторах Попово-Ярска в колхозе Кавановича. Что только с ней не делали полицейские: били, она теряла сознание, обливали водой, приводили в сознание и вновь били. Немцы же холуи теряли человеческий облик, особенно Скляров Федор. Дошло до того, что его именем стали пугать детей: «Тише, а то Федор Рябый заберет».

И вот все это кончилось 20-го декабря 1942 года.

Еще перед этим, в начале ноября, стало заметно, что немцы немного прижухли. Пошли слухи среди односельчан, а они проникли через такие каналы: на немецких кухнях работали подсобными наши женщины и через переводчика поляка, а также через наших военнопленных, которые находились в комендатуре, односельчанам стало известно, что под Сталинградом их окружили, и немцы панически отступают на многих участках фронта.

На 15 декабря немцы назначили день отправки молодежи в Германию. Но никто не явился в назначенное время. Да им не до этого было. День и ночь шли через село на запад автомашины, облепленные солдатами, сидели даже на радиаторах. В Великоцке осталось десант три немецких солдат, которые охраняли продовольственные склады, и комендант. Сразу же у людей поднялось настроение. В любой зате только и разговоров: «Скоро придут наши!».

День и ночь гремит канонада со стороны Кантемировка. А в небе багряно-красное зарево — по черному небу шарают прожекторные полосы, словно мифические мечи разрезают небо на куски. Ничего не появляются неизвестно чья самолеты, и парят в небе яркие фонари. И светло в селе словно днем.

20 декабря немцы были в Великоцке целый день и не подавали никаких признаков, что скоро уйдут. В этот же день в 6 часов вечера на краю села со стороны Босого Яра у крайней хаты остановились сани, запряженные двумя лошадьми. Это были разведчики 34-ой мотострелковой дивизии. Один из них пошел во двор, а остальные, кроме взводного, пригнулись за плетнями усадьбы и в вечерних сумерках слились с сугробами снега. Они были в белых маскировочных халатах, и даже лошади у них были белые. В крайней хате никого не было. Разведчики двинулись дальше по улице. Вдруг им навстречу вышел из двора молодой человек с ведрами в руках. Когда его окликнули, он круто повернулся, чтобы скрыться, — думал немцы. Но когда понял, что с ним говорят по-русски, он ошеломлен. Он не мог понять, что это наши бойцы, что это красноармейцы. Разведчики окружили его, тискали ему руки и почти шепотом спрашивали, есть ли в селе немцы. Он так обрадовался, что не мог говорить, а когда пришел в себя, также шепотом, попросил их захватить к нему во двор, чтобы не маячили среди улицы. Это был Яковенко Петр — колхозник села Великоцк.

...20 декабря в 7 часов вечера в дом, что стоит в центре села, зашли два человека. Это был дом Михаила Антоновича Бережного — местного культработника и весьма почитаемого в селе человека. Один из них был житель села Ахтырский Иван, а другой, в белой бурке, держал в руках винтовку. Время тревожное, и хозяин встретил гостей настороженно.

— Добрый вечер, Михаил Антонович. Мы к вам пришли вот по якому делу, — сказал Ахтырский.

В этот момент незнакомый снял башлык и, на шапке-ушанке все увидели красную звезду. На мгновение вся семья, жена, дети и присутствующие не могли сказать ни слова от неожиданности, но шок быстро прошел, и в хате воцарилась радостная тишина, словно они встретили кого-то из родных. Потом бросились обниматься, наперебой посыпались вопросы, а женщины от радости начали плакать, но вся-то тихо, тепло и с улыбкой.

Военный задал Михаилу Антоновичу несколько вопросов и спросил его, как человека, имеющего связь с молодежью, (Бережный был заведующим Домом культуры) собрать как можно быстрее коммунистическо-молодежный актив, и чтобы этот актив взял под охрану продовольственные склады до прихода частей Красной Армии. Наши бойцы придут со стороны станции Зоринька.

Задание старшего лейтенанта сразу же было выполнено. Созван актив, и на посты были назначены Розумный Афанасий, Ковалев Василий, Бережной Михаил и другие.

Каждый старался хоть чем-нибудь помочь родной Красной армии, шести хоть маленькую свою долю в победу над врагом: Мирошник Федор Акимович и Мороз Андрей выводили разведчиков в тыл врага и были проводниками автомашин, возивших снаряды на передовую. Яковенко Петр, встретивший первым разведчиков рассказал им и указал, в каких хатах стояли немцы, а также привел к дому, где находился итальянский офицер с денщиком. Потом он стал разведчиком, ходил по заданию в занятые еще немцами села Новоникольск и Новострельцовку.

На утро в доме Бережного М.А. остановился штаб части, потребовалось разведать, какие силы стоят в хуторе Ясный Промынь. Михаил Антонович объяснил в штабе, как туда добраться и начертил плансхему. Но начальник штаба сказал, что нужно послать туда хлопца, который хорошо знает этот хутор, желателен комсомолец.

«Я пойду в клуб и приведу такого хлопца,» — сказал Бережной.

Через несколько минут он привел комсомольца Ивана Кузьмича Скитченко. Начальник штаба объяснил ему задачу, тот согласился. Это был смелый паренек. Ненавидел он немцев, они причинили много вреда их семье: забрали одежду, обувь, выгнали из хаты. Один раз Иван не поприветствовал старосту. За это староста посадил его в холодную. Хлопец разобрал соломенную крышу и выбрался на волю. Потом ему удалось выкрасть у полицаяв семь винтовок и спрятать их. На второй день вошли наши части. И вот его вызвали в штаб. Клинтан, развернув карту, объяснил задание: ночью разведать вражеские силы в селе Ясный Промынь. Он должен ехать санями к родной матери в Червону Зирку через Вершину. Везет от родичей харчи: пару кур, хлеб, картофель, постное масло и сало.

И юный разведчик отправился в путь. Недалеко от села, они встретили немцы, они по глубокому снегу тянули шестью лошадей пушку. Немцы говорят:

— Рус — разведчик?

— Нет, к маме еду, — ответил Иван и помог им вытнуть орудие.

Видимо за это они и не задержали разведчика. Так рассказывал нам этот человек. А вот как он об этом докладывал командиру части санями при возвращении. Рассказ записан Бережным Михаилом Антоновичем

— Значит так, — докладывал Ваня, — сани-дрожки, конь белый, на нем козюлок. Только я выехал и примерно километр не доезжая до Харцызского Яра, увидел немца с винтовкой. Я остановил конячку, а он что-то мне бельмочет и все показывает на Великощ. Потом бросил в снег винтовку и поднял руки вверх. Я скумекал, что он идет в плен, а он мне вновь: «Рус Иван». А я говорю: «Я.Я.Я.». Он пошел по моим следам от меня, а я поехал дальше. Вот вижу скоро хутор. Вдали огонек. Из лозняка выходят три немца в масках, наделили на меня автоматы, что-то мне говорят. Я начал плакать и твердить: «Я на хауз! Матка...». Они перерыли все в снях. Нашли харчи. Два сели в сани, а один пошел снова в лозняк. И мы поехали в хутор. Я погоняю лошадь, нокаю, а сам зырю, что где стоит: вон пушка, там автомашина, а там куча немцев возле комор. Подъехали к крайней хате, окна ярко светятся. Один немец, который ниже, пошел к двери и начал стучать. Дверь открылась, и он вошел в хату, а у меня вырел план: накинуть на чипок и убежать. Куда делся второй немец, я не заметил. Я чипок накинул на чипок, потом вытянул немецкий пистолет из-за халявы сапог, два раза выстрелил в окно, ударил коня лозинной и кинулся из хутора напрямик на Хомутец. Отъехав гонов на три от хутора, услышал выстрелы из винтовок и треск пулеметов. Я что есть силы стал за вожжи дергать коня, а сам лег пластом в саях. Но тут мой конь упал как подкошенный. Я к нему. А он только ногами двигает и голову поднимает и опускает. Я к нему. Тогда я понял, что конь ранен. Я быстро чкурнул в поле до ярков — хорошо, что нанесло снега. Вижу — наш ветряк. Я немного отспапуд и пошел свободной. Недалеко от села наши дозорцы меня окружили. Я им сказал, кто я и откуда».

Клинтан поблагодарил за отвагу, записал что-то в блокнот и отпустил Ивана домой. Так Иван Кузьмич Скитченко, еще не будучи солдатом, получил боевой орден Красной Звезды.

Потом он вместе с молодыми ребятами Петром Прищепой, Алексеем Розумным и другими, фамилии которых уже названы раньше, лошадами возили раненых из-под Мелового в госпитали. А когда район был освобожден от фашистов, Иван Скитченко стал пехотником, освобождал Кременную и форсировал Северский Донец.

Ивана Антоновича Моисеенко по состоянию здоровья не взяли в армию и когда пришли в Стрельцовку немцы, он со своей женой Ульяной Антоновой и четырьмя детьми оказались на временно оккупированной территории. В их доме нашли приют семь раненых бойцов.

За каждым Ульяна Антоновна ухаживала как за своими сыновьями. Стрельцовка несколько раз переходила из рук в руки. Хозяевам нужно было проявить большое мужество и изобретательность, чтобы скрывать бойцов. Стоило проявить трусость или малодушие, малейшая ошибка и погибли бы их бойцы и семья. Но когда наши части в начале января взяли и закрепились в Стрельцовке, Иван Антонович и Ульяна Антоновна передали бойцов в медсанбат.

Однажды фашисты контратакой выбили наших бойцов из Стрельцовки, да так внезапно, что они не успели подобрать раненых. Трое из них лежали недалеко от двора Ивана Павловича Величко. На окраине села шел бой, а Иван Павлович со своими дочерьми Татьяной и Александрой, рискуя быть расстрелянными немцами, подползли к раненым и перетянули их в свою хату. Тут с помощью матери Марии Кирилловны девочки перевязали раненых бойцов. Как не старалась семья Величко раздобыть лекарства, не смогла, и один из раненых умер, а двух других они прятали 21 день, до тех пор, пока наши воины не выгнали из Стрельцовки фашистов и не поместили раненых в госпиталь.

В боях за Меловое и Чертково был такой случай. На командный пункт гвардейского стрелкового полка привели мальчика лет 12—13-ти. Он настоятельно требовал свидания со старшим командиром.

— Тут, сынок, старший командир буду я, — оторвавшись от стереотрубы, сказал командир полка. — Что же ты хочешь мне сказать?

— Дядя, я знаю где у немцев пулемет и пушка стоят.

— Интересно. А загляни-ка вот сюда в эти стекляшки, — и он освободил место около стереотрубы. — Может, что узнаешь?

Парень подошел к стеклам и радостно воскликнул:

— Вот в этом доме пулемет, а вон там за забором пушка замаскирована!

Командир занес на карту огневые точки и передал данные на батарею. Артиллеристы разработали опорный пункт. На этом участке полк почти без потерь занял несколько улиц. Степану, так называв себя мальчишка, выразили благодарность, накормили и отпустили домой.

Тяжелый и жестокий бой вела рота лейтенанта Нифонтова за железнодорожную станцию. Враг цеплялся за каждый метр земли, за каждую постройку. Он прикрывался от наших бойцов не только окопцем, но и огнем пожарниц — поджигал дома, которые вынужден был сдавать.

В ходе боя фашисты подожгли дом, в котором была пожилая женщина с двумя детьми. Подходы к дому немцы держали под обстрелом, а с полыхающего пожарника были слышны голоса женщины и детей, взывающих о помощи. Приказав бойцам усилить огонь, командир роты решительным броском проник в пылающий дом. Так, благодаря мужеству советского офицера была спасена жизнь женщины и двух детей.

Героический поступок совершил лейтенант 100-го гвардейского стрелкового полка Захаров. Минюетным огнем фашисты засыпали погреб, в котором находилась семья одного из жителей поселка Меловое. Хотя вокруг рвались мины, свистели пули, лейтенант с несколькими бойцами, забыв об опасности, кинулись разыскивать людей. Под шквальным огнем немецких минометов семья была спасена.

В 35-ой гвардейской стрелковой дивизии было два тринадцатилетних парня Ваня Красильников и Толя Гусев. Они были из здешних мест. О них вспоминает бывший разведчик А. Павленко. Перед началом штурма Чертково и Мелового его послали вместе с ними в разведку с заданием — разведать огневые точки противника, установить их силы. Через Меловое, темными тропами, обходя вражеские посты, их к железной дороге провели две украинские девочки. В районе дома железнодорожных бригад они разошлись по поселкам, договорившись собраться у дома бригад после обеда. Первым пришел на условленное место Толя. Нашли надежное место и стали ждать Ваню. Условленное время прошло, а разведчик словно в воду канул. Нуно было пробиваться в часть, но как они пойдут без Вани? Но вот они увидели неожиданное: по узкой улочке два фашиста ведут их разведчика. Проходя мимо того места, где прятались разведчики, он условленным сигналом предупредил, что засыпался и запретил его вырывать.

С болью в сердце и слезами на глазах сидели они, сжав в руках гранаты, не имея права идти на выручку товарища, попавшего в беду, ведь их ожидало командование с данными разведки.

Ваня кинул на дорогу какой-то предмет. Один из конвоиров попытался его поднимать, а второй, что остался караулить пленного, тотчас повернулся к первому. Используя этот момент, разведчик сбил с ног второго конвоира и побежал в соседний двор. Но добежать под защиту построек разведчик не успел — автоматная очередь догнала его.

Ночь. Разведчики пришли в село Полтаву и доложили данные о расположении врага и смерти Вани. Когда из поселков были выбиты фашисты, бойцы нашли труп Вани и с почестями похоронили от-
важного разведчика на крутом берегу оврага на окраине Чертково. По возвращению в Полтаву Толя Гусев доложил командованию, что вести разведку ему помогали две девочки-пионеры.

О черных днях оккупации Мелового уже написано много. но появляются все новые и новые факты того периода. Из них мы узнаем о героизме советских людей в те дни.

В первый же день оккупации немцы выгнали из дома № 10 по ул. Красной всех проживающих в нем и разместили около 30 солдат. В соседнем доме, где жила семья Бескровных, поселился немецкий офицер с денщиком. Однажды он вышел из дома. Была тишина, но офицер вдруг рухнул на землю. Невидимая пуля из бесшумного оружия поразила офицера.

Однажды, почти перед самым Новым Годом, в доме, где отдыхали после боя вражеские солдаты, вдруг случился взрыв. Все тридцать остались под руинами. В этот же день по улице Буденного, тоже неизвестно кем, был убит офицер. Среди людей ходили слухи, что и в других местах загадочно погибали немцы. Ни бомбежек, ни обстрела, даже выстрелов не слышно: идет по улице фашист и вдруг падает, пораженный неизвестно откуда взявшейся пулей. Это что, случайно? Ну, конечно, нет.

А вот еще один случай. Было это в декабре 1942 года. В доме № 7 по улице Буденного (ныне Армейская) проживали Роман Лукич Чубар, семья Бутенко и семья Зориков.

В одной из комнат Зориков стоял немецкий офицер с адъютан-
тами. Коля Зорик, отец и еще несколько человек этой и соседних улиц жили в подвале. Однажды Николай Зорик увидел во дворе своего дома незнакомого человека. Был он среднего роста, худощав, не брит, в рваной одежде. Он подошел к Николаю и сказал, что он из Чечевки (Стрельцовка), ищет в Чертково родных и попросился на ночлег. Вышел отец Николая, переговорил с незнакомцем и пустил его в подвал. Соседям представили его как родственника. Говорил он на украинском языке. Этот человек назвал себя дядей Васей.

Днем жители подвала выходили во двор. Были здесь и немцы. Дядя Вася внимательно прислушивался к их разговорам.

Коля подружился с дядей Васей: они ежедневно ходили по улице Лигусовому колоду на ул. Луначарского, собирали уголь на во-

лезной дороге, иногда приносили оттуда обгоревшую пшеницу. Николай заметил, что дядя Вася ежедневно, в одно и то же время во второй половине дня куда-то отлучался, объясняя это тем, что он ходил к со-
седям.

По просьбе дяди Васи Николай ходил по улицам и запомнил, где стоят немецкие автомашины и танки. Потом дядя Вася завел знакомство с одним человеком, который работал в комедиатуре. Иногда он лазил на чердак дома, но об этом знал только Коля. Действовал он очень осторожно. Позже оказалось, что дядя Вася владел не только немецким языком, но и языками восточных народов.

Как-то немцы привели во двор нескольких пленных советских солдат. Из их разговоров дядя Вася понял, что они не хотят говорить порусски. Он заговорил с ними на узбекском языке. Немцы-конвоиры доложили офицеру, что есть переводчик. Начался допрос. Офицер задавал вопросы по-немецки, адъютант переводил на русский, а уже дядя Вася на узбекский. В обратной последовательности к офицеру доходили ответы, но уже в перевернутом виде, как этого хотел дядя Вася. За эту работу платили продуктами, которые он отдавал жителям подвала.

Как-то уже перед самым вечером дядя Вася появился во дворе наволнованным и предупредил всех, чтобы быстрее прятались в подвал.

— Сейчас начнется обстрел, — сказал он. И действительно, через несколько минут начали рваться снаряды.

Накануне освобождения Мелового дядя Вася пропал. С боями вошли в поселок советские войска. На следующий день к дому Николая Зорика подошла группа советских офицеров. У одного из них такой знакомый голос. Так ведь это же дядя Вася!!! Побритый, в форме старшего лейтенанта, со многими наградами. Он подошел к мальчику, крепко обнял его и представился: «Старший лейтенант Кудрявцев!». А потом добавил: «Советский разведчик».

Ко двору подошли соседи. Теперь им стало понятно, кого они принимали и кто скрывался в оборванной одежде. На многочисленных вопросах старший лейтенант отвечал однозначно: «Разгромим немцев, встретимся после войны, и тогда обо всем узнаете». Но встретиться не пришлось. С разведчиком Коля переписывался до 1944 года. Потом писем не стало. Что поделаешь, война...

Могут ли быть у солдата две матери? Могут. Так отвечают жители Никольского колхоза имени Фрунзе, те, кто знали Марфу Ники-
воровну Деменко.

Фронт приблизился к селу. Все, кто мог, ушли с войсками на восток. А куда могла пойти она, когда на руках были дети. Да и как можно бросить все найтое своими руками. Тяжело было это сделать, и она осталась. Многие оставались. «Может, обойдется», — думала она. Но не обошлось. Война сама пришла к ней в дом с раненым советским лейтенантом. Еле держась на ногах, он переступил порог ее хаты и, наверное, так бы и упал, если бы женская рука не помогла ему дойти до стула. Кровь сочилась и каплями падала на пол. И пока хозяйка сутилась и искала, чем перевязать рану, на полу уже собралась небольшая лужица крови. В суете Марфа Никифоровна и не заметила, что за окнами вдруг наступила тишина, не слышно автоматных очередей, не слышно взрывов снарядов. Все откатилось на восток, в село входили немцы.

Раздумывать над тем, что делать, не приходилось. Могла ли она не помочь юноше, который, не раздумывая, шел на смерть ради нее, ради ее детей?

И побежали дни и недели. Раненый потихоньку выздоравливал. Теперь уже Марфа Никифоровна знала, что зовут его Михаил и, что где-то у самого Кавказа, его ожидают родители. Все чаще и чаще он с печалью и скорбью смотрел на восток, в ту сторону, откуда поднималось солнце. А однажды он не выдержал: «Наверное, я пойду!»

Нелегко женщине было согласиться, но что поделаешь. Со слезами собрала сумку и проводила в дальнюю дорогу. Долго смотрела вслед и махала рукой на прощанье, желала, чтобы судьба зберегла от гибели теперь еще одного ее сына, которого так неожиданно ей дала война.

Проводила Марфа Никифоровна лейтенанта, а сама не находила себе места: «Жив ли? Не подстрелили ли его в степи?»

И вот уже наши пришли, вернули жизнь на свое место. Пошли счастливые дни в заботах и трудах.

— Марфа Никифоровна, Вам письмо, — весело окликнула ее рую женщину почтальонка.

— От кого же это?

— Из Ставропольского края.

— Из Ставропольского? — раздумывала она. Кажется, у нее нет никто не живет. Всю дорогу до хаты Никифоровна перебирала в памяти от кого бы это, но так и не вспомнила. И только когда почтальонка прочитала письмо, ей все стало ясно. Прошло много времени, прежде чем она узнала, что жив ее названный сын. Письма с фронта приво-

ли редко. А потом вдруг перестали. Может, потерялись где на дорогах войны, а может, был не точным адрес на солдатском треугольнике-письме.

Может быть, на этом и закончилась бы эта история, если бы ее не продолжили следопыты. Спустя два десятка лет они разыскали Михаила Титовича Бессмертного. И полетели письма в село Никольск на имя второй матери Марфы Никифоровны Денисенко.

За эту оплошность на базарной площади Чертково реэтрибу-
налом были осуждены командиры заградительного отряда и расстре-
ляны.

Правда, все это выдуманная легенда, по случай с отрядами Махио
правдивый, и Медведев дал бой маховцам, и было действительно
перемирие, после которого маховцы, отдохнув в г. Старобельске,
были направлены на Перекоп против Врангеля.

Говорят, что дыма без огня не бывает. Войска генерала Карнова
после 20 декабря начали вступать в Маньково. 31 декабря 1942 года
бойцы 153 стрелковой дивизии получили звание гвардейской дивизии,
и эту дивизию переименовали в 57-ю. Конечно, мы можем только
догадываться, что личный состав этой дивизии получил в этот день
«свои боевые сто грамм». Но заметим, что в это время подразделения
41-й и 35-ой стрелковых дивизий уже вели бои на окраинах Чертково
и в Меловском районе на реке Камышной. Заметим также, что село
Пивневка было освобождено 19 декабря.

Конечно, у пятнадцатилетнего паренька вряд ли могли быть такие
сведения о расположении немецких и итальянских гарнизонов в этих
двух районных центрах и, как нам кажется, сомнительно делать такие
заявления, что поселки были без солдат и что их можно было взять
без боя.

Если панику итальянских солдат вызвал рейд 24-го танкового
соединения Баданова, то смеем заметить, что 19-го декабря танки
прошли по Чертково и Меловому и были подбиты в районе дома паро-
возных бригад немцами.

С 18-го по 20-е декабря 41-я гвардейская дивизия освободила
Анно-Рибриково, Бакай, Шетуховку.

122-ой гвардейский стрелковый полк в эти дни ворвался в Черт-
во в районе элеватора. Взять с ходу не удалось — были отбиты.

26-го и 27-го декабря полки 35-й и 41-й стрелковых дивизий
предприняли еще одну атаку на Чертково и Меловое, но она, так же
как и первая, успеха не принесла. До вступления в Маньково части
57-й дивизии вели бои у Алексеево-Лозовки.

К 24-му декабря Арбузовская группировка противника была
ликвидирована, и войска переброшены на Чертково. Сразу же были
заняты Пивневка, Морозовка, Зориковка, Никольск.

21-го декабря танки Полубоярова вели бои в районе Монахово,
Волошина, потом заняли Новострельцовку. За Камышовку и
Стрельцовку велись бои с переменным успехом.

Из всего выше сказанного мы видим, что с начала наступления
наших войск до данной операции не было такого времени, чтобы
поселки пустовали без оккупантов, а если и был какой момент, то это,
видимо, случилось раньше, до подхода Красной Армии.

После войны среди жителей ходила легенда, что наши танки
задолго до начала боев прошли через Меловое и Чертково, однако,
завяв его, не закрепились. Они и не собирались закрепиться. Это
были отголоски рейда танкового корпуса Баданова по тылам против-
ника. Тем более, что Глуценко говорит о том, что после бегства ита-
льянцев, оккупанты в этот же день стали возвращаться в поселок, на-
чали окапываться, готовиться к оборонительным боям.

В декабре 1942 и январе 1943 года Красная Армия начала
ожесточенные кровопролитные бои за наши поселки. Многим людям
старшего поколения до сих пор не дает покоя одна мысль, почему та-
кими большими потерями давалось освобождение наших поселков,
ведь на подступах к населенным пунктам пали тысячи молодых жиз-
ней. Почему наши стрелковые подразделения без танков и огневой
поддержки артиллерии раз за разом шли на вражеские укрепления и
погибали? Вылезут из погребов жители поселка ранним утром, а во-
круг на снегу серые солдатские шинели. За ночь их заметет снегом, а
днем вновь новые трупы сереют. И так много дней. И только в январе
наши войска начали вести артобстрел вражеских позиций.

На этот вопрос отвечает А.А. Ярошенко в своей книге «В бой шла
41-я гвардейская»: «Трудность боев состояла в том, что нельзя было
использовать мощь артиллерии и авиации — в Чертково находились
огромной выдержки и мужества».

Но как можно иначе писать о наших бойцах, ведь они отдавали
жизнь за нас с вами счастье. На страницах газеты я с удивлением
прочитал и такие обвинения в адрес командования, что оно только в
январе начало вести артобстрел вражеских позиций. Почему же на
протяжении стольких зимних дней наше командование фронтом бро-
вало без надлежащей артиллерийской подготовки на вражеские
поселки «голую» пехоту?

А позже люди, якобы начали говорить, что наше командование не
на фронте, не то Армии, или дивизии поторопилось отправить в выс-
шие инстанции рапорт о взятии Чертково и поставило себя перед фак-
том, что бы то ни стало взять станцию. По этой, мол, причине це-
лей солдатских жизней пришлось защищать честь своего мундира.

И теперь, мол, с высоты прошлых лет стало ясно, что вообще не было смысла драться за наши поселки. Вокруг враг был уже разбит и тем фашистам, которые сидели в окружении, ничего не оставалось, как бежать на запад. Нужно было не торопиться брать их, а оставить и идти дальше освобождать Украину.

Участник боев за Меловое, почетный гражданин Мелового Михаила Александрович Шмыров на все эти события имеет свой взгляд и свои выводы. Например, почему так долго штурмовали окружение в поселках Меловое и Черткове?

Михаил Александрович вспоминает, что они вошли в Маньково в декабре, и он помнит одну такую интересную деталь:

— Вечером, — говорит он, — в штаб дивизии доставили сообщение Совинформбюро: Черткове взято. О Меловом они тогда вообще ничего не знали и считали, что это тоже Черткове. И очень обрадовались — ведь боев не будет, раз уже наши заняли его. Но обрадовались очень рано. Информация была упреждающая события.

Шмыров Михаил Александрович утверждает, что Меловое и Черткове можно было взять меньшей кровью и сберечь больше людей, потому что Чертковский район до штурма был уже весь освобожден, кроме станции Черткове. Деталей, конечно, он не знает, да и не мог знать, но кажется ему, что эта дезинформация имела тяжелые последствия. Командованию ничего не оставалось, как отдать приказ овладеть поселками немедленным штурмом. К тому же с суровым предупреждением: стрелять осторожно, учитывая, что может пострадать мирное население. Фашисты же имели приказ держаться за каждый дом.

Давайте внимательно проследим за сообщениями газет того времени и сделаем выводы: так ли это?

Вот выдержка из Совинформбюро:

«На протяжении 24 декабря наши войска в районе среднего Дона успешно развивают наступление в предыдущем направлении, продвинулись на 20—25 километров. Всего за 8 дней наши войска продвинулись вперед на 135—190 километров.

Нашими войсками занято несколько десятков населенных пунктов, в том числе большие населенные пункты Михайловка-Александровка, Колодызя, Маньково-Березово, Селивановка, районские центры (Скосырская, Мимотинская) и большие железнодорожные станции Чайкин, Шептуховка».

Красноармейская фронтовая газета «Сталинский гвардеец» 25 декабря 1942 года писала: «В районе населенного пункта в окрест-

нодерожной станции Черткове гитлеровцы со зверством бандитов совершают отпор».

«Комсомольская правда» в корреспонденции П.Лидова от 13 января сообщает:

«Во время боев за освобождение поселка Меловое Ворошиловградской области пали смертью храбрых Герой Советского Союза дважды орденносец Ф.Н.Чечерев и командир роты автоматчиков орденносец лейтенант Федотов».

И наконец, тот же корреспондент П.Лидов в «Правде» в январе сообщает, что «...особенно упорное сопротивление немцы оказывали в районе станции и города Черткове» Как видим из прочитанного, к 24 января была занята только станция Шептуховка и населенный пункт при станции Михайлово-Александровка в 19 километрах от Черткове. О том, что занята станция Черткове, уважаемый Михаил Шмыров не мог прочитать в газетах. А если он и читал, то только о том, что занята на Дону Чертковская, возможно, тоже железнодорожная станция.

Плохо знаем географию своего края, да и вообще, в молодости учимся из-под палки, а когда взрослеем, некогда наверстывать упущенное, выдвигаются новые задачи.

Помнится, мне тоже пришлось попасть на эту удочку лет 35—40 тому назад. Я тогда занимался краеведением и искал сообщения Совинформбюро. Разумеется, я тоже слышал суждения среди людей о дезинформации и очень обрадовался, когда прочел такое сообщение, и если мне не изменяет память, то сообщение это было где-то 10—20 декабря 1942 года.

Если учесть то, что 57-ая гвардейская дивизия начала своими полками вступать в Маньково в ночь с 20-го на 21-е декабря, то в газетах была напечатана, видимо, эта сводка (Шмыров был бойцом этой дивизии) и в ней был упомянут населенный пункт Чертковская. Но рядом с ним была не Маньково, а Маньково-Березовская. И мне сразу подсказал какой-то внутренний голос: Стоп! Маньково-Березовская? Так ведь это не Маньково-Калитвенская. А где на карте Березовская? И я начал шарить по карте области и нашел там и то и другое. Да, в Ростовской области два Чертковских поселка. Только названия у них разные — Черткове и Чертковская. Есть на Украине еще в городе Чертков. И все они происходят от одного имени — атамана Донского, а потом вице-губернатора г. Варшавы Чертова. От названия этих географических названий и могла родиться такая легенда, которую можно услышать и сейчас.

Многие люди, которые переживали дни оккупации и видели как шли бои при освобождении, еще и сейчас говорят, да и передают молодежи, что те жертвы напрасны, можно было окружить немцев и ждать пока сами уйдут. Конечно, со стороны гражданского населения может быть оно и так, но с военной стратегической стороны это выглядит совершенно иначе. Нужно было освободить Донбасс. Миллерово и Чертоково были воротами в этот жизненно важный район Союза. В военно-стратегических планах Юго-Восточная железная дорога на этот час играла одну из ведущих ролей.

С севера на юг Юго-Восточная простиралась на 650 километров, а в широтном направлении самый длинный ход Елец-Жердвка не достигал и 250 км. Большим недостатком Юго-Восточной железной дороги было то обстоятельство, что внутри дороги не было, и возможности для маневрирования отсутствовали.

Военные действия развивались стремительно. Нужно было немедленно ввести в строй Лиски-Лихая (Воронеж—Лихая, через Чертоково и Миллерово)

Эксплуатационная длина по тем временам была очень большая. Главное направление Мичуринск-Лихая проходило по линии фронта. На востоке границы дороги упирались в Волгу, не имели через нее ни одного мостового перехода. Путь через Волгу был только у Саратова. Линия Мичуринск—Грязи—Поварино—Сталинград была основной коммуникацией для подвоза подкреплений к Сталинграду. В августе—сентябре по ней воинские эшелоны шли вслед друг за другом.

Командованию Чертоково и Миллерово нужны были как воздух.

Так что не нужно смотреть на бои у станции Чертоково с высоты прошедших лет, а поверить задачам тех лет и людям, которые их выполняли. Хотя это и горькая правда, но она все-таки правда и лучше любой лжи.

А теперь несколько слов по поводу подкрашивания розовыми тонами событий тех лет. По-моему те люди, которые поднимают этот вопрос, не правы. Разве можно солдатский подвиг описывать черными тонами? Конечно нет. Любой подвиг — есть подвиг и о нем нужно говорить только возвышенно, рисовать яркими красками, а музыку сочинять только громкую и торжественную.

Вот как писала фронтовая газета о подвиге, совершенном у станции Чертоково 25 декабря 1942 года: «В гуле разрывающихся снарядов и свисте мин, визге пуль гвардии младший лейтенант Музарбеков пробрался в расположение немецкой обороны. Под самым вы-

гитлеровцев он сел на дрезину и помчался к свободному подразделению. Отважный гвардеец, пренебрегая опасностью, на этой дрезине собирал и увозил раненых из-под огня противника. 10 раненых красноармейцев и командиров вывез из-под огня Музарбеков. Слава тебе, наш богатырь Музарбеков».

По-моему, комментарии и сомнения по поводу того, в каких тонах писать о героях, излишни.

А сейчас речь пойдет об одном бывшем солдате освободителе наших поселков Иване Филипповиче Комнатном. Защищать ту власть и происходившие события того времени, в том числе и войну, у него нет никакого повода. Простой рядовой сельский труженик, тем более еще и ущемленный довоенной властью. Да и о том, что страна воюет, он узнал только в октябре 1941 года. Он был осужден и отбывал срок на севере, строил железную дорогу на Воркуту. Знаменитая воркутинская дорога длиной в 1728 километров строилась руками заключенных. Волею судьбы оказался на ее строительстве и Иван Филиппович.

А узнал он о войне таким образом: решили они с ребятами (заключенными) обменять на еду два бушлата, одеяло и еще несколько мелких вещей. В ближайшем селе они все это быстро «отоварили» — выменяли три ведра картофеля и кусок сала. А сало хозяева завернули в газету. Сразу на нее Комнатный не обратил внимания. Когда же возвратились в золу, он развернул газету, и ему сразу же попали на глаза сообщение Совинформбюро. Взволнованные прочитавшие друзья онемели от удивления. Как же так, уже четыре месяца идет война, а они об этом ничего не знают. Но об этом в лагере тоже не знают. Лагерные законы суровы, но и у государства рука жесткая. И поэтому они молчали.

Но вот вскоре, примерно через неделю, прискали в лагерь вестные и сообщили о войне. После этого тех, которые подходили по статье, начали амнистировать и отправлять на фронт. Так стал извещать и он.

«Но за Родину, — говорит Иван Комнатный, — «зеки» воевали не хуже других, потому что знали, за что бились: за родную землю.

Земля эта была родная для всех: и для тех, кто сидел в лагерях, и для тех, кто шел на фронт из родных городов и сел.»

Волею судьбы Ивану Филипповичу зимой 1942—1943 годов пришлось освобождать родную землю. Заместитель командира взвода в то время он прошел через родное село Ольховчик, Греко-Степановку,

Алексеево-Лозовку, Кутейниково, Маньково. Тут в Маньково разместился штаб полка, тут в Маньково Иван Филиппович и 57-я дивизия стали гвардейскими.

Много было радости, все друг друга приветствовали. Но война есть война. На войне праздники бывают короткими. 28 декабря перед взводом командование поставило задачу: выйти на железнодорожную станцию южнее Чертково и помочь сапером разбирать железнодорожную линию, чтобы не дать противнику возможности на соединение.

Три дня и три ночи пролежали они в глубоком снегу под огнем фашистов, который вели немцы из водонапорной башни, расположенной во дворе железнодорожного депо. Морозы стояли лютые, солдаты были одеты в шинели и белье маскелаты, обуты в солдатские ботинки и обмотки.

В ночь под Новый год они пошли в хутор Ежачий Меловского района. Встретили их там приветливо. Местные девушки напоили их теплым молоком, дали кукурузных коржиков. И до сих пор он вспоминает эту незабываемую новогоднюю ночь и то, как наши простые люди относились друг к другу: русские и украинцы. Разве это можно забыть?

Да, этого не забыть. И что в этом рассказе розового? Что тут приукрашено, а что нет? Дело не в приукрашке, дело в памяти. Идут годы. Снятся Ивану Филипповичу его 18 друзей по взводу, которые погибли в одном бою. Из них живыми остались только двое.

Они шли в тот последний бой со словами: «За Родину! За Сталина!» И в этом нет ничего удивительного. Хотя сейчас молодые люди могут улыбнуться, да и наверняка, улыбнутся. Но это их дело. А почему? Да потому, что вера была. Вера в огромную страну, за которую они положили свои жизни. Теперь многие молодые люди обвиняют старшее поколение, что, мол, не правильно оно действовало тогда на заре строительства нашей державы. «Не знаю, — говорит Иван Филиппович, — возможно, что-то и не так. Но вера должна быть. Мы шли в атаку, за «языком» и верили, что это нужно для отчизны. И эта вера помогла нам в тяжелые минуты. А во что сегодня можно и нужно верить? Этот вопрос можно адресовать любому из нас, и получай ответ».

Эту правду, которую хотят слышать молодые оппоненты из старшего поколения, без прикрас сообщает гвардеец 57-ой гвардейской дивизии, разведчик, бывший репрессированный советской властью, житель села Ольховичи Чертковского района Иван Филиппович. Комнатный: «Нужна вера. А ее, к сожалению, еще нет».

НАКАНУНЕ НОВОГО СОРОК ТРЕТЬЕГО

Стрелковый батальон 41-й дивизии, в которой служил тогда командиром отделения В. Стольников, рано утром 23 декабря двинулся по направлению к ближайшей железнодорожной станции. Батальон покидал село Маньково, а вокруг рвались снаряды, оставленные и взорванные Гитлеровцами. Когда полностью рассвело, подразделения были уже далеко в степи, на подступах к поселку и станции Чертково.

В одной из глубоких балок, помнится В. Стольникову, произошел кровопролитный бой с засевшими в ней оккупантами.

Балка находилась у хутора, где была база заготскота. Там и сейчас есть кришня, хотя и нет хутора, стоит обелиск на братской могиле.

«Не буду вспоминать всех подробностей этого страшного боя, — пишет Стольников, — скажу одно-лишь, что в этом неравном сражении погибло много наших солдат и командиров, но зато и фашистам мы показали, где раки зимуют: их трупами была устлана вся округа».

В этом бою был ранен и сам В. Стольников. После этого боя его вместе с другими ранеными отправили снова в Маньково. Там в школе, находившейся на окраине села, был военно-полевой госпиталь. В ту пору Стольникову едва исполнилось 19 лет.

В ночь на 28 декабря 1942 года 101-й и 102-й стрелковые полки (командиры Смолин и Федоров), 35-й стрелковой дивизии подошли к Черткову и Меловому. Утром 29-го декабря атаковали вражеские укрепления. Но выбить фашистов из поселков не смогли. Гвардейцы 102-го полка и учебного батальона зацепились за заднюю часть Мелового. Бои постепенно переместились на юго-западную окраину поселка. В этом месте враг хотел пробить коридор. Бой принял жестокий и затяжной характер. Дивизионная газета писала в статье «Уменье и отвага минометчиков»: «Уменье, слаженность и отвага — основные качества минометчиков подразделения Храпцева. Враг пошел в жестокую контратаку. Гитлеровцы хотели испугать наших гвардейцев, и пошли в атаку в полный рост. На их огневую позицию поступила команда: «К бою!» Расчеты Мелевина и Зленко быстро заняли свои места и открыли губительный огонь. Каждая мина ложилась в цель. Немцы не выдержали и отступили назад».

Второй батальон 124-го стрелкового полка 41-й гвардейской стрелковой дивизии подошел к станции Шептуховка. После ударного

ночного штурма Шептуховки командир полка Лобанов дал приказ батальону обойти Меловое и зайти в тыл врага в район Великоцка и Новострельцовки. Этими действиями полк должен был замкнуть кольцо вокруг группировки фашистов, закрепившихся в Черткове и Меловом.

Ночью вышли в степь. Еще шаг — и уже украинская земля. С невыразимым волнением пересекали условную линию, опускаясь на колени и целуя застывшую на морозе землю. Бойцы припадали к ней, потом поднимались в полный рост и восторженно говорили на разных языках: «Мы к тебе пришли, земля украинская».

У многих на глазах блестели слезы, а усталости, как ни бывало. Роты бодро шагают в заснеженную степь к укутанному сугробами селу. На половине дороги встречают разведчиков.

«Фашистов в Великоцке нет», — докладывает разведка.

Батальон оставляет в селе одну роту и спешит в Новострельцовку. В конзавод батальон входит без боя. Командование дает приказ на полчасовой отдых. Но в это время батальон получает приказ командира полка: подготовиться к встречному бою. Из Беловодска на выручку Чертковской группировке противника двинулись фашисты. Имеют много танков. Значит, ждать их нужно из Стрельцовки. Командир батальона М.Белик быстро собирает командиров подразделений и ставит перед ними задачу. Фашисты не заставили себя ждать. Вначале послышался гул танковых моторов. Они все ближе. Вот бронированное чудовище выползает из лесополосы и широким фронтом идет через поле. Бойцы, затаяв дыхание, считают машины. Их двадцать, и за ними густыми шеренгами спешит пехота. Гитлеровцы пока не стреляют. Молчат и наши. До танков уже 600—700 метров. Пора. Командир подает команду:

— Батарея, по танкам, пулеметы по пехоте противника — огонь!

Артиллеристы ударили залпом. Запылал передний танк. Пехота заработала пулеметы, устлая трупами захваченных поле. Но фашисты, несмотря на потери, упорно лезут вперед, ведут огонь со всех видов оружия. И лишь когда запылал четвертый танк, гитлеровцы откатились за лесопосадку. Там быстро перегруппировались и снова пошли в атаку. По линии нашей обороны густо рвутся снаряды и машины. В селе возникли пожары, но гвардейцы стоят.

В это время подошли другие батальоны, и гвардейцы 174-го полка перешли в контратаку. На плечах отступающих полк вошел в Стрельцовку.

Председатель совета ветеранов отдельного мотоциклетного полка, подполковник запаса вспоминает о работе разведчиков в дни боев за наши поселки.

В конце декабря группа разведчиков получила задание проникнуть за передний край противника на 15-м километре и определить количество и расположение его резервов. Разведчики вышли с наступлением темноты. Передовую проползли по снегу и мерзлым кочкам и, не взирая на мороз, были мокрыми от напряжения. В тылу разведчики повредили линии связи, нацелили на карту огневые точки и места сосредоточения противника. В бой вступать им запрещалось. Однако, при обратном переходе через передовую, они вынуждены были пробивать себе дорогу. Действовали слажено, прикрывали друг друга огнем и, когда свои окопы были уже совсем рядом, был ранен разведчик Иван Максимович Борисов. Разведчики не бросили товарища, а с боем пробрались вместе с ним на свои позиции. Разведчика немедленно отправили в госпиталь в с. Маньково.

Взвод 174-го гвардейского стрелкового полка 57-й гвардейской дивизии расположился на отдыхе в доме жителя с. Маньково Шарипова. Был конец декабря. Около 7 часов вечера связной штаба выдал взводного к командиру полка. Вернувшись из штаба, он доложил обстановку и задание командования. Взводу предстояло разобрать железнодорожные пути, связующие Черткове с Миллеровым. Одев белые маскировочные халаты, бойцы отправились на задание. Путь был нелегким: сильный мороз, глубокий снег. К одиннадцати часам добрались до цели. Взвод занял боевое охранение, а бойцы С.Гладишев и К.И.Мальцев приступили к разборке рельсов. Около пяти часов длилась напряженная работа, и к утру поставленная задача была выполнена. Вскоре взвод был обнаружен, и фашисты открыли ураганный пулеметный огонь. В течение нескольких часов бойцы отбивались от противника, отходя от железнодорожного полотна, укрываясь в снеговых сугробах.

30 и 31 декабря 101-й гвардейский полк 35 гвардейской дивизии, командир полковник И.Я.Кулагин, завязал бой за водонапорную башню возле станции Черткове. Она господствовала над местностью и была хорошим наблюдательным пунктом. Две атаки полка закончились, и только третья принесла успех. Отделение В.Ф.Аникова вышло в атаку и стало корректировать огонь артиллерии полка. Тогда с обеих сторон вокзала открыл по нашим войнам огонь прямой наводкой и под прикрытием трех броневиков контратаковал

бесстрашных. Фашистам удалось обойти башню и потеснить левый фланг полка. Командир передового батальона был тяжело ранен, и тогда его заменил начальник артиллерии полка гвардии старший лейтенант Н.С.Рыбалкин. Сам Рыбалкин был тяжело ранен и попал в плен. Неизвестные жители Мелового оказали офицеру медицинскую помощь, а потом устроили ему побег из плена. Водонапорная башня два раза переходила из рук в руки и все-таки осталась за гвардейцами.

...Взвод ПТР, которым командовал П.Калинин, в полночь вошел в Алексеево-Лозовку. По приказу начальника штаба дивизии полковника Бобрука взвод занимает оборону командного пункта дивизии.

Село час назад отбил у немцев батальон капитана Яюса, и в тот момент, когда заходил взвод П.Калинина, выстраивались его роты для выступления преследовать врага, отходящего в сторону Чертково и Мелового.

Постепенно стихали команды, топот ног, скрип снега — подразделения ушли в ночь, в непогоду, в бой. Все чаще доносились пулеметные очереди. Значит, полки успешно преодолевают огненные дороги.

Утром штаб дивизии и взвод ПТР взяли марш на Маньково. Калинин со взводом разместились в большой крестьянской хате против школы. В школе находился штаб дивизии.

Тепло домашнего уюта, гостеприимство хозяев... Как бойцы ожидали этого блага! Хотелось хотя бы сутки поспать не в поле на снегу, а в квартире, в тепле. Но доля солдатская не дала им отдыха. Штабной работник капитан Болотов вызвал капитана Калинина и поставил боевое задание — сделать марш в украинское село Великовка и вместе с комендантской ротой занять круговую оборону. Сюда по нашим следам должен переместиться штаб дивизии. В Маньково взвод П.Калинина встретил Новый 1943 год.

...153-я стрелковая дивизия со своим штабом находилась в Маньково. Подходил к концу суровый 1942 год. Новогоднюю ночь солдаты и офицеры встречали в походе. В полночь советские воины на ходу поздравляли друг друга. Тепло и сердечно звучали слова новогодних поздравлений. И самым заветным из них было пожелание скорой победы над врагом. У всех приподнятое настроение: получено сообщение о том, что дивизии присвоено гвардейское звание. В приказе народного комиссара Оборона от 31 декабря 1942 года значилось: «В боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 153-я стрелковая дивизия нанесла огромные потери фашистским войскам».

своими сокрушительными ударами смела живую силу и технику противника, беспощадно громя немецких захватчиков.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 153-ю стрелковую дивизию в 57-ю гвардейскую.

Командир дивизии Карпов Андрей Павлович.

Преобразованной дивизии вручить гвардейское знамя».

В 24 часа 31-го декабря 1942 года из штаба юго-западного фронта гвардейцы получили телеграмму следующего содержания:

«От всей души поздравляем Вас, славные воины, с победой, одержанной в прошлом году и высоким званием гвардейцев. Глубоко уверены в том, что Вы в Новом году еще выше поднимете Знамя Гвардии и понесете вперед до полного разгрома и уничтожения ненавистного врага. Ватутин, Желтов».

...573 стрелковый полк 195-й стрелковой дивизии первым вступил на землю Украины. С ним все время в эти дни находился, как представитель политотдела дивизии заместитель начальника политотдела дивизии Алексей Иванович Чуринов.

В своих воспоминаниях он говорит, что когда они вступили на землю Украины, настроение бойцов и командиров было бодрым и боевым. Россия шла, чтобы освободить братьев — украинцев от гитлеровских оккупантов. Путь к началу освобождения Украины преграждали густые снегопады. Толщина снега доходила до полутора метра. Войска не могли использовать трофейные легкие и грузовые машины, артиллерию и другое взятое у врага имущество. Перед ними была белая снежная стена, через которую не могли пробиться ни люди, ни машины, ни лошади. Командир 352-й саперного батальона дивизии капитан Михаил Андреевич Стативка всем батальоном расчищали дорогу. На помощь приходило местное население. Так было, когда освобождали первые украинские села Пивневку, Морозовку и Никольск. Так было и в населенных пунктах района: Зориковке, Великоцке, Новострельцовке, Калмыковке, которые освобождал 573-й стрелковый полк. Население встречало с сердечной теплотой. В освобожденных селах Чуринову приходилось проводить собрания крестьян. Как правило, на них присутствовало все взрослое население. Собрания были очень оживленными. Люди хотели слышать правду о положении на фронте и в тылу, о задачах, что стоят перед населением освобожденных сел. Колхозы были разрушены и разграблены,

На этих собраниях избрали уполномоченных сельских советов и председателей колхозов, которые организовывали помощь воинам Красной Армии.

Много рассказывали на собраниях о зверствах фашистов и их паяльников. Колхозник Л.А.Удовенко имел трех сынов. Два служили в Красной Армии, а третий семнадцатилетний жил с отцом. Фашисты хотели взять его на службу в полицию. Но Лукьян Александрович сказал сыну: «Пойдешь служить немцам — своими руками убью, так и знай». Не помогли ни угрозы врагов и, ни уговоры, ни избивания. Удовенко отстоял сына от позорной службы гитлеровцам. В селе Новоникольске колхозница М.В.Чернобурова рассказала, каких истязаний претерпела она от полиции Якова Плясули, как активистка колхоза. До сотни ударов кулаками, шомполами претерпела она, все тело стало черным от побоев.

За три дня до освобождения полицейский скрылся, бежал с гитлеровцами. Таких примеров можно привести много.

Борьба за полное освобождение Меловского района продолжалась. Командующий 1-й гвардейской Армии на помощь 195-й дивизии спешно перебросил 106-ю стрелковую бригаду, а потом несколько подразделений 41-й гвардейской стрелковой дивизии. В этих боях принимали участие три бригады 17-го танкового корпуса.

На начало января 1943 года практически все села Меловского района, за исключением поселка Меловое, были освобождены от захватчиков.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Пивневку, Меловку, Новоникольск и другие населенные пункты, были представлены к награде орденами и медалями командиры четвертой стрелковой роты 573-го стрелкового полка лейтенант Стародубцев Роман Васильевич, Шлычко Иван Иванович, Мирошник Федор Егорович, Коллов Николай Иванович, Талдыкин Иван Иосифович и много десятков других воинов 195-й гвардейской стрелковой дивизии.

Среди тех, кто отдал свою жизнь за освобождение первой пивневанской земли — русские, армяне, казахи, украинцы, марийцы, представители почти всех национальностей бывшей Великой страны — Советского Союза.

Яков Абрамович Абрамов родился в 1922 году в семье армянина. Лейтенант Абрамов пошел на войну из Ашхабада и воевал в составе 57-й гвардейской стрелковой дивизии, которая освобождала наш район. Яков очень любил своих родителей, многочисленных братьев,

сестер, племянников. В перерывах между боями он писал им теплые, сердечные письма, волнуясь об их судьбе, твердо верил в нашу победу и встречу после нее с родными и близкими.

31-го декабря 1942 года в 18 часов 30 минут Яков написал последнее в своей жизни письмо к своей сестре Терезе. Вот несколько строчек из него: «Не сомневайся я, что мы встретимся все вместе после войны, после Великой Победы. Тереза, ты не волнуйся о нас. Мы скоро возвратимся. Я-карновец. Мы большое дело сделали. Возможно, прочитаешь в газетах, а нет — то приеду и расскажу вам обо всем. Скоро Новый год — через пять часов. Выпью за ваше здоровье, за нашу встречу в Новом 1943 году. Ваш Яков».

С тех пор в далекий Ашхабад не шли солдатские письма-треугольники. Лейтенант Яков Абрамов на границе Украины с Россией в новогоднюю ночь 1943 года уже видел нашу Победу, верил в нее и дрался за встречу с семьей.

Не знал тогда двадцатилетний солдат, что в те минуты, когда письмо будет еще в дороге, в одной из атак его убьет вражеская пуля. А до победы будет два с половиной долгих года. Еще два с половиной года будут ожидать Якова в многодетной семье, с надеждой будут встречать почтальоны. Но только через тридцать три года встретятся два брата Владимир и Яков. Младшему уже за 40, а старшему — так и осталось 20.

7 ЯНВАРЯ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

7-го января 1943 года комдив 57-ой гвардейской отдал приказ на штурм поселка. Стрелковые подразделения вступили в бой. На улицах поселка завязались схватки, потому что немцы не просто отбивались из своих укреплений, но и раз за разом бросались в шальные контратаки. Но тут, то там схватки переходили в рукопашные бои. Но победить врага не удалось и полки с большими потерями отошли на окраину, оставив на улицах поселка сотни однополчан. С бессильной злобой и слезами на глазах отступал со своим подразделением 170-м стрелковым полком, и дагестанский аскер (воин) Хамруд Хажисмилович Умаров. От обиды и боли жгла кровь в жилах. Вот понесли тяжело раненого командира полка Мальцева, лег под гусеницы танка капитана Чечерова, не стало однополчан Гречка и Федотова, Елисеева и Сакальского, Тарасяна и еще сотен других... А он, житель гор, до сих пор живой и пятится назад перед врагом, оставляя на снегу своих боевых побратимов, кунаков. Такого поступка законы гор не прощают. А враг насаждает, усиливает огонь и не дает расправить плечи.

Такая горькая и кровавая солдатская служба — судьба.

Первая рота первого батальона 100-го полка 35-ой Гвардейской дивизии стояла под Чертково. Какой-то лейтенант на ходу крикнул: «Кто умеет стрелять из сорокапятки?»

Таких нашлось двое. Одним из них был Ярослав Одегали. Лейтенант привел их к четырем орудиям, поврежденным от бомбежки. Они быстро из двух собрали одно. В это время из поселка Чертково показались три вражеских танка, которые ворвались в расположение нашей роты автоматчиков. Два танка были уничтожены стоящей справа батареей, а третий пошел на только что собранное орудие. Оно открыло по танку огнем примерно на дистанции 700 метров. Несколько бронебойных снарядов попало в танк, но он продолжал движение. Тогда Ярослав Одегали, отличный наводчик, дал выстрел осколочным снарядом под гусеницу танка. Гусеница была сорвана, и танк развернулся к орудию боком. Еще семь или восемь снарядов было выпущено по танку примерно с расстояния 150 метров, пока он не вспыхнул.

На орудие начали пикировать фашистские самолеты, и оно было разбито, а Ярослав вместе со своим товарищем, помогавшим ему вести огонь, возвратились в свою роту, которая вела ожесточенный бой.

101-ый Гвардейский полк этой дивизии находился в железнодорожной будке в четырех километрах по направлению к станции Шептуховка. Командир полка Гвардии майор Поляков вызвал штаб замполита третьего батальона Гвардии капитана В.В.Пискунова и дал задание по уничтожению любого движения в сторону станции Чертково.

Получив приказ, он вышел в расположение батальона на легком бронев автомобиле. Когда В.Пискунов просматривал позиции противника, его заметил расчет немецкой скорострельной пушки, прицелившейся возле него. Немцы дали несколько залпов, гвардии капитан был смертельно ранен. Его доставили в штаб и похоронили.

Напротив 174-й опоры на железной дороге похоронены два красноармейца гвардии старшина, связист В.Я. Ковалев.

Старожилы железнодорожной будки на могиле Пискунова насыпали холмик земли и на листе железа сделали надпись. В марте 1980 года группа поиска Чертовской средней школы, в составе которой входил и ветеран 35-ой гвардейской дивизии А.Егоров, отыскались на поиски могилы. Они нашли металлическую табличку с хорошо сохранившейся надписью. 7-го мая 1980 года на месте захоронения отважного офицера был установлен обелиск, к подножию установлена траурная плита.

..Враг делал отчаянные попытки вырваться из «котла» в Меловом и Чертково. Атаки гитлеровцев следовали одна за другой.

«И откуда они берутся? — вытирая рукавом потный лоб, удивился пулеметчик Павел Хлыстов. — Слово из земли лезут, как муравьи.»

Отдыха не было ни днем, ни ночью. При отражении атак погибли однополчане — белорус гвардии рядовой Брильков, мариец гвардии фрейтор Логиков, узбек гвардии рядовой Макситов, грузин Невгилладзе вместе со своим командиром отделения, гвардии младшим сержантом Пилипенко из роты гвардии капитана Феодосия Чечерова.

Фашисты дорого заплатили за жизнь гвардейцев. Но и наши ряды в каждой атаке становились все реже и реже.

Гвардии капитан комбат Кудрявцев, высокий, широкоплечий, всегда подтянутый, стройный, награжденный за отвагу Орденами Красного Знамени и двумя Красной Звезды, умело и спокойно руководил боем. Он мгновенно схватывал и оценивал самые малые изменения в ситуации, давал умные и понятные команды. Подчиняясь его командира, батальон проявлял невиданную стойкость и упорство. И вот как комбат не мог увидеть и понять, что враг стремится любой ценой вырваться на окружения. Решение пришло само по себе, словно

оно давно выношено у сердца: «Орел, Орел, я Сокол. Вы меня слышите? Бой веду на известной вам позиции. Перевес немцев многократен. Прошу залп гвардейских орудий. Прошу залп!».

То, что командование поняло и одобрило его решение, он понял через несколько минут. Земля впереди на флангах вздрогнула, словно живая, и грохот, неслышанный до этого, заглушил все голоса и отголоски боя. Все горело ослепительным пламенем.

Потом ни грохота, ни пламени, ни заснеженной степи. Жуткая тишина и вспаханное тысячами плугов поле. И ни одной живой вражеской души. Молодцы артиллеристы- гвардейцы!

Разгром гитлеровцев на этом участке позволил нашим дивизиям сосредоточиться, переформировать свои силы и перейти в контрнаступление на месте прорыва кольца.

...122 гвардейскому полку было приказано: во что бы то ни стало взять Чертково. Завязался ожесточенный бой. Несмотря на плотный артиллерийский минометный огонь, гвардейцы сумели захватить железнодорожную будку и склады элеватора. Гарнизон немцев был полностью окружен. Но в рукопашных боях тяжело ранено командира батальона А.А.Дрягина, замполита И.С.Абатурина, лейтенанта автоматной роты П.И.Антонова. Командование батальоном взял на себя А.Кистенев.

Фашисты все время искали слабые места в нашей обороне, чтобы вырваться из окружения. На батальон пошла в наступление пехота при поддержке танкистов и бронетранспортеров. Кистенев приказал танки и бронетранспортеры пропустить, а пехоту отсечь. Солдаты открыли огонь. Танки устремились на курган, где находился наблюдательный пункт начальника артиллерии полка, молодого лейтенанта Анатолия Фомина. Видя сложившуюся обстановку, он приказал открыть огонь на себя, по кургану. Офицер действовал по закону советских воинов: сам погибай, но товарищей выручай. Массированным огнем было подбито три танка и один бронетранспортер. Атака захлебнулась. Враг отступил.

Вечером все командование собралось в железнодорожной будке. Командир полка А.Г.Милуский вынес благодарность солдатам и артиллеристам за стойкость и мужество. На командном пункте было душно, и Анатолий Фомин снял шапку. Все переглянулись: его голову покрыла изморозь седины.

...Над поселком Меловое редела снежная метель. И хотя еще несколько часов приближались к половине девятого, рассвет наступил постепенно.

И вот, сквозь плотный слой снежной метели пробилась огненная вспышка, загрели залпы орудий. Утопая по колени в снегу, на штурм поднялись гвардейские подразделения. Автоматные очереди, глухие взрывы гранат штурмовых групп перемешивались с гулкими короткими ударами танковых пушек, лаем тяжелых немецких пулеметов. Враг кинул на атакующие цепи гвардейцев сильные огневые группы и танки. С каждой минутой бой становился все отчаянней. И хотя гвардейцы 57-ой не имели значительного противотанкового прикрытия, они храбро вступили в бой с танками.

Левый фланг подразделения младшего лейтенанта Синицина прикрыли броней бойщики сержанта Якова Рыбалкова. Но вот на его трех гвардейцев 8 танков. Сержант, человек спокойный и рассудительный, крепко притиснул приклад противотанкового ружья к широкому плечу:

— Огонь открывать только по моей команде, — спокойно предупредил он броней бойщиков Василия Захарова и Николая Гулева. — Пусть подойдут поближе.

Танки, стреляя из пулеметов и пушек, стремительно неслись на smellячков. В прорези прицепа сержант увидел лицо механика-водителя.

— Огонь по фашистам! — крикнул командир во все легкие и всадил пулю прямо в щель. Еще одно чудовище закружилось на месте, пуская клубы дыма. Обходя подбитые машины, целые упорно лезли вперед.

Противотанковые ружья броней бойщиков были разогреты до огня, вокруг smellячков свистели пули, поднимались столбы мерзлой земли. Осколком снаряда ранило сержанта. Но командир не чувствует боли и продолжает посылать пулю за пулей по вражеским танкам.

Жаркий костер вспыхнул еще над двумя танками. Комсомолец Василий Захаров снял шапку и, торопливо вытирая пот со лба, посылал пули в танк, который нагло лез на него. Лобовая броня вражеского танка была слишком толстой для противотанкового ружья. Вот уже на него осталось всего лишь около 20 метров. Тогда Василий бросил ружье, схватил две противотанковые гранаты и, поднявшись на колени, кинул их одну за другой под танк.

Ночью до вечера длился этот неравный бой. Потеряв пять машин, фашисты повернули назад, так и не пробившись через фронт гвардейцев.

На войне как на войне — сегодня фронтные дороги сводят две несомненные судьбы, сближают их до такой степени, что водой не разлить,

а потом вдруг разлучают навеки. О такой судьбе поведал нам журналист А. Чуринов. Во время боев за первые километры украинской земли он был замполитом 145-ой гвардейской стрелковой дивизии.

Завязался жестокий бой. Фашисты никак не хотели отдавать этот клочок земли, пытались контратаками откинуть полки в степь, где свирепствовала пурга. Наши бойцы прицельным огнем ставили заслон вражьи атакам. Но вот настал момент, когда враг пересилил наши подразделения и количеством солдат и силой огня.

В такой момент его спасла сестричка по имени Галя. В балочку, что была рядом, стали все чаще приползать раненные. На сердце стало как-то тревожно, Галя беспокойно выглянула и застыла, словно парализованная: наши бойцы изредка отстреливаясь, отползали под прикрытие балочки. Еще минута — и они поднимутся и побегут от врага. А как же раненые? Кто их защитит, заступит от верной смерти? Она рывком повернулась, горячая, схватила автомат раненого и побежала навстречу огню, туда, где пятились перед врагом наши бойцы.

Сквозь стрекот автоматов и винтовочных выстрелов прорезался звонкий девичий голос:

— Эй, вы, черти полосатые! Встать! А ну вперед! За мной!

И во мраке пурги стали виднеться солдатские фигуры, загрелись выстрелы. Рота бойцов, впереди которой горячим пламенем дышал автомат Галины, стремительно побежала на вражеские цепи, завязался рукопашный бой. В ход шли приклады, саперные лопатки, кулаки. Враг не выдержал натиска и побежал. Разгоряченные боем бойцы выдвигались во дворах фашистских вояк. Постепенно шум боя стих. И тогда бойцы, вспомнили о сестричке, которая подняла их на вражеские пули, спасла от бесчестия и смерти. Но среди бойцов, здоровых и раненых, спасительницы не было...

За селом на заснеженном поле свистела пурга. На месте, откуда бойцы поднялись навстречу свиному ливню, лежало пробитое пулями тело их сестры. Душа из нее вылетела, видимо, в тот момент, когда она побежала на врага, и мороз уже успел зафиксировать его в таком состоянии, в котором оно разлучалось с душой. Возле рухнувшей чернела солдатская шапка, а злой ветер вдосталь баловался ее русым волосом, заметая его снежной мукой. Маленькая белая рука стиснула грудь в том месте, куда вылетела вражеская пуля. Правая рука крепко держала автомат, указывая путь на запад, на дорогу солдатской чести. Широко открытые голубые глаза как-то виновато и

жалостью смотрели в хмурое небо. Рядом с Галиной багряной лужицей застыл лед.

Под стон ветра опускался на израненную землю морозный вечер. Вокруг гудела метель, трещал мороз. А бойцы, опечаленные утратой, без шапок стояли около сестрички и не чувствовали, как на заросших щетинной щеках замерзали слезы. Без слов они клялись верной подруге, если им выпадет доля остаться в живых, они расскажут о ней своим детям и внукам, все сделают, чтобы жила память о ней и ее подвиге.

Журналист А. Чуринов обращается к мелочанам и просит вместе с погибшими в дни освобождения поселка от фашистских захватчиков называть имя Галины Шориной. Это она, не узнав счастья материнства, отдала свою молодую жизнь, чтобы дети и внуки наши росли и жили счастливо на земле.

...На северной окраине поселка, в нескольких сотнях метров от элеватора, расположилось артиллерийское подразделение. Получив приказ от комдива Гуревича, командир противотанкового орудия, старший сержант Шмыров Михаил прибыл в расчет.

— Фашисты мечутся, как в котле, — начал он, — В любой момент возможна вылазка танков в нашем направлении. Получен приказ: подпустить их на самое близкое расстояние и бить прямой наводкой.

Задача ясна, все сделаем, — с украинским акцентом и большой твердостью в голосе ответил за всех наводчик орудия Николай Буглак. Командир расчета и без заверения хорошо знал, что Николай Буглак и Иван Прусов, Андрей Жданов и Иван Щербачев — храбрые воины, что не пожалеют самой жизни, чтобы видеть Родину свободной от фашистов.

Рано утром следующего дня артиллеристы услышали сильный гул моторов.

— К бою! — скомандовал старший сержант Шмыров. Через несколько минут рев моторов усилился, и среди белой пыли сугробов появились фашистские танки. Они шли прямо на противотанковую батарею.

— Не стрелять... Еще ближе... ближе... — услышал он сзади приказ командира взвода лейтенанта Резника. Шмыров это и сам отлично понимал.

Пришла еще минута, другая. Танки, изрыгая клубы дыма, приближались удивительно быстро. Вслед за ними следовала пехота с

автоматами наготове. Батарее разделяет расстояние 350, 300, 250 метров...

— Огони! — снова скомандовал он. Ему вторили командиры расчетов соседних орудий. Метким огнем артиллеристов был подожжен еще один танк. Стальное чудовище вздрогнуло и замерло, окутанное черным дымом.

На этом и захлебнулась атака фашистов. Остальные танки повернули в обратном направлении. После боя личный состав батареи капитана Гуревича получил приказ начинать артподготовку перед штурмом поселка.

— Бить только по огневым точкам,» — еще раз предупредил Шмыров.

...Была глубокая ночь на 7-е января 1943 года. Стонала метель. Колочий снег заметал бойцов, лежащих в поле. Мороз сковал землю, сделал ее железной. Чтобы вырыть убежище, нагорнуть перед собой холмик для защиты от пуль и осколков, солдатам буквально приходилось вгрызаться в мерзлую землю. До рассвета оставалось семь часов.

В одной из хат хутора Ясный Промынь расположился командный пункт комбата Ивана Яюса. С артиллеристом капитаном Алешиним они составляли план боя за окраину Мелового. Бой должен начаться на рассвете. Командиров волновало то, что они не имели четкого представления о системе обороны врага.

Еще бы дня два пролежать нам в обороне, — не торопясь, говорил капитан Алешин, — разузнать бы огневую систему врага, сделать пристрелку. Вот тогда бы и наступать было легче.

Да еще бы разведку боем провести, — насмешливо продолжал комбат, — тогда бы порядок был. Говори — не говори, думай — не думай, а наступать через семь часов. Давай сейчас об этом не думать.

Заскрипели двери, и в комнату клубком ворвался морозный воздух. В этих клубах, словно из сказки, выросла коренастая фигура бойца в маскхалате. За его спиной стоял унтер офицер под конвоем автомата.

— Товарищ комбат, капитан Чечерев приказал доставить вам пленного, — четко отпортовал разведчик.

— Молодец, капитан, спасибо, ребята! Где вы эту птицу поймали?

Пленный весь дрожал. Одет был в тонкую шинельку, на голове пилотка. Конечно, это не защита от мороза. С помощью sergey Ивана Кузьменко офицеры начали допрос. Ничего нового он не

рассказал. Единственное, что он знал, что поселки подготовлены к обороне, есть артиллерия и танки. Показать на карте расположение огневых точек и узлов обороны пленный не мог. Видно было, что он этого не знал.

Когда пленного вывели, оба офицера задумались: как утром вести бой, чтобы крепко ударить и потерь иметь меньше. Обсудив все детали, они решили хотя бы часик отдохнуть. Но отдохнуть не удалось. Фашисты заметили выдвижение на позиции рот первого батальона гвардии старшего лейтенанта Федора Гарина и открыли по хутору шальной минометный огонь.

— Всем в укрытия, — подал команду комбат и первым спустился в крестьянский погреб, к телефонисту. Тот поддал ему трубку полевого телефона.

— Не спишь, комбат? — услышал он голос командира полка Мальцева. — Правильно делаешь, спать некогда, сынок. Думаю, что твой батальон к бою готов? Пройди в роты, поговори с бойцами, — советовал комполка, — не залегайте под огнем. Сближайтесь с немцем, прикрывая наступление пулеметами. Бери с собой артиллеристов, пусть огнем тебя поддерживают. Будь на КП и поддерживай со мной связь. Хочу тебя видеть в поселке живым и здоровым, — этими словами командир полка закончил свой разговор.

На КП Яюс возвратился за несколько минут до атаки, сияя с плеча автомат и только повернулся к двери, как в эту минуту они отырались, и четыре бойца внесли в комнату раненого комбата Гарина.

В его молодом теле еле теплилась жизнь. Наклонившись над товарищем, Иван Васильевич услышал шепот побелевших губ:

— Батальон к бою готов... Я, видимо, умираю... Жаль, не удалось... Пердай письмо жене... Пусть не ждет... Детей... — и на полуслове умолк навеки.

Рассвет 7-го января начался громовыми раскатами артиллерии. Подчас вздрагивала земля от взрывов, а потом поднялись стрелы роты и следом за огненным валом пошли на Меловое.

— За Отчизну, вперед! — загредел голос командира роты Чечерев.

— Вперед на прага! — стал впереди взвода лейтенант Клименко. Роты автоматчиков медленно по глубокому снегу приближались к окраине поселка. За спиной остался полукилометровый простор расчищенного поля. Но тут враг опомнился и открыл по ротам губительный пулеметно-минометный огонь. Заговорила артиллерия.

Недвижимыми бугорками зачернели на снегу тела убитых. Упал горячим лицом в снег двадцатилетний лейтенант Анатолий Клименко, порезанный осколком споткнулся и упал в снег Василий Дмитриевич Буряков.

Теряя бойцов, Яюс упорно продвигался к окраине поселка. Только под вечер бойцы достигли первых хат по улице Кирова.

Ночью фашисты зажигательными снарядами подожгли дома, в которых засели гвардейцы. Они, прикрываясь огнем, вынуждены были отойти на исходные позиции. А враг все усиливал натиск и уплотнял огонь.

В книге М.П.Смакотина «От Дона до Берлина» об этом дне сказано несколько лаконичных строк: «Однако в первый день боев не удалось сломить сопротивление врага. Полки, понеся значительные потери, отошли на исходные позиции». Мы привели только несколько эпизодов боев за поселки Меловое и Чертковое в этот день. Их можно привести множество. Заметим, что, отходя на исходные рубежи, бойцам подразделения Яюса весь день 8-го января пришлось лежать в снегу под прицельным пулеметно-минометным огнем. Раненых не было возможности эвакуировать с поля боя. И они, обессиленные, замерзали на снегу.

195-я КРАСНОЗНАМЕННАЯ В МЕЛОВСКОМ РАЙОНЕ

Слава об этом дне и часе не смолкнет никогда и потому, что этот день записали в историю Великой Отечественной войны: 18 декабря 1942 года. Россия вступила на землю Украины, чтобы освободить братьев-украинцев от гитлеровских оккупантов.

А произошло это так. 195-ая стрелковая дивизия, входившая в состав 1-й гвардейской армии 16 декабря начала наступление в районе излучины Дона. Наступление было упорным, стремительным, кровопролитным и успешным. Вот уже позади остались многие освобожденные от фашистов села Верхнемамонского, Богучарского и Кантемировского районов. Впереди раскинулись необъятные поля Украины. 195-й стрелковой дивизией командовал полковник Карун Василий Петрович, 1899 года рождения. Жена Вера Ивановна, сын Валерий и дочь Сусана проживали на станции Морозовская Ростовской области.

По нашим меркам, он был почти нашим земляком. Василий Петрович Карун — кадровый командир Красной Армии, имел медаль «XX лет РККА», служил на командных должностях в кавалерии. Он был крепко сколочен, с крупными чертами мужественного лица, обладал бесстрашием и отвагой лихого конника. Имея боевой опыт, он легко осваивался с новой обстановкой, быстро сходилась с людьми. Василия Петровича многие знали, любили и по его зову готовы были выполнить любое боевое задание. За боевой путь дивизии и за освобождение г. Старобельска В.П.Каруну присвоено звание генерал-майора.

Начальником политотдела дивизии был майор Горынин Василий Федорович. Родился в 1903 году, комсомолец с 1921 года, в КПСС с 1924 г., полковник в отставке.

Горынин Василий Федорович родился в деревне Бурцево Горьковской области в семье крестьянина-бедняка. Трудовую жизнь начал в 14 лет. Окончил пединститут и аспирантуру института Красной профессуры. Кандидат философских наук, доцент, преподавал курсы марксизма-ленинизма, был заместителем декана исторического факультета и заведующим кафедрой философии в Ленинградском университете, преподавателем марксизма-ленинизма в Военно-политической Академии им. В.И.Ленина.

57-я ГВАРДЕЙСКАЯ В ДЕЙСТВИИ

В рядах Красной Армии с 1939 года. Начальником политотдела 195-й стрелковой дивизии назначен, с первого дня ее формирования, в Абдулино. Василий Федорович был толковым и добрым наставником, умелым организатором. Его выступления всегда были содержательными, понятными, мобилизующими воинов дивизии на ратные подвиги. Он участвовал в боях на Воронежском и Юго-западном фронтах, в освобождении украинской земли, города Старобельск...

В первом эшелоне дивизии шел 573 полк, с воинами которого шел майор Чуринов Александр Иванович, заместитель начальника политотдела 195-й стрелковой дивизии. Родился в 1905 года, комсомолец с 1920 года, в Компартии с 1931 года, в рядах Красной Армии с 1938 года. Образование высшее, уроженец станции Зима Иркутской области. Участвовал в боях на Ленинградском, Воронежском и Юго-Западном фронтах. На Ленинградском фронте был ранен.

Как представитель политотдела 195-й, при освобождении района он находился в 573 стрелковом полку все огненные дни сражений.

Густые снегопады, метели и бураны мешали продвижению полка. Перед воинами образовалась непролазная снежная стена, сквозь которую ни люди, ни лошади, ни машины не могли пробиться. Командир 362-го саперного батальона вывел своих бойцов на расчистку дороги. На помощь пришло местное население. И вот воины 573-го полка врываюся в первые села Украины — Пивневку, Никольское, Морозовку. Радости было много, как у бойцов полка, так и у местных жителей, которые встречали их с сердечной теплотой, со слезами радости на глазах и говорили: «Мы знали, что Россия придет на помощь Украине».

Итак, 18 декабря 1942 года стало исторической датой начала освобождения Украины. И первопроходцами были воины 573-го полка, которые успешно провели бои за освобождение большинства сел Меловского района: Зориковки, Новоникольска, Стрельцовки, Новострельцовки, Калмыковки, Великоцка и других сел. К началу января практически все села Меловского района были освобождены.

Между тем, борьба за полное освобождение района продолжалась. Главные силы 195-й дивизии заняли рубеж Марковка — Бондаровка, Марковка — Морозовка. Они оседлали шоссевую арку Меловое-Беловодск, стойко обороняя ее от попыток врага завладеть этой стратегически важной дорогой.

На небольшом пятачке Меловое-Чертково было сосредоточено три дивизии: 35-я, 41-я, 57-я. Они окружили гарнизон гитлеровцев в веле жестокий бой.

К началу 1943 года стремительные операции Советской Армии успешно развивались. Фронт противника протяженностью в сотни километров рушился. 57-я гвардейская стрелковая дивизия, разгромив превосходящие силы противника в районе Монастырщины и Мингулинской, продолжали преследовать его разбитые части в на правлении п. Чертково.

К 9 часам утра 2-го января 1943 года дивизия вышла на рубеж Тарасовка, Бондаровка, Касьяновка, в 8—12 километрах юго-восточнее Чертково. До поселка оставалось всего несколько километров. Путь к поселку в январскую стужу был тяжелым.

В первом эшелоне справа наступал 172-й (563), слева 174-й (566) гвардейские стрелковые полки. Во втором эшелоне 170-й (557) гвардейский стрелковый полк, 128-й (1035) гвардейский полк были распределены как артиллерийский, подивизионно, между полками первого эшелона дивизии. Неутомимые труженики, воины саперы прокладывали колонные пути по направлениям движения пехоты и танков.

В этой дивизии был 174-й гвардейский стрелковый полк, а при нем — взвод разведки из 18 человек. Взводом командовал лихой разведчик Алексей Семесович Сыровкаша. Еще 27 декабря разведчики отправились на окраиши поселка Чертково, окопались в глубоком снегу. Перед ними была поставлена задача: обнаружить огневые точки противника и сосредоточение техники. Трое суток наблюдали разведчики. Днем, как говорится, работали глазами, а ночью слухом. Все запомнили. С донесением отправили одного разведчика. С ним условились, что после передачи данных в штаб полка, разведчик возвратится. Местом встречи назначили хутор Ежачий. Среди разведчиков был И. Комнатный. Родом он из с. Ольховчик Чертковского района. Как ему хотелось побывать дома, увидеть родных и близких! Но приказ пошел в полк с донесением, а остальные — к хутору. Спрятались в оврагом на занесенных снегом оврагов. Когда ступили на землю Украины, Комнатный сказал товарищам, что они уже на украинской земле.

1-го января, когда светало, они увидели перед собой хутор. Из хутора начал подниматься дымок — значит хозяева проснулись. Немцев не было видно. Комнатный осторожно подошел к крайней хате.

На стук в окно вышла женщина. На вопрос о немцах ответила, что их в хуторе нет, а полицейский куда-то уехал вчера. Комнатный

подал знак товарищам. Через несколько минут подошли Владимир Калугин, Николай Шуваев и Сергей Гладышев. Зашли в хату.

Известие о прибытии советских бойцов быстро облетело хутор. Почти с каждой хаты шли к шим люди, в основном женщины и подростки. Угощали их горячими кукурузными коржиками. Кушали их бойцы и благодарили. Были эти лепешки для солдат слаще меда. Поблагодарили их бойцы и собрались в дорогу. Служба есть служба. Пошли к врагу и по своим следам в расположение части.

3-го января 1943 года передовые отряды 172-го и 174-го гвардейских полков во взаимодействии с частями 41-й и 35-й гвардейских дивизий подошли к Чертково и блокировали его со всех сторон. Справа части 38-й развивали наступление севернее Чертково, слева 90-ая стрелковая дивизия наступала южнее поселка. Успешные наступательные действия соседей должны были способствовать успеху частей 57-й, 35-й и 41-й гвардейских дивизий в штурме Мелового и Чертково.

...Над заснеженными степными просторами нависла холодная и злая степная ночь. Свистела и выла пурга, бросая в лица бойцов колючий снег.

Степную дорогу Великоцк—Ясный Проминь, по которой шел батальон молодого капитана Ивана Яюса, замечали снеговые заносы. Идти бойцам было тяжело. Неуклюжие и грубые валенки скользили в снегу, бойцы выбивались из сил. А впереди их ожидал жестокий бой.

Комбат И. Яюс шел рядом с замполитом батальона И. Н. Максимовым. Прислушиваясь, о чем говорят бойцы, думал, как выполнить боевое задание и сберечь бойцов. Бывал он в боях много раз, боевое крещение принимал не впервые, и сейчас он хорошо понимал, что наступающие бои с окруженным врагом ничего хорошего не сулят, бои будут нелегкими.

— Что молчишь, комбат? Чего задумался? — нарушил молчание Максимов. Комбат ответил не сразу:

— Из хутора фашистов мы выгоним сразу. А вот посидеть в хуторе, отдохнуть да обогреться, видимо, не придется. Времени нет, время не ждет. Нам нужно подбирать позицию для наступления на Меловое. Вот это меня беспокоит, выдержат ли бойцы такую нагрузку.

— А может мы внезапно ворвемся на окраину Мелового и закрепимся в домах? — высказал свою мысль Максимов.

— Попробуем, хоть наше задание и ограниченное — выбить врага из хутора и закрепиться на выгодных позициях.

— Успеем ли к двадцати двум подойти к Ясному Проминю? — спросил комиссар.

— Успеем. Должны прибыть в срок.

Шли, дышали тяжело, на ходу уточняли детали предстоящей операции.

— Будем атаковать одновременно всеми силами, — проговорил комбат. Взвод лейтенанта Дюбина скрытно подходит к Ясному

Проминю и ожидает моего сигнала «Красная ракета». Мы же с тремя ротами обходим хутор с правой стороны и уничтожаем охрану противника. Согласен с таким планом, комиссар?

— Согласен, — ответил Максимов.

— Ну, тогда будем действовать. До хутора остается менее двух километров. Нужно выслать вперед взвод лейтенанта Дюбина с ротой капитана Чечерева.

К Яюсу прибыл лейтенант Дюбин. Комбат и командир взвода сверили часы и наметили время атаки — это первый час ночи.

Через несколько минут к комбату Яюсу подъехал на сером коне офицер. Он представился капитаном Алешкиным, командиром 1-го артдивизиона 128 артполка и доложил, что его артиллеристы переданы в помощь батальону Яюса.

А вот и хутор. Стрелки часов приближаются к часу ночи. Бойцы загляли прямо в снег, в ожидаши сигнала «Красная ракета». Пурга не стихала. Снегом заметала бойцов, а они, промерзая до костей, готовы были идти скорее в атаку, лишь бы не лежать в этом снежном холодном воюющем аду.

Связной от лейтенанта Дюбина доложил, что взвод находится в пятистах метрах от хутора, что немцы не спят, во всех хатах светятся окна.

— Хорошо. Молодец. Возвращаясь к взводу и передай лейтенанту, что задание для бойцов остается то же, — комбат посмотрел на часы, сейчас начинаем.

Капитан поднял вверх руку с ракетницей и выстрелил. Красный светок взлетел высоко в небо и осветил розовым светом заснеженную степь.

Ракета еще не потухла, как ударили орудия прибывшего артдивизиона по позициям боевой охраны врага. Снаряды со свистом и воем пронеслись над головами бойцов и с грохотом разрывались на разрывной высоте за хутором, поднимая вверх фонтаны мерзлой земли. Но вот и последний снаряд разорвался на вражеских позициях —

атрподготовка закончилась, и тишину нарушил чистый голос комиссара Ивана Максимова: «За Родину! Гвардейцы вперед! Ура!». — Во весь голос крикнул он и первым поднялся в атаку. За ним бросились вперед все три стрелковые роты батальона.

А в это время взвод лейтенанта Дюбина ворвался в хутор Ясный Проминь и завязал бой. Командир седьмой роты капитан Ф. Чечерев бежал впереди своих бойцов, оглядывался назад и снова бежал по глубокому снегу, держа правой рукой наган. А вот и вражеская траншея — гитлеровцы не выдержали такого натиска и побежали.

Так внезапным и решительным ударом батальон капитана Явса занял позиции боевой охраны гитлеровцев, овладев хутором Ясный Проминь, расположенным в одном километре от п. Меловое.

Наступило 6-е января 1943 года. Таким образом был обеспечен для 170-го стрелкового полка походный рубеж для развертывания наступления на гарнизон фашистов в Меловом.

В книге Смакотина «От Дона до Берлина» говорится, что перед штурмом противнику было предложено сложить оружие и капитулировать. Но фашистское командование отказалось принять это гуманное предложение.

Разными судьбами отозвались бои за Меловое и Чертково у людей, которым пришлось штурмовать наши поселки. А на штурм шли солдаты разных национальностей. Для них Чертково и Меловое были частицей их Великой Родины — Советского Союза. Вот что вспоминает о первых днях наступления бывший красноармеец из Кабардино-Балкарии Хамруд Умаров. Он называет немецкую оборону Чертково и Мелового крепким орешком. «Орешек, — говорит он, — был таким крепким, что первой гвардейской армии понадобилось несколько недель кровопролитных боев, чтобы его расколоть». И в этих боях была обожжена и закалена судьба дагестанского аскера Хамруда Умарова. Он прошел по войне от ее первого дня до последнего. На этом пути главной вершиной солдатской судьбы Хамруд назвал бой за Меловое и Чертково.

Еще 3-го января 1943 года передовой отряд 57-й гвардейской пехоты подошел к окрестностям поселка и завязал бой с фашистами. Фашисты засели в обустроенных каменных строениях в траншеях, а наш солдат лежал под небом на снегу. Ряды отрядов катастрофично сокращались после каждого боя. Надеждой осветились лица бойцов, когда вывели сюда основные силы дивизии. Именно они плотно закрыли кольцо окружения, и надежно пересекли с севера и юга железнодорожную

линию Воронеж-Ростов. Хамруд Умаров был снайпером и думал, что теперь фашистам нет иного выхода, как прекратить оборону и сдать в плен, но вышло все иначе.

Хамруду пришлось прикрывать своей снайперской винтовкой парламентариев, которые понесли ультиматум немцам. Думалось, что возвращение парламентариев принесет прекращение боя, и на заснеженной, застуженной и заметеной первой пяди украинской земли прекратится кровопролитие, и замолчит язык оружия.

Но фашисты решительно отвергли предложение сложить оружие, и в поселке и на его окраинах заремели жестокие бои, и заговорила снайперская винтовка и автомат Умарова. Безжалостная смерть выкашивала ряды тех, кто шел в атаку, освобождал поселок от фашистских крыс, зарывшихся в нем.

...Штурм назначен на 7-е января. Из боевого приказа дивизии за № 17 от 6 января 1943 года и плановой таблицы, составленных на первый день боя, командирам частей стало известно, что 57-ая гвардейская стрелковая дивизия (без 174 полка) со 122-м стрелковым полком 41-й гвардейской стрелковой дивизии одним артиллерийским дивизионом 303-го гвардейского минометного полка в 6 часов утра 7-го января 1943 года прорвут оборону противника на юго-западной окраине пос. Меловое (южная окраина Чертково). Во взаимодействии с частями 35-й гвардейской дивизии, которая была введена в бой юго-восточнее Чертково, с ближайшей задачей овладеть Меловым и центральной частью Чертково, где соединиться с частями 41-й гвардейской стрелковой дивизии.

170-му гвардейскому стрелковому полку, усиленному 3-й батальоном 112-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона и взводом саперов 334-го отдельного саперного батальона ставилась задача прорвать оборону противника на южной окраине и овладеть центральной частью Чертково.

В дальнейшем наступать на северную окраину вдоль дороги, ведущей из Чертково на х. Горобцовский. Кроме того, полк при поддержке 1-го артиллерийского дивизиона 128-го гвардейского артиллерийского полка в течение 6-го января должен был сбить боевое охранение противника севернее Ясного Проминя и занять исходное положение для атаки в одном километре южнее Мелового.

172-му гвардейскому стрелковому полку (без одной роты) одной батарее 412-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, взводу саперов 334-го отдельного саперного батальона,

122-му стрелковому полку 41-й гвардейской дивизии ставилась задача прорвать оборону противника на юго-западной окраине Чертково и овладеть районом железнодорожной станции с последующим развитием наступления на северо-восточную часть Чертково.

Боевые действия полка поддерживались 128-м гвардейским полком (без первого дивизиона) и одним артиллерийским дивизионом 41-й гвардейской дивизии.

122-му стрелковому полку приказывалось прорвать оборону врага на участке северо-западнее Меловое—Чертково, уничтожить противника в районе элеватора и развить наступление на северо-восточную окраину. На время прорыва обороны врага и для уничтожения его в Чертково полку передавался один артиллерийский дивизион 41-й гвардейской стрелковой дивизии.

КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ

Сразу же после отказа от капитуляции фашистское командование сосредоточило на узком участке южнее Мелового 20 танков и самоходных артиллерийских установок. Немцы стремительно напали на позиции 170-го гвардейского стрелкового полка, который тут закрепился. Дорогу врагу преградили взвод лейтенанта Лысакова. Плечом к плечу дрались в этом взводе за каждую пядь украинской земли воины разных национальностей. Командир первым бросил связку гранат под гусеницы танка. Прогрел взрыв. Машина остановилась. Но в этот миг вражеская пуля настигла Лысакова. Пала в снег, командир приказал своим солдатам: «Стоять на смерти!». И тогда побежал вперед сержант Хамат Шамсиев. «Мстим за командира!» — крикнул он. В неравный поединок с фашистскими танками вступили солдаты Федор Иванович Суал, Николай Павлович Смирнов. Десять из четырнадцати гвардейцев погибли, но враг не прошел. Кольцо сжималось и затягивалось. Поселки были хорошо подготовлены к круговой обороне. Гарнизон противника был подготовлен к отражению на длительное время.

Готовились к решительной схватке и наши части.

3-го января в с. Великоцк прибыл штаб 57-й гвардейской дивизии. Вокруг не было врага, он окопался в Чертково и Меловое. Штаб с малочисленной охраной оказался в тылу вражеских частей. При штабе был взвод ПТР, которым командовал П. Калинин. Девять противотанковых ружей замаскировали в сараях на восточной окраине села так, чтобы они держали под огнем дорогу из Мелового на Великоцк. Ударить по штабу дивизии немцам никто не мешал — полки в это время, т. е. 3 января, еще не взяли в плотное кольцо вражескую группировку. Теперь штаб и бойцы взвода могли быть атакованы превосходящими силами фашистов. Вероятнее всего, их нужно было выводить из Мелового. Подошли еще три роты. И они главные свои силы и огневые средства повернули фронтом на восток.

Тихое утро 4-го января 1943 года поднималось в тревоге и неспокойствии. Первая половина дня прошла в тревожном ожидании. П. Калинин понимал, в каком затруднительном положении он находится, поначалу и свою ответственность за судьбу штаба. Но больше всего его беспокоила неизвестность обстановки. Он также как и бойцы стрелковых частей быстрее прояснить ее боем, хотя и не знал, каким он окажется. Но с облегчением вздохнули, когда разведчики донесли, что из

Мелового на них идут десять танков с десантом. Это было обычным — впереди враг, а значит — будет бой, а за ним победа или смерть.

Калинин окинул взглядом поле и понял, что перед позициями пригорки и выбоины, и фашистам легко их обойти и ударить по штабу. От такого заключения ему стало не по себе, и он почувствовал, словно ему кто-то за ворот положил большую горсть льда. Он поежился. Но тут же решил расположить бронейщиков уступом на запад, поставив два отделения недалеко от штаба, чтобы прикрыть его на случай прорыва фашистских танков.

И вот из-за бугора высоты появились десять черных точек. Они фронтом приближались к позициям бронейщиков. Их расчеты занервничали, как всегда бывает перед боем. Средний танк двигался прямо на расчет сержанта Беликова. Расстояние сокращалось медленно. Танки останавливались, ожидая автоматчиков. Беликов с бледным и ставшим суровым лицом раз за разом припадает щекой к холодному прикладу ружья, удобнее его умачивает на снежном бруствере.

— Ну, чего они тянут?! — посмотрел на Калинина наводчик сержант Иван Черемухин: — Лезли б уж быстрее, — и в голосе его были слышны беспокойство и страх.

Калинин тоже чувствовал себя не совсем хорошо. Вчера не успели выкопать окопы, а в снегу какая защита от пушек и пулеметов, тем более от гусениц. Все это он представил себе, и перед глазами поплыло видение, как на картинке: танки с черными крестами давят его расчеты. Он внимательнее всмотрелся вдаль и стал определять и высчитывать расстояние от танков к расчетам. Чтобы немного подержать себя и бойцов стал выкрикивать: расстояние к передней машине 150—120—100 метров!

— Подготовиться к бою по движущимся целям, — подавал он команду расчетам. — Прицел 600 метров. Огонь по моей команде.

И определил бугорок, который казался ему как раз на этом расстоянии.

Нарастал гул моторов. Передняя машина спряталась на вину этот бугорок, а потом вдруг неожиданно накрыла его широкими блестящими гусеницами, подняла его прямо вверх, и из пушки, что смотрела прямо в поле, вылетел снап огня. Танк выстрелил.

— По фашистским танкам — огонь! — крикнул Калинин, но не услышал ни выстрела танковой пушки, ни разрыва снаряда. Зато действительно услышал семь выстрелов противотанковых ружей. Но

смотрел в бинокль и увидел, как вычерчивают искры на броне головного танка, попавшие в цель ружейные выстрелы. А он все также медленно движется облепленный людскими фигурами. Прислушался и услышал, как горячо разговаривают «максимы» — значит, пехоту взяли на себя бойцы командирской роты. Вдруг по броне танка побежал огонек, а потом из него повалил дым. Танк остановился, дал задний ход. Остановились и другие машины. Открыли шальной пулеметный огонь. Чаще стали разговаривать очереди нашего «максима», зачастили хлопки винтовок.

С тремя расчетами сержанта Мещерякова Калинин выбегает из сарая в поле. И прямо лежа на снегу, открывают огонь по врагу. Лейтенант бросает взгляд на головной танк — он уже не дымится и, отходя медленно назад, ведет пушечный огонь. Но вот прозвучал выстрел бронейщика Брехова, и по броне вновь побежали языки пламени. Лейтенант ложится за ружье Брехова и ведет прицел по танку, который сирава хочет прикрыть головную машину. Выстрел! Приклад больше бьет лейтенанта в плечо и на полметра отсыпывает его по снегу назад. И слышит он радостный возглас: «Попали! И этот горит!». Мгновение... «И еще один горит! И это уже радость!» - кричит один из автоматчиков роты прибывшей сейчас на помощь. Засняли лица у бойцов. Лейтенант вытирает потный лоб и дает команду усилить огонь. Брошированные чудовища, ревя моторами, дали задний ход и скрылись в лощине. За ними рванулась пехота. Загремело «Урал», и через позиции бронейщиков устремились за врагом автоматчики 174-го стрелкового полка.

Враг не принял боя и поспешно отошел в Меловое. Ночь, которая наступила как-то неожиданно, остановила бой.

В эту ночь, комдив генерал-майор А.П.Карнов награждал командиров, бравших участие в бою, медалями «За отвагу». Немного погодя получили награды сержанты Егоров, Демин, Мещеряков, Брехов, Беликов, Кандалов, Черемухин, Абрамов, Куропаткин, Шувалов, Яковлев, Михеев, Лаптев, Исаков, Дружинин, Воронин, Анисимов. Все они были колхозниками Куйбышевской области, которые восемь месяцев назад взяли винтовки, став на защиту Родины. Это были мужчины 40—45 лет. Дома их ждали жены и дети с победой. А взвод лейтенанта Калинина защищал степное село Великоцк и шел на штурм

Взвод бронейщиков простоял в Великоцке до завершения боев в Меловое.

Лейтенант стоял на квартире у солдатки Анастасии Паламарчук, которая воспитывала двух сынов своего брата, а брат, как и ее муж, воевал на фронте с врагом. Лейтенант сам был молод и нуждался в крепкой дружбе, а такими друзьями стали дети, воспитанники Насти Паламарчук. Свой офицерский паек он отдавал детям, как мог старался улучшить их долю. В 1981 году подполковник в отставке П. Калинин побывал в Великошке. Проходя уличками, он узнал дом, где жила Анастасия, и очень обрадовался, что отец детей возвратился с войны, но болью по сердцу прошло известие о смерти хозяйки, которая так и не дождалась с фронта своего мужа.

...Подразделение, в котором служил командиром пулеметного расчета бывший фронтовик, а потом инженер Жигулевской конторы треста «Куйбышевтехснабнефть» Александр Семенович Некрасов, в ночь на 4-е января 1943 после пятисуточного отдыха двинулось маршем в направлении Чертково.

Переход был не из легких: 25—30 километров в зимнюю ночь по бездорожью, снежною целиною. А к утру нужно подойти к Чертково с разных сторон и начать ликвидацию войск фашистского гарнизона.

На рассвете штаб гвардейской дивизии со своими отрядами, под прикрытием комендантской роты, разместились в с. Великошка. Естественно, подразделения еще не успели занять свои рубежи, связи между ними и штабом отсутствовали.

Командование войск немецкого гарнизона в Чертково и Меловом, вероятно, почувствовало какое-то изменение в линии окружения. В 7 часов утра, без всякой артиллерийской подготовки предпринял прорыв в направлении сел Великошка и Стрельцовка, где оказался в тисках небольшой гарнизон фашистских войск, имеющий цель соединиться с ними и вывести остатки своих войск из окружения.

Однако пехота противника, уже порядком измотанная отступлением и осадными боями у Мелового, в самом начале боя была прижата к снежному ковру автоматной-пулеметным огнем и отрезана от танков. Танки, получив неожиданный фланговый огонь 45-миллиметрового орудия и противотанковых ружей, стали спешно отходить в своей пехоте, беспорядочно обстреливая окрестности.

Наше командование, оценив обстановку, вывело на эту позицию три 122-миллиметровых орудия и подтянуло саперный батальон. Бой усиливался. Расположение боевых позиций было не в пользу противника. Боевые порядки врага на заснеженном поле, за закрытые маленьким перевалом, позволяли орудийно-пулеметно-

точками вести постоянный, прицельный огонь. Вражеские танки не рисковали выйти из-за укрытий.

Но время атаки противника приближалось, так как другого выхода у него не было. Перед красноармейцами стояла одна задача: удержать врага, не дать ему уйти до подхода основных сил 57-й гвардейской дивизии.

Наконец, из-за перевала показались немецкие танки. Прикрывая свою пехоту, они двигались на наши позиции, фашистов и красноармейцев разделяло 300—400 метров. Но для отпора атаки врага все было готово. Точный прицельный огонь наших орудий мгновенно заставил два головных танка врага застыть на месте. Еще мгновение — и эта же участь постигла третий танк. Пехота противника находилась под обстрелом комендантской роты.

Не выдержав огня наших орудий, немецкие танки, подставляя лобовую броню, стали постепенно уходить назад, увлекая за собой пехотинцев.

Обстановка для противника усложнялась: ощущались потери в технике и живой силе. А тут еще саперный батальон, действующий на левом крыле, вышел на фланг противника и внес дополнительное расстройство боевых порядков врага.

Вражеская атака захлебнулась. Бой принял затяжной характер. Враги уже перевалили за полдень, когда немцы предприняли новую попытку к наступлению, но были остановлены в самом начале. Потеряв еще один танк и значительное количество солдат, фашисты отошли на свои исходные позиции. На поле боя дымился танк, подбитый нашим 45-миллиметровым орудием.

В 15.00 враг начал беспорядочно отходить к Меловому, преследуемый огнем артиллерии и саперным батальоном. А примсрно через час подоспевший дивизион гвардейских минометов окончательно замкнул кольцо. Гарнизон противника в Чертково и Меловом был окружен. При попытке вырваться из окружения он потерял 4 танка и около 200 убитыми и ранеными.

Обстановка для немецкого гарнизона еще больше усложнилась. На следующий день линия фронта ушла на запад на 80—100 км. Немецкое командование еще надеялось вывести свои войска из окружения.

В это время в Миллерово была окружена более крупная группировка противника, на соединение с которой, вероятно, рассчитывал чертковско-меловский гарнизон после неудачи сблизиться со стрельцовским.

Каждый час осадного положения сокращал его боеприпасы и продовольствие. Помощь с воздуха была почти что исключена, так как небо над Чертково и Меловым надежно охранялось нашей авиацией. Самолеты противника, пытавшиеся прорваться и сбросить груз, как правило, не достигали цели и уходили обратно.

Немцы в поселке. Наши войска у поселка на открытой местности. Начинать бой не было смысла — могли быть неисчислимые потери. Командование подтягивало войска.

...Полк тяжелой артиллерии, в котором служил старшина Григорий Жовтоноженко, житель села Новониколюк Меловского района, разместился в селе Маньково и начал пристреливать свои орудия по поселкам, на окраинах которых вела бои наша пехота.

4-го января 1943 года вызвал его к себе командир батареи старший лейтенант Фурманов и сказал: Перед нашими батареями поставлена задача — на утро 5-го января перебазироваться в с. Великоцк и поддерживать там огнем наших пехотинцев.

— Ты, — говорит старший лейтенант, — товарищ старшина, сам меловский, хорошо знаешь местность, проводи так, чтобы мы в назначенный срок были на месте и оказали помощь нашим частям.

Радостно забилось сердце у Григория. Еще бы! Он ступит на родную землю! Меловские степные просторы были ему знакомы с детства, все тропинки он обходил по несколько раз. Но лютая снежная зима, не умолкающая пурга затрудняли путь, надо выбрать такое направление, чтобы перейти железную дорогу, чтобы тяжёлая артиллерия могла пройти по заснеженным степным дорогам. Железная дорога Чертково-Кантемировка была еще в руках немцев, значит, переходить нужно в районе Маньковского переезда, а оттуда в степь. Жовтоноженко предложил этот путь, и командиры согласились с ним.

С группой автоматчиков, выданных ему для разведки, он отправился вперед. Через километр за ними двигалась артиллерия. Быстро добрались до железнодорожной насыпи, а перейти через нее не смогли. Лесополоса по верхушки деревьев была забита снегом, а тягачи никак не смогли преодолеть преграду. Тогда двинулись во второй будке (так назывались каменные дома, в которых жили обозники), где есть участок дороги не обсаженный деревьями.

И вот Григорий Жовтоноженко уже на родной украинской земле. Перед селом Криничным (тогда хутор Ежачий) наткнулись на шестидесятка фашистов. Короткая перестрелка и разведывательная группа

их уничтожила. Путь на село Великоцк был свободен. Сообщили начальству, сами вышли на окраину села.

5 января на рассвете, на два часа раньше установленного срока, батарея заняла позиции на Красном бугре в лесополосе по дороге Великоцк—Меловое. Пехотинцам здесь было нелегко. В левой стороне от расположения артиллеристов стояли разбитые вражеские танки и пушки. Это были следы недавнего боя. За успешное выполнение задания Жовтоноженко получил благодарность от командования дивизии, а командир батареи Фурманов разрешил ему побывать в родном селе Новониколюк, которое несколько дней назад было освобождено. Через несколько часов пешего хода он спускался в родное село.

...5-го января 1943 года подразделения 172-го стрелкового полка залегли под плотным огнем в районе элеватора на северо-западной окраине Мелового. Один за другим забегали бойцы в кирпичный подвал погреться. От неровного мигающего огня «Катюши» (так назывались континки, освещающие помещения) тень Дмитрия Игнатовича качалась то в одну, то в другую сторону, он увлеченно рассказывал что-то забывшимся по углам солдатам. Бывший учитель, а сейчас политрук роты, увлеченно говорил бойцам о походах Александра Македонского, о восстании гладиаторов Древнего Рима под предводительством Спартака, о герою гражданской войны Чапаеве. Его мягкий баритон вел слушателей за Блюхером по белоохранительским тылам, кидая на штурм Перекопа, ставил в ряды воинов Александра Невского на Чудском озере, в роты командарма Чуйкова в пылающем Сталинграде.

И каждый слушатель с удовлетворенным чувством проникался ответственностью за судьбу Родины, делался после таких бесед смелее и решительнее. А политрук зажигал самокрутку и мечтательно вел разговор о недалекой победе над фашизмом, верил, что все бойцы должны дойти до нее.

— Фашист драпает со всех ног, — говорил он. — Скоро мы разведем эту гадину и солнце счастья и тепла разольется по нашей земле. Сдадим на склады свое оружие, поменяем его на орала, возьмем их в руки, и дошумит поля наши тучным золотистым пшеничным колосом... Да, и жизнь, братцы, прекрасная настанет! Только, чур, ребята, сразу не всей ротой ко мне в гости! Эх!... — мечтательно закрывал глаза политрук. — Страшно вкусные блины готовит моя Таня. Ей-ей! Вы там в жизни не пробовали! Приедете — не пожалеете...

Резко открылись двери подвала, и неожиданно поднял всех тревожный голос: «Тревога! Фашист пошел в атаку!».

Первым с автоматом в правой руке выскочил политрук Игнатов и повел за собой бойцов в окопы, выкопанные из снега. Вокруг свистели пули, рвались мины. Вражеские автоматчики упорно лезли на оборону роты. Настал такой момент, что казалось, удержать их ничем нельзя. Прошлый пулеметной очередью упал на окровавленный снег командир роты Китаев. Из роты осталось половина бойцов. Из четырех взводных в живых остался только взводный лейтенант Оськин. Пушечные и минометные взрывы поднимали снег с мерзлой землей, ссыли вокруг смерть. И тогда в дыму и пламени перед бойцами поднималась стройная фигура политрука Игнатова.

— Гвардейцы, вперед! Бей фашистских людоедов! — загремел его сильный голос.

В атаку поднялись все, кто уцелел в этом аду. И фашисты были отброшены от элеватора. Их трупы застлали густо поле боя. Но эта победа не радовала бойцов. Многие не вернулись из боя. Рота потеряла и своего политрука Игнатова. Бойцы прощались со своим любимцем. Длинный, с суровым лицом, лежал он на патронных ящиках в том подвале, из которого вел роту в бой. Бойцы в суровом молчании склонили головы.

На второй день в братскую могилу на западной окраине Мелового положили товарищи 62-х гвардейцев 172 стрелкового полка и политрука роты Игнатова Дмитрия Игнатовича. Лейтенант Оськин, тот, что заменил выбывшего комроты Китаева, долго и трудно писал горькое письмо жене Татьяне Романовне. Пустыми и ненужными казались ему слова о мужестве и преданности политрука великой Родине и любовь к нему солдат гвардейской роты. И какими бы не были эти слова добрыми, они несли в деревню Ногаткино Ногатинского района Куйбышевской области невысказанную горечь утраты и нестерпимую боль. А в сердце нового ротного они оставляли личерную печаль, будили ненависть к войне, к смерти, к врагам, кто ее сеют.

Хотя и морозным был январь 1943 года, хотя он был и снежным, заметал дороги, сковывал реки, а фронт, как огромная машина пыхтел, гремел, обжигал нахмуренный горизонт огнем и неустанно двигался на запад.

Вот из сумрака вырисовывались хатки украинского села. Над команды над колонной птицей взлетала походная солдатская песня.

Из уцелелых хат, погребов выбегали женщины, детвора и со слезами припадали к груди солдат. Солдаты брали на руки детей, угощали сухарями, темными кусочками сахара. У каждого из них или где-то в тылу, или где-то там впереди за линией фронта были такие же беззащитные сыны и дочери, племянники и внуки, братья и сестры. Население радостно обдалось с освободителями, а ротный кашевар упражнялся у котла. А вскоре в нетопленных хатах солдаты с крестьянскими семьями ласовали армейским кулешем. Короткая передышка — и снова на запад...

А в районе Мелового гремели бои, и часть, которая пришла в это небольшое село, вгрызаясь в мерзлую землю, возобновляла железнодорожную узкоколейку, чтобы по ней подвозить боеприпасы и продовольствие для фронта. Работа изнуряла бойцов, и они короткие ночи проводили в открытом поле в наспех сделанных палатках. Полотно восстановили, а поезд не шли — железную дорогу занесло снегом. И тогда на помощь вышло все село. Полуголодные дети и женщины наравне с солдатами очищали снег. И поезд пошел. А вместе с ними и подразделение покинуло станцию Шелестовка.

Войска готовились к штурму блокированного в Чертково и Меловом вражеского гарнизона.

КАПИТАН ФЕДОСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕЧЕРЕВ

Для бессмертия пужен подвиг. Но кроме этого пужю, чтобы этот подвиг жил и хранился в народной памяти. Бывают случаи, когда память народная остается свежей во все века и передает поколениям имя героя некогда спасшего жизнь сотням людей. Сказки и предания повествуют нам, как один смелый богатырь в единоборстве с чудовищем спасает детей и девушек от неминуемой смерти, освобождает жителей города или целого государства от насилия и издевательства. Подобно этим сказочным героям был и подвиг, совершенный на нашей меловской земле офицером Советской Армии, капитаном Федосеем Николаевичем Чечеревым.

Я хочу рассказать о подвиге, совершенном человеком в солдатской шинели с пылающим сердцем горьковского Данко, сердцем, переполненным любовью к людям, к своей Отчизне.

Время неумолимо отделяет нас от героических событий Великой Отечественной войны. Но время бессильно вычеркнуть из народной памяти имена и подвиги тех, кто не дрогнул в час испытаний, кто принес себя в жертву, чтобы миллионы обрели себе счастье.

Из уст в уста передается рассказ о том, как в далеком 1943 году при штурме поселка Меловое погиб гвардии капитан, заместитель командира по политчасти Чечерев Федосей Николаевич. Передо мной статья, помещенная в «Комсомольской правде» от 13 февраля 1943 года. Изменившие свой цвет от пыли и времени рядки сообщают: «...Во время боев за освобождение поселка Меловое Ворошиловградской области пал смертью храбрых Герой Советского Союза дважды орденносец, гвардии капитан Ф. Н. Чечерев и командир роты автоматчиков орденносец лейтенант Федотов.

Капитан Чечерев с группой бойцов вел бой, когда неожиданно на него двинулся мощный немецкий танк. Бесстрашный капитан бросился под гусеницы со связкой гранат и своим подвигом спас жизнь десяткам бойцов, принимавших участие в этом бою.

Исполком Меловского районного совета постановил увековечить память героев. Центральная площадь поселка переименована в площадь имени Ф. Н. Чечерева, а улица Красная Заря в улицу имени Федотова».

Естественно, прочитав такую статью, любой любознательный человек заинтересуется: а кем же был этот герой при жизни? Откуда он? На какой земле он родился, и кто дал ему такие могучие крылья и бесстрашное сердце? Такое случилось и со мной. Но задание оказалось не из легких. Поиски привели меня в райком комсомола, потом в военкомат, в архив, потом в Меловскую среднюю школу, в поселковый совет и, наконец, к сыну Венямину Федосеевичу, и как последняя инстанция — в архив Министерства Обороны СССР.

А началось все с того, что, листая подшивки районной газеты за 1945 год, я обратил внимание на коротенькую информацию Ирины Румянцевой в номере за 13 мая. В ней она, сообщая о митинге жителей поселка, писала: «Все население — от малого до старого — направлялось на площадь Чичерина». Стоп! Почему Чичерина, а не Чечерева? Это что — ошибка? Ведь «Комсомольская правда» черным по белому писала про Чечерева Федосия Николаевича. И тогда я обратился к секретарю райкома комсомола Богдашко, который сообщил, что слышал о переписке пионеров средней школы с сыном героя.

Сердце забилось чаще, попал, наконец-то, на след! Но не тут то было. Классный руководитель Таиса Павловна Олейник сообщила, что ребята с сыном переписку прекратили, а бывший классный руководитель по какой-то причине, не то по рекомендации райкома партии, не то по указанию райкома комсомола, сообщил, что это не тот Чечерев и возиться с ним, как с сыном героя, не стоит.

Мне показали последнее письмо сына, в котором он поздравляет пионеров и школьников с праздником 42-ой годовщины Советской Армии. Меня взволновали строки письма, где он просит школьников: «Не забывайте этот день, людей, которые отдали жизнь за наше счастье, в том числе и моего отца Чичерова Федосия Николаевича».

Обратим внимание на фамилию Чичерова. Так вот что смущало души райкомовских и советских работников: разница в написании фамилии героя. И тогда я сам обратился к сыну Чечерева. С нетерпением ожидал я от него ответа из города Венсплиса. Я был уверен, что речь идет об одном и том же человеке, и виновны во всем этом были писарки воинской части или газетчики.

Прошло немного времени и вот ответ у меня на столе. Из письма я узнаю многое о жизни и мытарствах семьи. Отец ушел на фронт с первыми же днями войны. Вельямин Федосеевич остался сиротой после смерти старшего брата Николая в 1943 году. Но люди не дали уме-

реть мальчику, вместе с ними он дожил до дня Победы. Прошли годы, утихла боль утрат. И вот он уже не юноша, а взрослый человек, с женой и сыном едет из латвийского города Вецпилса на Родину в деревню Коровку Сергеевского района Куйбышевской области в гости к отцовским братьям Ивану и Егору. И только тут через двадцать лет он читает статью в «Комсомольской правде» под названием «Имена героев». Из нее он узнает о подвиге отца и месте его захоронения. С тех пор далекий и неизвестный поселок Меловое становится ему родным.

Я продолжал свой поиск. После переписки с сыном я обратился в архив Министерства Обороны СССР. Нужно было доказать, что Чичеров, Чечеров и Чечерев — это один и тот же человек, и что его сын имеет право считать своего отца Героем Советского Союза.

С нетерпением ждал я ответа из Москвы. И вот в моих руках конверт. Открываю и читаю жирным шрифтом напечатанные строки: «Проверкой архивных учетных документов установлено, что Чичеров Федосей Николаевич 1905 года рождения, политический руководитель 7-ой роты 557 СП за подвиги и заслуги в годы Отечественной войны приказом по войскам 63-й № 38/11 от 26.10.1942 г. награжден Орденом Красного Знамени, который и был ему вручен при жизни (№26777). Других документов о предоставлении к званию Героя Советского Союза Чичерова Федосею Николаевичу не присваивалось».

Как же так? «Комсомольская правда» сообщает, что он Герой Советского Союза, дважды орденоседец, в протоколе №3 заседания исполкома Меловского райсовета депутатов трудящихся говорится, что он дважды орденоседец, а в архивных документах этого не значится.

Обращаясь в главное управление кадрами Министерства Обороны СССР. В ответе за № 1734/93121 читаю, что Чичеров Федосей Николаевич 1908 года рождения, политрук 7-й роты 557 СП 153 СД, учтен, как погибший 7.01.1943 года, где погиб и захоронен дивизии в Главном управлении кадрами не имеется.

Все понятно, это был он. В списках райвоенкомата значится, что в братской могиле похоронен Чечерев Федосий Николаевич, гвардейский капитан, заместитель по политической работе. «Комсомольская правда» сообщает, что исполкома Меловского райсовета увековечил память героя и подтверждается теми же данными.

Тогда я обращаюсь к книге полковника Смякотина М.Т. «Из жизни до Берлина». Из нее узнаю, что 557-й полк 153 СД к 9 часам утра 3

января 1943 года вышел на рубеж Тарасовка—Бондаровка—Касьяновка. Значит, оказывается, Чичеров, Чечеров и даже Чечерев служили в этом воинском соединении. Сомнений быть не может. Это он. Все выше названные служили в этом воинском соединении на одной и той же должности — замполитом.

Как же был совершен подвиг? В достоверности долгое время никто не знал, и очевидно этого боя нам встретить не приходилось. Но в памяти людей осталось имя бесстрашного советского офицера, который своей грудью со связкой гранат остановил фашистский танк, за которым двигалась большая воинская часть окруженного врага. Немцы метались в разные стороны, напрягая силы, чтобы шапнуть слабое место в замкнутом вокруг них кольце.

Говоря словами писателя Константина Симонова: «...В окруженных Меловом и Чертково шла «главная война». Наши войска на Воронежском фронте резали тылы противника у Чертково и Миллерово. Тут война бензином и копытою, каленым железом и порохом. Она лязгала гусеницами, строчила из пулеметов и падала в снег, вновь поднималась на локтях и коленях и под огнем с хриплым «Ура!» и шепотом «мама» проваливалась в снег, шла и бежала вперед, оставляя после себя следы полшубков и шинелей на дымном растоптанном снегу».

Но вот шашель и очевидец. Это командир батальона 170-го гвардейского полка 57 гвардейской стрелковой дивизии И.Яюс. В своих воспоминаниях рассказал он нам о политруке Чечерева.

В марте 1942 года в 7-ю роту 170-го СД, которой командовал И.Яюс на должность политрука прибыл Ф.Чечерев. Лет ему было тридцать-сорок, рост средний, приземистый, угловатый. Курчавые темные волосы обрамляли красивое лицо с голубыми глазами, в которых светлились веселые жизнерадостные огоньки. Капитан Чечерев являл на гармошке, любил петь волжские частушки. Он был приятным и исключительно вежливым человеком. Воинской подготовки он не имел, но был районным партийным работником.

Дивизия готовилась к выступлению на фронт и в ее подразделениях проходили напряженные боевые учения. Тут и выявились организаторские способности политрука. Он умел сойтись с бойцами так, что они делились с ним всеми своими секретами.

Летом 1942 года 57-я дивизия заняла позиции по восточному берегу Дона. 7-я рота несколько раз форсировала Дон. И каждый раз в самых горячих точках боя с нею был политрук Чечерев Ф.Н. Стояли

в районе станиц Казанская, Мигулинская, Вешенская. Рота в составе батальона переправилась на правый берег с заданием вступить во встречный бой с фашистами. Двое суток рота вела бой с превосходящими силами врага. В самых опасных местах был политрук. Его храбрость, смекалка, верность своему делу служили примером для бойцов роты. И только по приказу роты отошла на восточный берег реки. Вскоре он был награжден Орденом Красного Знамени.

Особенный героизм рота проявила 20 августа 1942 года при форсировании Дона и занятии хутора Гармиловский. В самом начале боя И. Яюс был ранен и роту возглавил Чечерев. Он довел бой до победного конца. Вернувшись из госпитали, И. Яюс стал командиром батальона, а Ф. Чечерев остался командиром героической 7-ой роты.

Части 57-ой стрелковой дивизии, в состав которой входил 170 (557-й) стрелковый полк, в котором служил капитан Чечерев, подошли к поселку Меловое в холодную январскую стужу.

Накануне 6-го января полк занял боевую охрану врага южнее Ясного Проминя и исходное положение в одном километре южнее Мелового.

В январе 1943 год второй батальон 170-го стрелкового полка наступал на южную окраину Мелового из Ясного Проминя. На то время наши части еще не имели ни танков, ни артиллерии. Стояли крепкие морозы, и солдатам было тяжело преодолевать отпор вражеского гарнизона, который укрывался в домах и имел артиллерию и танки. Цепи наших батальонов лежали среди неба и земли на заснеженном поле. Несколько раз бойцы подходили к околице, но под плотным огнем врага вынуждены были, теряя товарищей, откатываться назад.

За неделю ожесточенных кровопролитных боев батальоны потеряли почти всех своих офицеров, и роты стали наполовину меньше. По действию фашистов было видно, что они собираются вырваться из кольца окружения. Тогда, чтобы усилить боеспособность подразделений, командование, как тогда говорили, почистило тылы и все имеющиеся в наличии штйки свело в один батальон. Командиром батальона был назначен уже вернувшийся к этому времени из госпиталя И. Яюс, а 7-я рота осталась у Чечерева.

7 января 1943 года части 57-ой гвардейской дивизии пошли в наступление на юго-западную окраину Мелового, и только в вечеру батальон овладел улицей Кирова. Завязались кровопролитные бои переменным успехом.

В одном из таких боев враг, прощупывая нашу оборону, кинул на подразделение капитана автоматчиков несколько танков. Атаку автоматчиков рота сразу отбила, а против бронированных машин бойцы были бессильны — они имели, да и то в ограниченном количестве, гранаты. А враг стремился во что бы то ни стало раздавить чечеревцев, смести со своего пути. Командир батальона И. Яюс хорошо понимал, что через час другой роты сомнут фашистские чудовища, и приказал капитану применить в бой гранаты. Другой помощи и другого совета комбат дать не мог — под рукой не было ни людей, ни техники. На этот приказ командир 7-й роты Федосей Чечерев заверил комбата, что в бою выстоит и врага не пропустит.

Утром комбат И. Яюс получил сообщение, что танки остановлены, но не стало командира роты товарища капитана Федосея Николаевича Чечерева.

А было так... На позиции роты двигалось около десяти танков. Не встречая артиллерийского огня, танки нагло лезли на оборону чечеревцев. Роты, что лежали на открытой местности на снегу, начали отступать. Могла случиться непоправимая беда. Командиры пошли в цепь с своим взводам и организовали отпор врагу. Не встречая сопротивления, танки подошли к роте на расстояние броска гранаты, расстреливая из пушек и пулеметов. Казалось, от танков не будет спасения, вот-вот они начнут давить бойцов. И тогда командир принял единое в такой обстановке правильное решение. Собрать у бойцов все гранаты, которые еще остались. Гвардии капитан поднялся на ноги, широко размахнулся и бросил в танк гранату. Но несмотря на то, что он вложил в этот бросок всю свою ненависть к фашистам граната не долетела до машины. Грохоча и поливая смертельным огнем, машина двигалась на советских автоматчиков, над бойцами нависла смерть.

Но это еще не все: тут может оказаться разрыв в замкнутом кольце окружения, и в этот разрыв подтянутся все силы врага.

Размышлять было некогда. За спиной Отчизна, земля, политая кровью, слезами, но уже свободная земля. По ней не должен топтаться вновь сапог чужеземца. Последние гранаты — ими капитан не мог рисковать. Крепко прижав их к груди, он стремительно бросился навстречу чудовищу. И спасая товарищей, закрывая возможный пролом своим телом, гвардии капитан Чечерев подпустил поближе танк и с помощью гранат бросился под вражескую машину. Бойцы закрыли глаза. Воздух потряс взрыв, потом еще один, и башня танка отлетела

далеко набок. Бронированные машины стали, а потом боязливо начали пятиться назад в укрытие.

Гвардии капитан ценою своей жизни спас остатки роты и заставил врага убегать. Воодушевленные подвигом бойцы бросились в атаку... Но жаркий бой кончился тем, что оборону гитлеровцев не удалось сломить. Наши полки, понеся значительные потери, отошли на исходные рубежи, но и прорыв, к которому так стремились гитлеровцы, им не удался.

Сейчас многое из того, что мы считали священным, отвергается новой идеологией, обливается грязью все наше прошлое. Но старшее поколение, воспитанное в духе коллективизма, интернационализма и товарищества, уверено, что шло верной дорогой. И только то время могло родить такого героя, который отдал свою жизнь ради спасения других.

Кто же он такой? Обыкновенный человек, такой же, как и миллионы рядовых граждан нашей страны. Нелегкая жизнь выпала на долю Федосея Николаевича. Родился он в семье крестьянина. Отец был мобилизован в Армию и погиб в начале первой мировой войны. Осталась мать с четырьмя сыновьями — один одного меньше. А тут гражданская война. После гражданской — разлука, голод. Не выдержала и в 1922 году умерла мать. Дети остались сиротами. Что делать? Надо кормить себя и братьев, и подростком Федосей становится пастухом. Много горя пришлось ему познать с хозяйским скотом. Но вот в 1927 году его призывают в Армию. В Красной Армии он показал себя хорошим и дисциплинированным бойцом, отличником боевой и политической подготовки. Шел в армию забитым и запуганным пастушком, а вернулся членом партии коммунистов. С первых же дней после возвращения из армии молодой и любознательный боевой и смекалистый Федосей Николаевич становится активистом во всех сельских делах. Он учится и учит людей, ликвидирует безграмотность и организует колхоз.

В 1933 году его назначают заместителем председателя сельхозного Совета, а затем и председателем.

В 1936 году он с семьей переезжает в город Куйбышев, где работает в охране водного транспорта политруком. В последние дни перед Отечественной войной — политическим руководителем Волжского пароходства.

Мирную жизнь нашего народа прервали взрывы бомб. Началась война. С первого дня войны Ф.Чечерев становится солдатом, защищая свой дом и свою Отчизну.

Национальный герой, чехословацкий журналист Я.Фучик в одном из своих произведений сказал, придет день, когда настоящее станет прошлым, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю.

«Я хотел бы, — говорит Юлиус Фучик, — чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами.»

— Вперед, за Родину! Родина нас не забудет! — так призывал Федосей Николаевич Чечерев, ведя на штурм бойцов. И Родина не забыла.

В районном архиве хранится документ, в котором 22 января 1943 года Меловской райисполком и райком КП(б) решили увековечить память погибшего героя и переименовать Футбольную площадь в площадь имени Чечерева.

Дует ветер по нашим степям, волнами колыхнутся хлебные поля и зеленые кукурузные массивы, ветер шумит в проходах, шумит листьями зеленых насаждений над братскими могилами. Цветет окропленная кровью героев земля. Но не на всех могилах высечены имена и возвышаются памятники, есть еще и безымянные могилы.

И хотя в архивных документах г. Подольска не значится, где он похоронен, не значится он и в картотеке Героев Советского Союза, а также личного дела на Чичерова (Чечерева) на хранении в архиве МО СССР не имеется, и хотя, как сообщают архивные работники, за январь-февраль 1943 года в Главном архиве Министерства Обороны на 보관ении нет материалов, он остается в наших сердцах, ему это звание присвоил народ, и он его будет носить вечно.

В БОЙ ШЛА 41-я ГВАРДЕЙСКАЯ

41-я гвардейская стрелковая дивизия 20 декабря 1942 года вышла к поселку Чертково. Ее 122-й полк вел бой за этот крупный железнодорожный узел и сумел закрепиться за его северную окраину. В это время 124-й полк этой дивизии обошел Чертково и овладел селом Шептуховка. 126-й полк находился в резерве командира 4-го стрелкового корпуса, а одним батальоном вел бой с окруженным гарнизоном противника на Гартмашевском аэродроме.

Командир дивизии с оперативной группой прибыл к Черткову, чтобы оттуда руководить боем. Дивизионные разведчики (командир роты гвардии лейтенант П. Ф. Агарин, заместитель по политчасти П. С. Шаталов) прощупывали гитлеровцев со всех направлений.

К утру выяснилось, что в Чертково закрепились крупные силы противника, и фашисты не только вели сильный огонь, но и бросались в контратаки.

Северная окраина поселка не раз переходила из рук в руки. Батальоны 122-го стрелкового полка стойко отбивали удары и снова шли в атаку. Храбро сражались воины роты, гвардии лейтенант П. И. Андронов был ранен, но продолжал руководить боем. Бой доходил до рукопашных схваток. Были ранены командир батальона А. А. Дрягин, заместитель батальона по политчасти И. С. Абатуров. С минометным расчетом, которым командовал гвардии старшина Сергейев были ранены все бойцы. Сергейев один продолжал вести огонь. Вражеский гарнизон задержал наступление дивизии. Впоследствии было установлено, что в маленьком Черткове засел гарнизон большого количества солдат, а в 41-й гвардейской не насчитывалось и половины этого количества. К тому же противник предпринимал атаки и с внешнего фронта. Штаб дивизии пришлось перевести с окраины Чертково в село Маньково - Калитвенское. Требовалось во что бы то ни стало, как можно быстрее взять поселки Чертково и Меловое. Командир дивизии И. П. Иванов с начальником штаба А. Ф. Беляевым непосредственно на переднем крае изучали оборону противника, выискивали возможности более быстрого разгрома.

122 полк усилили всем, чем могли, даже из хозяйственных подразделений бойцов передали полку. Но все его атаки наталкивались на сильное сопротивление противника.

Большая группа автоматчиков и шесть танков прорвались через боевые порядки в тыл подразделений полка. Создалась серьезная

опасность. Гвардии лейтенант И. К. Белинский с группой разведчиков бросился навстречу врагу, прикрывая штаб части и медицинский пункт. Горстка храбрецов против шести танков и многих автоматчиков. Но они задержали врага: гранатами подбили танк, огнем из автоматов заставили фашистов залечь. В самый разгар боя пулеметная очередь сразила гвардии лейтенанта Белинского. Командование приняло на себя гвардии рядовой П. А. Рыжов. Рядом с ним сражался разведчик Е. А. Попов. Гитлеровцы приблизились к ним вплотную. Рыжов уничтожил шесть гитлеровцев, но погиб сам. Фашистам уже казалось, что они вот-вот смогут подавить заслон, но в этот момент подоспел взвод разведки во главе с младшим лейтенантом Б. И. Бурматовым. Прорвавшись, гитлеровцы попали в кольцо, и вместе с танками были уничтожены. (ЦАМО ф. 122, гв. сп. оп. 284033, д. 1, л. 57).

124-й стрелковый полк содействовавший ликвидации окруженной группировки своим наступлением на открытой фланге дивизии 26 декабря овладел Шептуховкой.

Однако здесь его контратаковали танки и пехота противника. Десять танков с десантом автоматчиков прорвались к тылам полка. Гвардейцы отразили контратаку, подбили три танка.

В очень тяжелом положении оказался третий батальон, которым командовал гвардии лейтенант Н. А. Евдокимов. 26 декабря на него навалилась колонна танков и пехоты противника. Гвардейцы приняли неравный бой. О подробностях произошедшей тогда трагической схватки рассказал местный житель Я. Скидлы 16 сентября 1971 года в газете «Правда» в корреспонденции «Семьдесят три героя». Подрывший в наступательных боях батальон поздним вечером занял хутор Ходков. А в 5 часов утра 26-го декабря на этот хутор нагрянула колонна танков и автомашин с автоматчиками. Батальон вступил в бой и отбивал первую атаку. Но силы были неравными. Вскоре центром боя стал район вокруг школы. Гитлеровцы окружили батальон. Тысячи гвардейцев. Но гитлеровцы не могли сломить их сопротивление. Фашисты подожгли школу из огнемета. Отважные советские патриоты продолжали сражаться и в горящем здании, пока не рухнула крыша и потолок. В бою погибли лейтенанты И. Н. Евдокимов, А. И. Некрасов, младшие лейтенанты С. Н. Валентович, Я. Н. Савин, В. С. Лусев, рядовые М. С. Игнатов, И. С. Колупаев.

Три часа шел бой, в котором гвардейцы продемонстрировали беспредельную преданность Родине и величайшую стойкость и отвагу.

Узнав о бое, командир полка гвардии подполковник А.И.Лобанов выслал подмогу. Фашисты были выбиты из хутора. Жители хутора Хо-дакова на могиле гвардейцев, павших в бою с немецко-фашистскими захватчиками, поставили обелиск («Правда» от 16 сентября 1971 г.).

Другой стрелковый батальон 124-го полка с двумя батареями 89-го гвардейского артиллерийского полка подходили к селу Михайло-Александровки. На рассвете гвардейцев атаковали танки. Артилле-ристы развернулись и открыли огонь. Вскоре на поле уже горело семь танков противника, но несли потери и артиллеристы. Вражеский сна-ряд разорвался возле орудия, которым командовал гвардии сержант Н.И.Кирюхин. Расчет погиб. Кирюхину оторвало левую руку.

Собрав последние силы, он все же принял к панораме, пытаясь выстрелить по танкам, но не успел. Бронированная машина навали-лась на орудие.

Несмотря на то, что у противника имелось много танков, 124-й гвардейский полк сумел удержать завоеванный рубеж, отбить натиск врага.

Под Чертково бой в то время приняли еще более жестокий ха-рактер. С целью разгрома окруженной группировки врага, командую-щий армией 4 января 1943 года перебросил к поселку 57-ю гвардей-скую дивизию. Потом подошли части 35-й гвардейской стрелковой ди-визии. Кольцо вокруг вражеской группировки становилось все более плотным.

И СНОВА БОЙ

Понеся значительные потери, полки отошли на исходные по-зиции.

Снежные вихри пронизывали насквозь, земля, словно камень, не вгрызешь лопатой — искры сыпятся. Вражеские пули не дают поднять головы, прижимают к земле. К холодной, но такой родной и такой до-рогой. В вихре метели еле видны строения поселков. Под вечер над поселками потянулись шлейфы дыма — это в домах господствуют немцы. Фашисты в теплых хатах, а жители ютятся в погребах и зем-лянках.

В своих воспоминаниях бывший разведчик 35-ой гвардейской дивизии А.Павленко говорит, что молодежь очень часто задает во-прос: почему так долго брали поселок? Ведь в советских войсках к этому времени было много техники и поселки можно было взять за два, три дня.

Да, поселки окружили 57-ая и 35-ая гвардейские стрелковые дивизии, один из гвардейских полков 41-ой гвардейской стрелковой дивизии, тут был отдельный корпусный артополк, стрелки автобата, несколько «Катюш».

— Да, — отвечает А.Павленко, — силы были немалые. Но зада-ние ставилось уничтожить врага таким образом, чтобы не пострадали мирные жители, их дома. И только по этой причине наши солдаты шли в атаку без уничтожающей артподготовки, выбивая фашистов штыком и прикладом.

На рассвете 9 января вновь поднялись гвардейские цепи и двину-лись вперед. Противник пытался отбросить наступающих, предпри-няв сильные контратаки при поддержке танков. Завязались ожес-точенные бои, в которых настойчиво и отважно сражались гвардейцы. Так, например, на участке подразделения младшего лейтенанта Алексея Федоровича Синицина бойцы пошли в наступление.

Стремительным ударом они выбили противника с занимаемого рубежа. Когда подразделение Синицина завязало бой, левый фланг его составляли бронбойщики сержанта Якова Матвеевича Рыбникова, а правый — стрелки младшего лейтенанта Василия Васильевича Захаров и Николай Иванович Гуляев. Подразделение стремительным ударом сбило противника с занимаемого рубежа. Но в это время на левом фланге показались танки противника. В атаку пошли автоматчики. Наши бойцы, сержант Рыбников в этом бою был ранен.

выдержку. Он заранее наметил рубеж, к которому нужно подлустить вражеские машины, и когда танки подошли к этому рубежу, командовал: «Огонь!».

Прозвучали первые выстрелы. Меткие пули попали в цель. Один танк был подбит, а другой закружился на месте, и через минуту густые струи черного дыма повалили из всех щелей. Обходя подбитые машины, фашистские танки, ведя артиллерийский и пулеметный огонь, ползли на окопы гвардейцев. Осколком одного из этих снарядов был ранен сержант, но он не оставил поле боя и продолжал вести прицельный огонь по приближающимся танкам. Запылали еще две машины.

Пятый вражеский танк подошел на 20 метров к околу комсомольца Захарова, и тогда он схватил две противотанковые гранаты бросился вперед. Гранаты одна за другой полетели под гусеницы. Танк накренился и застыл. В этом жарком бою трое бронебойщиков уничтожили пять вражеских машин.

Подполковник Смакотин в своей книге «От Дона до Берлина» ничего не говорит о судьбе этих героев-гвардейцев. Но ясно одно, что стальные чудовища со своими экипажами не выдержали стойкости и героизма троих солдат и повернули вспять. Контратака фашистов на этом участке кровавой битвы захлебнулась.

К исходу 9 января после напряженного и тяжелого боя частям дивизии удалось прорвать первую линию обороны и захватить отдельные дома на окраине поселка, взятого штурмом частям дивизии не удалось. Многочисленный гарнизон противника продолжал сопротивляться.

Гвардейцы 57-ой дивизии во взаимодействии с частями 41-й и 35-й гвардейских дивизий успешно отразили все вражеские контратаки и, улучшив позиции, теснеежали кольцо окружения.

...10 января Хамруд Умаров вновь в бою. Прикрываясь огнем автомата, он преодолел несколько сотен метров смертельного пространства и упал под плетнем. Умолк и его автомат, выпавший последний патрон из диска. Теперь нужно перезарядить оружие. А сделать это не так уж просто: нужно вынуть диск, набрать из сумки патронов и по одному вставить в магазин.

Занятый этим хлопотным делом, Хамруд уловил такие знакомые ему с детства запахи постного масла. Он осторожно поднял голову и увидел перед собой постройку. Понял — перед ним маслозавод. За ним фашисты с пулеметом. Подобрался к ним поближе. Он спешил

уничтожить эту точку, пока они не выкопали роту, что залегла позади него на снегу.

Еще не совсем вызрел план действий, не успел он еще полностью набить диск патронами, как возле него упал на снег лейтенант Величко, его командир взвода.

— Харитон (так величали Хамруда бойцы по-русски!) Кончай нечевать. Пулеметчика с чердака выкурить нужно, пока он не покосил наших хлопцев. Быстро! За мной! Пошли, старина!

Подвижный лейтенант, а с ним такой же легкий на ногу Харитон броском сорвались со снега и побежали к строению. Но к месту они не добежали. Прострелотала автоматная очередь — и оба они упали на снег. Вражеские пули и того и другого ужалили в плечо, лейтенанта — в левое, а Хамруда — в правое. Воспользовавшись тем, что немцы обратили внимание на командира и бойца, наши солдаты добрались до помещения и уничтожили фашистов, что там сидели. Рота пошла вперед, а Хамруда подобрала санитары. Так закончился для него бой, в котором он горячая кровью окропил первую освобожденную пядь украинской земли.

...Наступил рассвет. Бойцы готовились к атаке. Подвезли кухню.

Бойцам разнесли завтрак в термосах. Командир полка гвардии подполковник С.П.Гурин стоял у домика и внимательно всматривался вперед. Там впереди в утренней дымке раскинулся поселок. Видны только первые дома поселка, а что там занимают? Неизвестно. Это волновало всех и солдат, и офицеров.

— Тихо, — сказал Гурин, — видимо, не ждут нашей атаки. Это хорошо. Но сил у нас мало.

Гурин до этого командовал парашютно-десантным батальоном, он всегда отличался увсренностью и хладнокровием. Но даже этот закаленный в боях командир волновался.

Было утро 10-го января 1943 года. Наше командование решило с 10-го января начать уничтожение блокированной группировки артиллерийско-пулеметным огнем и огнем стрелкового оружия. И когда рассвело, открыла огонь наша артиллерия.

Нало сказать, что артиллеристы еще в начале января заняли позиции на Красном бугре, но команды открывать огонь не было.

Гвардии старшина санинструктор 128 артиллерийского полка 57-й гвардейской дивизии Григорий Жовтоноженко об этом времени вспоминает, что, не достигая посадки, они повернули вправо и, примерно в 200 метрах от нее — огневые позиции. И пошла солдатская работа.

Орудий четыре. Их надо окопать. Для каждого расчета надо сделать укрытия и для себя.

Первую и вторую ночь они ночевали в палатках, а потом и остальные ночи вплоть до 10-го января. Мороз был 28 градусов, земля была очень крепкая. Каждый расчет вырыл для себя по ровику. Нелегко было в таких условиях солдату. Потом командование пошло навстречу и облегчило солдатскую участь. Разрешило половине расчета дежурить у орудия до 12 часов ночи, а другой половине греться в сарае. Сарай был с кухней и стоял на окраине Великоцка. Это была птицеферма колхоза имени Калинина. Так было только ночью, а днем все солдаты были у орудий на огневых позициях, готовы в любую минуту открыть огонь.

И вот эти минуты настали. Когда рассвело, наша артиллерия открыла огонь. Бойцы поднялись в атаку. Противник ответил тем же. Он открыл шквальный огонь. И все же гвардейцы продвинулись вперед, захватили элеватор.

Фашисты не хотели примириться с этой потерей и контратаковали потеснили наши подразделения.

Когда полк снова овладел элеватором, саперы начали минировать подходы к нему. Героический подвиг совершил тут сапер-комсомолец Демченко. На него напали гитлеровцы. Молодой боец, раненный в живот, отбивался до последней минуты.

На его теле нашли 12 ран, в кармане гимнастерки у него было письмо, написанное им перед боем в Москву. В нем комсомолец писал: «Нет выше чести быть преданным большевиком в боях за нашу Отчизну».

Спустя некоторое время вновь разгорелся жаркий бой. Большая группа автоматчиков и шесть танков прорвались через боевые порядки, и вышли в тыл нашим подразделениям. Создалась серьезная опасность. Гвардии лейтенант Белинский со своими разведчиками ринулся навстречу врагу, прикрывая штаб полка и медузунк. Их было несколько бесстрашных против шести танков. Эти молодые солдаты не думали о себе. Они стремились ликвидировать опасность, не пустить врага. В разгаре боя пулеметная очередь скосила Иосифа Андиского. Рядом с ним дрался разведчик Попов и Шимшур. Фашисты подошли совсем близко. Рыжов скосил семь гитлеровцев, и погиб сам. В критический момент на выручку подошло подразделение офицеров Бурмашева.

Кольцо над поселками сжималось и затягивалось все туже и туже.

В НЕБЕ НАД МЕЛОВЫМ

В книге А.Г. Федорова «Плата за счастье» (это книга бывшего командира 39-го авиаполка бомбардировщиков «ПЕ-2») есть несколько слов о героическом подвиге капитана И.М. Утюскина, который вместе с экипажем повторил бессмертный подвиг воспитанника Ворошиловградского летного училища Николая Гастелло. Символично то, что и этот подвиг был совершен на земле Ворошиловградской, воспитавшей героя. «Не могу не вспомнить, — пишет А. Федоров, — о подвиге командира эскадрильи И. Утюскина. Он мужественно направил самолет на узел зенитной обороны гитлеровцев в п. Чертоково и погасил его огонь.

Утюскин погиб. Его судьбу разделил и флагштурман полка капитан С. Рябикова, — коммунист, большой специалист и железный офицер. Даже сейчас как-то не верится, что навеки закрылись его глаза — голубые глаза. Как священную реликвию храню его записную книжку в пурпурной обложке. Решение штурманских задач, схемы построения полка и его подразделений занимают основное место в этом сугубо личном документе».

Вот и все.

Книга вышла в 70-х годах прошлого столетия. В книге тепло отозвался об этом герое командир авиаполка. Но кто он был на самом деле в жизни? И кто были те герои, которым бой за наш поселок стал последним боем?

...Войска Юго-Западного фронта. Форсировав Северский Донец восточнее Ворошиловграда, прочно захватили на правом берегу уралью плацдарм. Рассекающее фашистский фронт наступление угрожал уничтожением донбасской группировке гитлеровцев. В эту группировку вошли и войска Манштейна, впрочем даже не сменившего названия группы «Дон». Наступающие стремительно наши войска не дали времени для реформирования этой группы. Ставка фюрера бросила на подмогу ей свою черную гвардию — отборные дивизии головорезов СС «Викинг», «Великая Германия», «Рейх», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова».

Авиация полка не имела в эти дни передышки. Бомбили бортовым пулеметом и разведывательным поиском помогали наземным войскам, действовали продвижению вперед. Сотни вылетов, которые не прекращались все светлое время короткого зимнего дня, требовали от летчиков всего, чем только они могли располагать.

Декабрь 1942 года выдался морозным и снежным. Истребительные и штурмовые полки воздушной армии Южного фронта стояли рядом с наземными войсками на полевых аэродромах. Если летчики не брали города и села, то они прикрывали наземные войска от удара врага и уничтожали вражескую технику и его живую силу, в то же время защищали наши войска от ударов с воздуха.

Вспоминая эти дни, бывший летчик-истребитель Г.Иванов говорит, что они, то есть самолеты истребительного полка, по три-четыре раза поднимались в небо для перехвата вражеских бомбардировщиков, на разведку, для сопровождения штурмовых самолетов и для прикрытия наземных войск.

16-го декабря 1942 года разведка обнаружила на станции Чертково множество сгруппированных эшелонов с военной техникой и живой силой. На штурм станции в небо поднялись 16 «ИЛ-2». Сопровождать их и защищать от врага командир полка Герой Советского Союза Андреев П.С. приказал звену истребителей, в котором летел Г.Иванов. Прикрывая штурмовики, истребители на параллельных курсах пришли в район, где должны действовать штурмовики. Враг встретил истребителей плотным зенитным огнем. Оценив ситуацию, Г.Иванов повел свое звено истребителей на штурмовку зенитных точек врага, чтобы дать возможность Илам без потерь выполнить боевое задание. Пулеметными пушечным огнем истребители подвинули вражеские зенитные точки и не дали оставшимся невредимыми вести прицельный огонь.

В это время к объекту подошли штурмовики. Они без потерь атаковали железную дорогу в районе станции на бреющем полете. Истребители непрерывно атаковали узлы противозенитной обороны фашистов, не давая возможности вести организованный зенитный огонь. Район станции покрылся дымом от взрывов бомб, запылали вагоны на путях, начались взрывы боеприпасов.

Следя за полем боя, Г.Иванов вывел свое звено из атаки по узлам вражеской обороны на охрану штурмовиков — они уже выкатились из боя, и истребители провозжали их к месту базирования.

Этот налет нанес серьезные потери врагу, вражеская техника была разбита, горели вагоны и цистерны с горючим, взрывались боезапасы, воздушная и наземная разведка доложили, что этот налет уничтожил три эшелона, 12 зенитных точек, около 120 фашистских солдат и офицеров, вывел из строя три километра железной дороги.

Наши летчики вернулись из этого боя без потерь. За бой в небе над Меловым все полеты были награждены орденами и медалями, а командиру звена Г.Иванову был вручен Орден Боевого Красного Знамени.

...В конце 1942 года 989 ночной легкомоббардировочный Черновицкий Ордена Кутузова штурмовой авиационный полк, в составе которого воевал летчик Николай Николаевич Густомясов, приступил к боевым действиям в районе среднего Дона на юго-западном фронте.

«В тылу Юго-Западного фронта, — вспоминает летчик, — в районе Чертково и Мелового и в других населенных пунктах остались в окружении недобитые гитлеровские части. Полк получил приказ бомбить врага днем и ночью, не давая ему передышек».

В полдень, как только чуть установилась погода, вместе со штурманом Козинковым они вылетели на разведку. Видимость была ограниченной, падал снег... Им требовалось срочно установить, не пытаются ли окруженные в Чертково и Меловом части прорваться на юг в направлении Миллерово.

У южной окраины поселков их встретил сильный зенитный огонь, небо рябило взрывами снарядов. Не обнаружив там продвижения частей, Густомясов развернул самолет вдоль дороги, идущей в северном направлении от Чертково.

Узкая, изрытая танками дорога была разбита автомашинными, бронетранспортерами и самоходными артиллерийскими установками. Гитлеровцы двигались спокойно. Они не ожидали советских самолетов в такую ненавистную погоду и крепко поплатились за свою беспечность. Штурман сбросил бомбы в голову колонны и застопорил все движение. Четыре автомашины вспыхнули факелами. По просьбе штурмана летчик накресил самолет на левое крыло. Застрочил в вероятных очередах. В свою очередь враг тоже открыл огонь зенитками. Вокруг самолета рвались снаряды, на плоскостях появились пробоины. Мотор поперхнулся и дал перебои. В голове Густомясова мелькнула мысль: «Неужели подбили?» Мгновенно по воле инстинкта он отдал ручку управления от себя, убирает газ и круто снижается на зенитную установку. Зенитчики, опасаясь взрыва самолета при ударе о землю, прекратили стрельбу и укрылись в шель. Метрах в пятидесяти летчик вывел самолет в горизонтальный полет, а штурман в это время открыл пулеметный огонь по зенитчикам. Прикрываясь нераскрытой местностью, самолет ушел на бреющем полете на свой аэродром.

За ценную разведывательную информацию, проявленную храбрость при выполнении боевого задания экипаж самолета был представлен к правительственной награде.

«В январские дни 1943 года в районе Мелового и Чертково шли жесточайшие бои», — говорится в авиасводках. Враг старался любой ценой уберечь эти населенные пункты, чтобы сдержать успешное наступление советских войск. Шеститысячный немецкий корпус в декабре пополнился остатками разбитых войск итальянских дивизий «Торино» и «Челдере».

Советские войска медленно сжимали кольцо, в которое попали вражеские группы. Об этом говорят документы.

11 января 1943 года начальник штаба 35-ой гвардейской стрелковой дивизии Шнайдер в оперативной сводке за этот день сообщает: «11-го января 1943 года в 15-30 100-ый и 101-ый гвардейские стрелковые полки перешли в наступление, преодолевая огневой отпор противника. 100-ый стрелковый полк продвинулся на 50—80 метров, овладел четырьмя блиндажами, закрепился. Взят один станковый пулемет и много винтовок противника».

1001-ый гвардейский полк продвинулся на 30—40 метров, вышел наравне с депо и закрепился. Враг оказывал жестокое сопротивление.

Немецкая авиация наносила частые бомбовые удары по расположению наших войск».

«11 января 1943 года, — говорится в этой же сводке, — во протяжении дня было отмечено 18 налетов самолетов противника, которые бомбили расположение наших частей. Полностью уничтожен «белый дом». Есть потери».

В этот день не вернулись на свою базу два экипажа летчиков.

Они пали смертью храбрых. Об этом рассказывает командир 39-го полка А. Федоров в своей книге «Плата за счастье». Сквозь годы общается и в политдонесениях об этих героях.

Как же было на самом деле? Участник Великой Отечественной войны Г. Сотников рассказал о них более подробно.

...11 января 1943 года капитан Утюскин получил боевой приказ нанести бомбовый удар по крупному узлу обороны фашистов в районе станции Чертково Ростовской области.

Капитан Утюскин служил в 39-ом БАП (бомбардировочный авиационный полк) 17-ой воздушной армии. А авиационная группа выступление капитана Утюскина при вручении ему Красного Знамени хорошо помнят однополчане:

— Отдать для победы все — и искусство драться, надежду на личное счастье, заплатить за нее мужеством, а если потребуется жизнью!

Сказанные слова им были оправданы.

...Оторвавшись от земли, самолеты эскадрильи «ПЕ-2» под командованием капитана Утюскина, один за другим поднимаются с аэродрома, выстраиваются в боевой порядок и берут курс на цель. Тяжело гудят моторы, безупречно работают бортовые приборы. Стрелка высотомера чуть подпрыгивает против цифры 2200. Под крылом проносится родная земля, занятая фашистами. Вот показалась станция Чертково. Фашистские зенитчики заметили советские бомбардировщики и открыли ураганный огонь. Капитан прижмурил глаза и крепко стиснул штурвал. В эфир полетела команда: «В атаку!».

Капитан Утюскин И. М. бросает штурвал вперед. Подпрыгивает к солдату горизонт, а потом скрывается над головой. Утюскин смотрит на прибор. Вибрирующая стрелка высотомера плывет, отсчитывая сокращающееся расстояние до земли: 2000...1800...1500...800 метров.

Фейерверком выстрелов освещается наземный простор. Зенитный огонь орудий и пулеметов врага старается поразить пикирующие бомбардировщики. Но рука летчика Утюскина не дрогнула. Самолет «ПЕ-2», врезавшись в огневой барьер, продолжает стремительное сближение с фашистским улом обороны.

Штурман Рябиков С. М. нажимает на кнопку электросбрасывателя, и бомбы, сорвавшись с держателей, устремились вниз на головы фашистов, вывернув из-под снежной белизны черноту земли, подняли ее к небу вместе с ключами фашистских солдат, обломками бревен, укреплений врага.

Командир эскадрильи капитан Утюскин уже отчетливо видит увеличивающиеся в размерах танки, автомашины, фашистских солдат, ищущих убежища от рвущихся бомб. Он выбирает штурвал. Сила перегрузки сдавливает экипаж в кресла. Самолет несется вдоль станции Чертково на высоте 300 метров, поливая фашистов свинцовым огнем из пулеметов. Слабнет зенитный огонь. На земле горит черными пятнами техника. Но тут самолет резко бросило вверх от прямого попадания снаряда, выпущенного зенитной батареей вдогонку уходящей цели советским бомбардировщиком. Из правого мотора повалил черный дым, показались языки пламени. Рулевые управления заходили в разные стороны.

Припадая на правый дымящийся мотор, самолет Утюскина взрывается для повторной атаки. Летчик Утюскин И.М. бросает взгляд на землю. Дым от горящей фашистской техники тянется в сторону лесной посадки. Значит, туда ветром отлетел парашютистов.

— Экипаж, покинуть самолет! Я иду на таран! — скомандовал по переговорному устройству капитан.

— В плен не собираюсь! — ответил штурман Рябиков С.М.

— Я остаюсь! — ответил стрелок-радист Козаченко Г.А.

Передав управление своему заместителю, капитан Утюскин передал в эфир: «В плен не сдаемся! Идем на таран!».

Командир переводит от себя ручку до отказа, включает полную подачу горючего, и охваченная пламенем машина, грозно ревя моторами, врывается в скопище машин, пушек, танков. Загремел страшной силы взрыв и в небо вместе с обломками самолета полетели ключья машин, пушек, танков и вражеских солдат.

Такую плату за наше счастье жить сегодня на земле в январе 1943 года заплатил экипаж советского бомбардировщика. Запомним навсегда их имена.

Иван Михайлович Утюскин — капитан, командир эскадрильи. Родился Иван Михайлович в 1904 году в станице Невинномысской Ставропольского края. Закончил Ворошиловградское авиационное училище. Принимал активное участие в боях на Халхинголе, в войне с Финляндией. Был удостоен Ордена Красной Звезды. На фронте с первых дней войны. В наградном листе Ивана Михайловича сказано: «Товарищ Утюскин мужественно водил эскадрилью на боевые задания. С работой справлялся хорошо. Эскадрилья имеет 186 боевых вылетов. Личный состав за период боевых действий уничтожил 47 танков, 47 автомашин, две бронемашины, до 2000 человек пехоты, 14 самолетов на аэродромах противника, 8 самолетов в воздухе. Уничтожено 13 цистерн с горючим, 32 вагона с боеприпасами и воинским грузом, мост через реку. За хорошее руководство боевой работой в эскадрилье и отличное выполнение боевых заданий командования удостоен правительственной награды ордена Ленина».

В этом поединке погиб и флагштурман полка капитан Сергей Матвеевич Рябиков. Родился он в селе Тишмазя Курганской области. Закончил Харьковское училище штурманов, брал участие в боях с белофиннами, награжден Орденом Красной звезды. На фронте был с первых дней Великой Отечественной. Его записную книжку, как записку оца, как дорогую реликвию сберегал А.Г.Федоров, автор книги

«Плата за счастье». Одну из страниц этой книги он подарил следопытам Меловской средней школы №1, а те в свою очередь, передали ее в землянку-музей памятного мемориала «Украина — освободители!».

Участь боевых побратимов разделил и стрелок-радист Григорий Алексеевич Козаченко. Он был комсомольцем. Родился в 1920 году в г. Кулиевске Харьковской области. На фронте с первых дней войны.

Де же поконтит прах героев?

Много времени прошло с тех пор. Давно уже выросли и дочери капитана Утюскина: Валентина Ивановна и Зинаида Ивановна. Навек сохранила память о своем муже и Ранса Ильичича Утюскина.

Следопыты Меловской средней школы получили от одной из дочерей погибшего героя письмо. В нем была такая просьба:

«Дорогие дети! К вам обращается дочь погибшего командира эскадрильи капитана И.М.Утюскина. Мне стало известно, что мой отец погиб над вашим поселком. Очень прошу, напишите мне, что вы знаете о гибели экипажа и есть ли место их захоронения, когда это было адреса очевидцев».

И вот 8 мая 1973 года семья Утюскиных приезжала на встречу с воинами 35-ой гвардейской стрелковой дивизии, была на братской могиле погибших героев в боях за поселки Меловое и Чертковое. Много расспрашивали, многим интересовались, но установить место захоронения командира эскадрильи капитана И.М.Утюскина так и не удалось. Дело в том, что в архивах Чертковского районкомата сохраняются данные о том, что члены экипажа С.М.Рябиков и старший сержант Козаченко погибли 11 января 1943 года и захоронены в братской могиле пос. Чертковое. В архиве МЗС И.М.Утюскин числится, как погибший при выполнении боевого задания в районе Чертковое и Мелового.

В небе над нашими поселками отважные соколы дрались за нашу общую победу, и они победили, хотя до победы было еще ох как далеко.

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

С 10 января 1943 года началось уничтожение блокированного гарнизона артиллерийско-минометным огнем стрелкового оружия.

Поняв безвыходность своего положения, фашисты стремились вырваться из окружения. Семь суток длилось напряженное сражение с гарнизоном противника.

Гвардии старшина 128-го артполка Григорий Жовтоноженко вспоминает, что 15 января 1943 года по дороге среди белого дня подошла батарея «Катюш» в количестве 9 машин. Проехали они артиллерийскую огневую позицию, и подошли вплотную к посадке, заняв боевой порядок. К ним подошел Жовтоноженко и спросил:

— Что, ребята, будем вести огонь?

— Пока нет, — ответили они, — большой огонь пока не разрешают, но мы сейчас сделаем один залп по площади Мелового (это то место, где сейчас площадь им. Чечерева)

— Там, — сказали они, — зарыты в землю танки, а из них ведется прицельный пулеметный огонь, а иногда кидают они и болванки (снаряды). Заставить их замолчать можно только прямой наводкой.

И «Катюши» сделали один залп.

Все попытки немцев прорвать линию окружения со стороны Стрельцовки и прийти на выручку блокированной группе не принесли успеха. Наше командование успешно открыло немцам выход на хутор Брусовку. Немецкие разведчики нащупали этот коридор. Ночью немцы туда устремились, но, зайдя немного глубже, уперлись в нашу оборону. «Катюши» стояли в засаде, и как только немцы их прощали, наткнулись на нашу оборону. Завязались бои. «Катюши» открыли уничтожающий огонь из засады. Немцы с большими потерями отступили назад в Меловое.

Григорий Жовтоноженко вспоминает, что два вражеских самолета — бензовоза все время летали в Меловое на протяжении периода от 7 января до 16 января. И наши солдаты не могли их сбить, не было зенитных установок. Было досадно, что они так безнаказанно гуляли в воздухе.

Но однажды утром он был в Великоцке в распоряжении командира. В это время хозвазд стоял на Югановке. Ему пришлось выехать, как примерно часов в 10 утра 15 января летел самолет бензовоз, без бензин. Миновал он расчет (наши зенитчики только привели и не успели еще оборудовать огневые позиции) и улетел в сторону

Мелового. Примерно через час летел второй на высоте 500—600 метров.

Но уж этого зенитчики хорошо встретили. Сначала пулеметным огнем, а затем заговорила зенитная артиллерия. Зенитная батарея стояла у криницы в вербах на огородинчестве колхоза им. Калинин. После нескольких выстрелов мотор самолета был выведен из строя, но летчик, видимо, был опытный и посадил самолет, минуя хаты. В самолете было пять немцев. Летчик был ранен, и его на месте тут же пристрелили сами немцы.

К самолету сразу же подскочила наша легковая машина, и пленных немцев увезли в Великоцк. К самолету поставлена охрана, потому что в баках бензовоза было две с половиной тонны бензина.

В тот же день, по воспоминаниям бывшего разведчика Комнатного, гитлеровцы сделали попытку прорваться с центра поселка в сторону х.Ежачий. Их встретили огнем в Стрельцкой степи. Сотни фашистов наши на этом участке свой бесславный конец.

4-му танковому и 4-му стрелковому гвардейским корпусам не удалось избежать тяжелых изурительных боев с 19-ой танковой дивизией противника. Соединившись с остатками разбитых частей, отходивших из Чертково, читаем мы в книге А.В.Кузьмина и Н.И.Краснова «Кантемировцы», дивизия непрерывно контратаковала, оказывала ожесточенное сопротивление. Более двух недель до 17 января 1943 года длились непрерывные бои с переменным успехом.

В это время войска 1-ой и 3-ей гвардейских армий успешно продвигались на Ворошиловградском направлении, а 6-я Армия севернее Новоскова. Создалась угроза перехвата коммуникаций противника, находящегося в районе Стрельцовки, Калмыковки. Почувствовав угрозу окружения, гитлеровцы в ночь на 18 января начали поспешно отходить.

Остановимся и посмотрим, как же обстояли дела на этом фронте. Капитан в отставке, бывший командир 6-й роты 122-го гвардейского стрелкового полка 41-й гвардейской дивизии А.Довбня вспоминает, что 9-го января 1943 года в районе Стрельцовки вновь завязались тяжелые бои. Об этих трудных боях вспоминает и ветеран труда, колхозник Т.Великоцкая.

Она помнит, что они начались с 27 декабря 1942 года. Еще не взошло солнце, как вздрогнула земля от взрыва мин и снарядов, послышался стрекотание пулеметных и автоматных очередей. Так начинались жестокие бои у села Стрельцовки. Подразделения советских

войск вели бои за дорогу из Мелового в Беловодск. Немцы любой ценой хотели овладеть этой дорогой, пробиваясь к своим войскам в Меловое. Бой принимал упорный характер. Отбиваясь, наша пехота стала медленно отходить к коззаводу. Фашистские вояки цепой больших утрат продвинулись к западной окраине Новострельцовки, по там были остановлены. В стороне от дороги они зарыли танки и начали готовиться к новому наступлению. Стрельцовку охватила тревога. Немцы выгнали жителей из хат. Холодные и голодные жители прислушивались к раскатам боя, надеясь, что наши отобьют село. И действительно наши войска все время атаковали немецкую оборону, но пробить были не в силах. Наступающих встречал пулеметный огонь танков. Зарытые в землю, они своими пушками расстреливали наши бронемашины. Бои на этом участке шли до 16 января 1943 года.

Бывший механик-водитель танка В.Ясюкевич вспоминает, что остановились они недалеко от села. Посмотрели на карту и определили, что это Стрельцовка. Решили замаскироваться в небольшом овраге, когда наступила тишина, отправились в разведку. Разведка установила, что тут много врагов. Проверили боевое состояние части, и оказалось, что у них заканчивалось горючее, да и снарядов оказалось не густо. Часть находилась в глубоком рейде и пополнением запасов часть не пользовалась. Ночью отошли от Стрельцовки в сторону коззавода и остановились в ожидании. По рации им сообщили, что заканчивается окружение фашистов в Меловом. Потом по наушникам услышали, что их танковый корпус переименован в 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус. Командование поздравило бойцов с гвардейским званием.

Ожидалось, что из Мелового фашисты будут отступать на Новострельцовку.

В книге А.Ярошенко «В бой шла 41-я» мы находим, что 15 января фашисты пошли на прорыв. Об этом вспоминают и жители Стрельцовского конного завода. Говорят, что на старый Новый год пол двора где проживал Лытченко подошли две «Катюши». В доме в это время шло комсомольское собрание. «Катюши» дали залп по немцам в сторону Стрельцовки. Артиллерия и «Катюши» открыли по немцам такой огонь, что все смешалось.

Ветераны 41-й гвардейской М.Белик вспоминает об этом дне, что его подразделение было на марше. Разведка доложила, что ни в Реликшце, ни в Новострельцовке немцев нет. Оставив в Великшце одну роту, усиленную батареей, батальон направился в бывший завод

завод. Только после марша устроились на привал, как вызывает на связь командир танка:

— Закрепляетесь фронтом на Стрельцовку, — приказывает он, — со стороны Беловодска. На помощь меловскому гарнизону движется большая колонна немцев с танками.

Команда «К бою!» заставляет бойцов покинуть теплые и удобные помещения. Роты занимают оборону, вгрызаясь в землю, им помогают жители села. Мужчины просят оружие, чтобы вместе бить ненавистного врага. Но таких полномочий у командира нет, он их отсылает назад в село, как потом оказалось, это было сделано вовремя.

Вскоре издалека, сначала невыразительно. А потом все слышнее стал доноситься басовитый гул танковых моторов. По тому, как сразу же за лесопосадкой немцы начали разворачиваться в боевой атакующий порядок, Белик понял, что им известно уже, где находится его подразделение. Он приказывает — без команды огонь не открывать.

Двадцать танков растягиваются широким фронтом. За ними выстраиваются густые шеренги пехоты. Весь этот механизм смертоносной силы постепенно набирает темп движения. Немцы, пока не стреляют. Молчат и наши. Но вот танки подошли уже на расстояние в полкилометра и набирают скорость. Тогда командир дает команду:

— Батарея — по танкам, пулеметы — по пехоте!

Артиллеристы ударили залпом. Передний танк вспыхнул. Скопировкой посыпались пулеметные очереди, засеяв поле серозелеными трупами. Но фашисты не обращают внимания на потери, нагло лезут вперед, на ходу ведут огонь со всех видов оружия. И только когда вспыхнул четвертый танк, вся лавина начала отступать к лесополосе.

Там быстро перестроившись, вновь идут в наступление и вновь ведут плотный огонь. И этот огонь чувствительный: в селе начались пожары, появились потери в ротах и батареях. Но гвардейцы стоят непоколебимо. За час боя они поджимают немцев к земле. Поняв, что Новострельцовки им не взять, фашисты начинают пятиться назад. Но тут уже подошли основные силы полка, и наши бойцы дружно бросаются в контратаку. Так на плечах гитлеровцев полк врывается в Стрельцовку. Теперь тыл был в безопасности. Можно и отдохнуть. Но танков не получилось.

В морозную ночь 15 января 1943 года обескровленные подразделения фашистского гарнизона, создав ударную группу, прорвали кольцо окружения на южной окраине Мелового в надежде на спасе-

ние и на объединение с беловодской группировкой. Но возмездие наступало стремительней, чем думалось врану, потому что операция была продуманной.

Об этом говорит и почтовый гражданин поселка Меловое Михаил Александрович Шмыров. Было принято решение выпустить фашистов из окружения. Об этом сообщает и офицер М. Сушевский:

«Тогда наше командование решило сделать фашистам «коридор», чтобы они могли выйти из поселка. И когда колонны танков и самоходных орудий, бронемашин и автомобилей ринулись в этот «коридор», мы открыли беглый фланговый огонь и подожгли несколько танков и машин. Испуганные засадой фашисты бросили технику и побежали в степь в юго-западном направлении. В балках среди степи в районе заповедника враг нашел свой бесславный конец».

Михаил Александрович Шмыров, продолжая воспоминания об этом бое, рассказывает, что рано утром. Когда еще господствовала темнота, а мороз пробирал до костей, они услышали шум моторов.

А потом за эти шумом последовала команда лейтенанта Б. П. Резник: «К бою!» Его команду для своего расчета дублирует и Шмыров. Начали появляться и силуэты танкистов. Вновь команда:

— Бронейным снарядам не стрелять! Подпустить на прямую выстрел!

А это значит, что нужно подпустить на расстояние 300–500 метров, чтобы стрелять прямой наводкой, когда снаряд не успевает набрать траекторию. Жуткие были эти минуты. Бойцам еще не приходилось так близко видеть перед собою танки, которые движутся прямо на тебя. И не один танк, не два, а много. Сомнения свернули голову: возьмет ли снаряд броню танка, будет ли попадание по машине?

Одним словом, говоря откровенно, не один солдат, глядя на движущуюся смерть, в том числе и Шмыров, прощался с жизнью. А отступать было нельзя, отступить это тоже смерть. Оставался только один вариант: уничтожить врага. Наконец, долгожданная команда:

— Прямой наводкой, по головному танку, бронейным, огонь!

Два орудия вздрогнули одновременно. Врану все увидели, как вспыхнули два танка. Остальные повернули назад. За ними побегла пехота. По убегающим начали стрелять осколочными.

Что тут началось после такой победы! Солдаты кричали: «Ура!» обнимали друг друга. Появилась уверенность в себе, в своем будущем. Тут уже снарядов не жалели. А когда фашисты вошли в лесную зону,

начали гнать по всем правилам, уже не опасались, что снаряд может попасть в какой-нибудь жилой дом, где напиши люди.

Полковник Смакотин в книге «От Дона до Берлина» пишет, что к рассвету 16 января 1943 года на южной окраине поселков вдоль дороги на Миллерово противник сосредоточил на узком участке до 20 танков и самоходных артиллерийских установок. Подтянув большое количество грузовых автомобилей, противник построил оригинальный боевой порядок: 10 танков развернулись в боевую линию в 10–15 метрах друг от друга, на флангах по два танка и по две самоходные установки в 8–10 метрах друг за другом. Внутри образовавшегося своеобразного кара в два ряда разместились автомобили, на которых были установлены автоматчики. В центре вдоль дороги вытнувшись обозы. В таком построении враг сохранившимися силами предпринял попытку прорвать фронт окружения и вырваться. В 3 часа 45 минут после сильного артиллерийского налета противник смял подразделение 170-го гвардейского стрелкового полка и отбросил на запад от Ясного Промня.

«Ночь на 16 января. — вспоминает П. Калинин, подполковник в отставке, бывший офицер 57-й гвардейской дивизии, — выдалась морозной и светлой. Лейтенант Николай Лысаков никак не мог согреться, мороз призывал шнур, забираясь в рукава, лез за ворот.

Кое-где постреливали пулеметы, вздымались ракеты, бледно освещая белизну улиц и пустырей. Лейтенант, не спеша, шел по неглубокой снежной траншее. Она была не приспособлена для серьезного боя.

Пойдут немецкие танки — попробуй удержать такую позицию.

— Ну, как ведет себя фриц? — спросил он у сержанта Хамата Шамсиева, который вел наблюдение за врагом.

Молчит, что-то немцы, — задумчиво ответил тот, — наверно, утром нужно ожидать атаку.

Я тоже так думаю. Даже уверен — будет утром прорываться.

Сидеть тут и ждать конца ему нет резона. А вот когда и как они это делают. Нам бы знать не мешало. Жидкая наша оборона, сержант, — как бы с собою рассуждал Лысаков, — пушек нам бы здесь поставить, да хотя бы два, три танка иметь. Оно и немцев стало поменьше, техники у него стало пореже, — говорил, приглушив голос лейтенант. А потом положил руку на плечо сержанта и сказал: На себя нужно рассчитывать. Выдай каждому по две гранаты.

Прислал старшину побольше их подкинуть, но он, как видишь, не приехал, видимо, огня испугался. Наверное, до Берлина думает дойти.

Ну да ладно, нам с тобой Берлин тут. Стоять на смерть, — и легким шагом пошел по траншее.

Не знал Николай Лысаков, что в это время начальник вражеского гарнизона с петерпешнем поглядывал на часы и ожидал назначенной минуты прорыва позиций на участке их 170-го гвардейского стрелкового полка. Не знал лейтенант, что экипаж вражеского танка готовит машину к бою, на пути которого он станет с гранатой в руках, и ценой своей жизни, спасая товарищей, сделает последний шаг в бесмертие.

Рассветную тишину всколыхнул гром артиллерийской канонады. На взвод Лысакова посыпался шквал огня. И не успел еще утихнуть гром канонады, как воздух наполнился сердитым ревом моторов. Выкидывая клубы черного дыма, беспрерывно ведя пулеметный огонь, вражеские танки непреодолимой стеной навалились на лысковцев. Густые шеренги автоматчиков поливали траншею сплошным ливнем свинца. Не было возможности ни подняться в траншее, ни поведать голову — над заснеженным полем властвовала смерть. Но взвод жил, он готовился к двойному бою — с танками, с пехотой противника и со смертью. Но вот над окопами прозвучал звонкий голос взводного:

— Ввод, к бою! Приготовить гранаты!

Содрогалась от скрежета танков, словно живая, промерзала земля. Лейтенант Николай Лысаков, со связкой гранат в правой руке и автоматом в левой, лег на бруствер окопа и проворно пополз в огонь и смерть навстречу головному вражескому танку. Прохот боя, свист пуль — все пропало, все утратило свою сущность. Все сосредоточено на одном — преодолеть живым десяток метров и точно встать в связку гранат в стальное чудовище, не промахнуться, не пропустить мгновения. И когда к танку осталось десяток, полтора шагов и его прохот вдруг оглушил гвардейца, гвардии лейтенант рыком швырнулся на ноги и метнул в танк связку гранат. Чудовище споткнулось перед кустом огня и зацедило черным дымом. Скошенный окатышем упал в почернелый снег лейтенант Лысаков. Истекая кровью, он не шел силой опереться на руку, поднять голову и прохрипеть свист кровавую пену:

— Стойте, хлопцы, твердо. Бейте проклятых фашистов. Я упал лицом в снег.

— Гады! Звери! — хрипел сержант Хамат Шамшев, идя навстречу танку. — Подходи ближе, шайтаны, померимся силами.

Полулежа, собрав всю свою силу, ненависть и боль за командира, сержант кинул под гусеницы танка связку гранат.

Грозно двигались два танка на окоп комсомольца Федора Сурина. Один из них гвардеец остановил гранатой, а другой танк накрыл комсомольца. Но танк не сумел отойти от окопа и пяти метров. Он остановился и запылал от гранаты, брошенной рядовым Николаем Павловичем Смирновым.

Десять из четырнадцати лысковцев полегли на поле боя, но фашистские танки не прошли через их позиции. Подбитые танки пылали, окутываясь черным дымом, а те, что уцелили, повернули под защиту домов и улиц.

«В полночь, — вспоминает П.Калинин, — фашисты сумели смять оборону подразделений 170-го гвардейского полка и вырвались в направлении села Журавское. Когда был ранен командир полка гвардии майор И.В.Мальцев, было утерян управление подразделением, а резерв корпуса опоздал на место боя.»

Бывший комбат 170-го полка 57-й гвардейской стрелковой дивизии И.Яюс вспоминает, что утром враг, построив в боевую колонну около 20 танков, поставив за ними автоматчиков и пулеметчиков, пошел на батальоны 170-го полка. Над полем боя густой стеной стоял пороховой дым. Бойцы батальона умирали под пулями и танками, но не сдавали позиций. А враг сулил и сулил обреченной, опытной от шипящих и боя неисчислимой массой. Его ударные подразделения смяли правофланговую роту и устремились по балке в направлении совхоза «Шахтер». Комбат И.Яюс приказал бойцам сосредоточить огонь по флангам, чтобы как можно больше истребить фашистов. И поднял батальон в атаку. Как ворвались бойцы в поселок Меловое, он уже не видел, был ранен и контужен.

В этом бою, по словам комбата, они не сумели удержать превосходящие силы противника, и он выскользнул из кольца окружения.

«Не встречая должного сопротивления, — пишет полковник Смякотин, — танки и пехота начали продвигаться вперед. Решив, что оборона на этом участке прорвана, остатки гарнизона мелкими группами устремились к месту прорыва.»

И все же фашисты далеко не ушли, их в степи добила моторизованная часть первой гвардейской армии.

А А.Ярошенко в книге «В бой шла 41-я гвардейская» говорит, что полка численностью в 4 тысячи человек, имея впереди танки, прорвалась через боевые порядки 57-ой стрелковой дивизии и

устремилась к Стрельцовке. (САМО ф.4 гв. ск. оп. 7987, л. 468, л. 94) Артиллерия и «Катюши» открыли по колонне такой огонь, от которого все смешалось. Противник понес огромные потери. И все же довольно большой группе танков и машин с пехотой удалось дойти до Стрельцовки. К селу она подошла утром.

На ее пути стояли батареи 89-го гвардейского артиллерийского полка. Артиллеристы открыли огонь по колонне. Танки и автомашины свернули с дороги и попали на заболоченный участок у реки. Многие из них застряли. Батарея гвардии лейтенанта А.И.Кречета обстреляла машину на мосту и разрушила мост. Там образовалась пробка. Артиллеристы сосредоточили огонь по колонне, нанося фашистам огромные потери.

В этот момент появились 9 гитлеровских бомбардировщиков «Ю-87» и стали пикировать на батарею, но артиллеристы не прекратили огня. Погиб политработник И.Антипов, военфельдшер И.Петрова, многие бойцы были ранены. Погибшего фельдшера заменила девушка из Новострельцовки Татьяна Бондарь, которая на протяжении всего боя помогала перевозить раненых. Об этом написано в книге всего несколько слов, а на самом деле картина бомбежки была ужасной. Татьяна Яковлевна Лопухова (девичья фамилия Бондарь) об этом вспоминает более подробно.

При освобождении сожгли их дом и все, что было во дворе. Спасибо солдатам, они успели выгнать из горящих сараев корову и теленка, овечек, птица вся погорела. Остался только погреб — солдаты на крышку набросали земли. В их саду остановилась артиллерия. Семья в это время находилась в погребе у соседней Лытченковых. В доме стояли артиллеристы. Татьяна Яковлевна помогала фельдшеру перевязывать раненых, носить их через дорогу на носилках, там у них находился медсанбат. Одна бомба попала в дом, где находились артиллеристы. У них в это время проходило собрание. Дом рухнул и привалил всех. Солдаты, которые были на улице, стали быстро откапывать. Откопали всех, но были раненные и контуженные. Военфельдшер И.Я.Петрова, капитан Антипов, помощник старшины кузнецов, артехник и рядовой успели выскочить из дома, и их всех сразили осколки бомбы. Четверых убило на смерть, а военфельдшеру Петровой попало в пах и распорол живот. После страшных мучений она скончалась. Всех их пятерых похоронили в саду у Бондаревых. Потом, спустя 30 лет, эти останки перевезли в братскую могилу.

Напряженный бой шел у села Великоцк. Отражая атаки противника, орудийный расчет гвардии сержанта А.Г.Мельникова подбил два танка и разбил три автомашины с пехотой. Расчет комсомольца гвардии сержанта И.А.Каминского подбил танк и уничтожил два взвода пехоты. Также мужественно и умело сражался расчет сержанта П.И.Сучкова.

Алексей Иванович Кречет, вспоминая эти дни, говорит, что, прорвав кольцо, Чертковская группировка, минуя Великоцк, двинула на Стрельцовку. Но в Стрельцовку не пустили их наши батареи и пехота. Противник пошел в обход Стрельцовки к реке Камышная, но не сумел преодолеть заболоченных участков, запрудив гати и дороги разбитой техникой. Во второй половине дня «свинья», так называет Кречет колонну немцев, выстроенную таким порядком, начала приближаться к огневой позиции подразделения с тыла. Один взвод повернул гаубицы назад и открыл огонь. Продвижение «Свиньи» замедлилось. Гаубичная батарея стала немцам поперек горла. Наблюдательный пункт был на кладбище. Курган, северо-западная окраина села подвергались обстрелу «Ванюш» и тяжелые орудий. Связь непрерывно рвалась, и командир батареи Кречет Александр Иванович всех разогнал на линию и управлял огнем один. Разрыв тяжелого снаряда завалил Александра Ивановича на бруствере землей. Пришедший с линии сержант Пшеничный откопал командира, и он продолжил управлять огнем. Батарею грозила близкая гибель. Но в этот момент к огневой позиции батареи подошел дивизион «Катюш» и танки. После залпа «Катюш» танки пошли в атаку.

Бои не стихали. Фашисты рвались к Беловодску. Наши поставили задачу: не выпускать из окружения ни одного гитлеровца. Тогда гитлеровцы направили свой удар в направлении села Калмыковка. Но тут их встретила 13-ая гвардейская танковая бригада.

Отступающие двигались в беспорядке. А когда дошли до Калмыковки и Моисеевки наши части нанесли им окончательный разгром. Помогли им завершить разгром сами же немцы. Отступающие двигались по левой стороне реки, пологой, а немцы стояли на правом крутом берегу, и когда увидели, что движется колонны каких-то войск, они, не разобравшись, открыли огонь по своим. Что тут творилось! Немецки охотно сдавались в плен, а немцы свирепствовали и на месте расстреливали их.

Колхозник Федор Самойлович Пасечник вспоминает, что тяжелые бои велись за высоту, что рядом с Калмыковской школой.

Фашисты обстреливали всю окрестность села. Высота несколько раз переходила из рук в руки. Потом подошли наши артиллеристы вместе с гитлеровскими минометами. «Катюша» несколько раз дала залпы по противникам, они не выдержали и оставили высоту. Село было освобождено.

Жительница села Стрельцовки Т.Великокая помнит освобождение села Стрельцовки, словно это было вчера. Перед ее глазами стоит такая картина. Морозный день. Где-то в обеденной поре в село потянулись группы людей мало похожих на военных. Фашистские вожаки напялили на себя всякое барахло — пальтки, пальто, коврик — спасали себя от холода. Они врываются в хаты, тянули к печкам красные от мороза руки. Некоторые, не выдерживая болшей отходящих зашпор отморозенных рук, плакали. И хоть сами были в плачевном состоянии, жителей не жалели — били прикладами, не пускали в хаты, грабили последнее.

В селе был такой случай, рассказывают жители, что перед наступлением наших частей на Стрельцовку фашисты раскрыли нашего разведчика, и им удалось взять его в плен. А когда наступление началось, разведчику удалось вырваться из плена и спрятаться в погребе среди колхозников. В погребе в это время укрывалось человек одиннадцать. Немецкие солдаты могли в любую минуту заглянуть в погреб и распознать его. Тогда жители одели его в женское платье, завязали его платком, а одна женщина дала ему в руки своего грудного ребенка. И действительно, гитлеровцы вскоре ворвались в укрытие, но не найдя среди колхозников советского разведчика, убрались воевать. А тут началось наступление, и наши освободили Стрельцовку. Молодой разведчик вместе с ними ушел в бой. Все это произошло так неожиданно, что никто не узнал даже имени бойца.

Фашисты бежали на Беловодск. Сбылись, наконец, надежды родные воины пришли в село, принесли радость. Люди попылазан из погребов, разожгли в хатах огонь, все, что осталось, несли освобожденителям, угощая их с радостью. Гостеприимно запрашивали бывшие погтерья у домашнего очага, просили за стол: чем богаты, тем и рады.

Бойцы, в свою очередь, обнимали колхозников, благодарили за гостеприимство и сердечность и спешили в степь за село, там вели бой.

Район был свободен.

Семь суток шел напряженный бой с гарнизоном противника в селах вокруг Мелового. Враг понес большие потери. Только часть

ой гвардейской стрелковой дивизии уничтожили 1500 солдат и офицеров противника и взяли в плен 1750, подбили и сожгли 28 танков и 500 автомашин.

Однако, несмотря на стойкость и мужество советских воинов, нашим частям не удалось полностью уничтожить находящегося в окружении противника, хотя они и заняли 16-го января поселки Чертово и Меловое.

Немецкие и итальянские дивизии, располагая еще значительными силами и имевшие большие запасы боеприпасов и горючего, так как в поселках находились склады, своими семидневными контратаками, совместно с танками прорвали фронт окружения наших войск, оттеснили их в юго-восточном и северо-западном направлениях и, вырвавшись из окружения, отступили на юго-запад. (М.П.Смакотин «От Дона до Берлина»). Советские войска преследовали врага.

ЯЗЫК ДОКУМЕНТОВ И ФАКТОВ

Фашистские захватчики на территории Меловского района хозяйствовали всего шесть месяцев, с июля 1942 года по январь 1943 года. За это время гитлеровцы совершили много зла, нанесли тяжелые раны народному хозяйству. До прихода советских войск все хозяйство было разрушено. Как свидетельствуют документы, в селе Никольском гитлеровцы нанесли урон на сумму 350780 рублей. Кроме этого, было уничтожено имущества на 10 тысяч 683 рубля, хозяйственных построек было разрушено на 136 тыс. 800 рублей, а домов колхозников на 30 тысяч 400 рублей. 15 августа 1942 года было разрушено здание сельского совета, по распоряжению итальянского коменданта в клубе сорваны полы, двери, окна и разобрана печь. Комендант аэродрома распорядился разорвать церковь, а кирпич, железо, доски были вывезены на аэродром. Немецкие солдаты разбирали хозяйские сараи, грабили население.

Документы свидетельствуют о том, что в артели им. Луначарского Никольского сельского совета гитлеровцы забрали у колхозников 14 коров, 27 свиней, 4 овцы, брали пшеницу, муку, одежду. В этой артели разграблено почти половина хозяйств колхозников.

Но не только один этот колхоз пострадал от хозяйствования новых хозяев. В артели «Червона Украина» немцы разрушили 36 колхозных строений и животноводческих ферм, забрали 150 голов крупного рогатого скота, 69 голов свиней, 84 овцы, 99 лошадей. Всего колхозу был нанесен ущерб на сумму 6 миллионов 780 тысяч 814 рублей.

Стрелцкому конному заводу нанесен убыток 170 тысяч 200 рублей, уничтожены конюшня, двухэтажное здание школы, электрическая станция и десятки жилых домов. Фашисты забрали 150 голов племенных лошадей и 450 голов разного скота. Все эти цифры красноречиво говорят, какими хозяевами были на нашей украинской земле чужие земцы.

Все эти цифры красноречиво говорят, что настоящим хозяевам жилдось при немцах не сладко, их обождали не только от конносаров, но и от личного имущества, скота, права на жизнь. Их пребывание району обошлось в сумму 273 миллиона 579 тысяч 173 рубля.

Но вот территория района очищена от непрошенных гостей. Самым важным заданием перед жителями района стала задача по возрождению разрушенного хозяйства, дать больше хлеба и других продуктов питания для фронта.

Весенний сев в 1943 году проходил в тяжелейших условиях прифронтовой полосы. В Луганской области еще слышно было гром канонады, а сельские труженики по бездорожью на разбитых возах доставляли семена для весенней посевной. Самоотверженный труд хлеборобов увенчался успехом: высокий урожай был выращен. В тот год хозяйства района продали государству 25625 пудов хлеба. Дополнительно из собственных излишков было сдано 5281 пуд зерна.

Государство уделяло большое внимание возрождению народного хозяйства в районе. Колхозы и совхозы Луганской области получили большую помощь от государства. Для выполнения плана осеннего сева 1943 года хозяйства области получили 9058 тонн зерна озимых культур. Много колхозов были полностью или частично освобождены от сдачи государству по обязательным поставкам.

Большую помощь оказали братские народы России. 18 сентября 1943 года колхозники сельхозартели «Пламя» Раменского района

Московской области прислали колхозу Меловского района 20 телят и на 100 гектар семян капусты. От трудящихся Башкирии район получил лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней. Из других республик район получил оборудование для машинно-тракторных станций. В 1944 году машинно-тракторные станции получили тракторы из Башкирии, Казахстана, Саратовской, Пензенской и других областей Российской Федерации.

Великая Отечественная война забрала всех мужчин на фронт. Основной рабочей силой на селе были женщины. В районе около 300 женщин работали трактористками и комбайнерами, председателями колхозов — 9, бригадирами — 54, звеньевыми — 416, в животноводстве — 200, специалистами сельского хозяйства — 56. За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны много женщин было награждено правительственными наградами. Среди них колхозница артели им. Свердлова Марфа Сергеевна Зюбенко, работницы конзавода №60 Лидия Сергеевна Долгушина, Мария Павловна Кольчешкина, трактористки Мария Яцун, Варвара Кольченко, Анна Кольченко, Ольга Швец, Наталья Ткаченко, Софья Лопатка и много других. Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ были награждены комсомальки Александра Голодна (колхоз «Коммунар»), Александра Бондар (конзавод №60), Мария Склярова и Мария Крикун (п. Меловое). Это, конечно, неполный список женщин, которые отдавали все свои силы, весь свой труд для того, чтобы наши воины быстрее добились победы над врагом.

Возрождение Донбасса — это одна из славных страниц в истории нашей страны. Она началась в феврале 1943 года, сразу же после освобождения некоторых районов Луганской области.

Трудящиеся Меловского района тоже брали активное участие в возрождении «Всесоюзной кочегарки». В декабре 1943 года для восстановления только одной шахты «Западный Чурилин» от Меловского района была отправлена бригада в составе 50 человек, 25 подвод, 10 комплектов кузнечного и слесарного инструментов. Кроме того, шахтерам было отправлено на мяско крупный рогатый скот, свиньи, 5 тонн картофеля, 50 пар рукавиц, 86 пар обуви и 28 чугунных печек. Посланцы района самоотверженно трудились на восстановлении шахты. В социалистическом соревновании первенство заняли многие наших земляков.

В военные годы нелегко было восстанавливать народное хозяйство: не хватало техники, рабочих рук, живой тяговой силы. Но сельские труженики работали с удвоенной энергией. Результаты их самоотверженного труда увенчались успехами: уже через год после освобождения трудящиеся района рапортовали о том, что в районе восстановлено 49 колхозов, две машинно-тракторные станции, 84 животноводческих фермы, на фермах удерживается 7138 голов скота.

В 1943 году колхозы сдали государству около 32 тысяч 944 центнера зерна сверх плана, 28 тысяч пудов мяса, 1247 пудов овощей и много другой сельскохозяйственной продукции тоже сверх плана.

О том, как росли и крепки колхозы, как восстанавливалось хозяйство, можно убедиться на примере артели имени Фрунзе. Изюженные захватчики в этом хозяйстве не оставили ни одной головы крупного рогатого скота, ни одной лошади. Все хозяйственные строения были разрушены. Но благодаря помощи государства, самоотверженному труду всех членов этой артели и братской помощи соседей русские, уже в 1948 году в колхозе было 14 коров, 34 свиноматки, 14 лошадей, посеяно 360 гектаров зерновых.

Через пять лет в этом хозяйстве уже колосилась хлеба на площади 1628 га, на фермах было 770 голов крупного рогатого скота, 888 голов свиней, 968 овец, валовой надой молока составлял 190074 литра. С каждым годом это хозяйство поднималось вверх. Менялась экономика колхоза — зажиточней становилась жизнь тружеников села.

СИЛА ПОДВИГА СВЯТОГО

Мемориальный комплекс «Украина-освободителям» и величественный монумент матери и солдата — это памятник Украине-матери и солдату-освободителю многострадальной Украины.

Долго ожидал солдат этой встречи. И вот она настала. Газета капитан Дорошенко остановил свою грозную машину. Он сошел на землю, а за ним сошли и его боевые друзья — весь экипаж танка. Они посмотрели на карту, посмотрели вокруг. Дорошенко еще раз посмотрел на карту и медленно начал снимать шлем. «Все снял шлемы, — писала газета, — молчаливые от волнения и счастья. Тут началась украинская земля. Это была родная земля»

Завтра они со своими товарищами по оружию пойдут в атаку, освобождая первый населенный пункт Украины.

Первым районным центром на Украине было Меловое. Вот оно — рукой подать, а придется отвоевывать у фашистов каждый дом, каждую улицу, каждый клочок украинской земли. Враг превратил Меловое в своеобразную крепость. Вся местность хорошо просматривалась и хорошо простреливалась. Бой будет жестоким. И многим придется отдать свою жизнь в этом поединке с ненавистным врагом.

Вперед! бой, вперед! смерть. Но там вперед и Украина, там матери и жены, там братья и сестры, там вся родня, и она ждет своего освободителя.

Солдат взмошел на курган, повесил на плечо автомат, снял головной убор и зажал его в правой руке. Радостью блестели его глаза: здесь начинается его Украина, первая пядь родной земли! И он даже не заметил, как к нему подошла женщина и припала к его груди в знак глубокой материнской благодарности воину-освободителю.

А может быть, в основу композиции легла первая встреча с разведчицами жительницы села Пивневка Татьяны Семеновны Дачки, это она первой увидела воинов Красной Армии и прислонилась к груди воина-освободителя. Она была первой из многих миллионов матерей многострадальной Украины.

Так застыли они в бронзе: солдат с мужественным лицом и повзвевшая от горя, пережитого в дни оккупации, женщина-труженица, вложившая в эти объятия всю свою невысказанную радость и надежду.

Украина-мать встретила своего героя, сына. Прообразом матери, стоящей на пьедестале, могла бы быть и Матрена Лазаревна Николаева, мать пятерых детей, дом которой смотрит окнами на памятник, и до самой смерти ей будет казаться, что на курган взмошел ее меньший Василий. Это она припала к его груди. А он приласкал ее, как этот каменный солдат на кургане над Меловым, поцеловал в голову и сказал: «Не плачьте, мама! Разобьем фашистов, и я вернусь».

Но не вернулся младшенький, не вернулись и другие сыновья, погибши в боях за счастье многих матерей Западной Европы.

На месте матери-Украины, обнимающей своих сыновей, видят себя многие матери Меловщины. Они также могли бы стоять в ее образе на этом кургане.

Огромные потери понесли целые крестьянские роды и династии. Так из села Морозовка погибло 27 представителей рода Брылей, из села Калмыковка 24 человека из рода Хрипка не вернулись домой, погибли 27 человек из рода Кононенко. В село Стрельцовку не вернулись 26 членов династии Гребенюков. В селе Пивневка 24 «похоронки» получили Рубаны, 17 — Николаенко, 14 — Половинко, 12 — Медведьки ...

Всем их матерям место на пьедестале.

Монумент в Меловом сооружен по решению ЦК КП Украины и Совета Министров УССР в честь освобождения Советской Армией первого населенного пункта Украины.

Авторами его стали Ворошиловградские скульпторы и архитекторы: заслуженные деятели искусств УССР Виктор Иванович Мухин и Василий Харлампиевич Федченко, архитекторы Г.Головченко, А.Егоров, И.Минько, скульпторы Иван Михайлович Чумак и наш земляк Илья Пантелеевич Овчаренко.

Героями произведений И.П.Овчаренко являются люди, прославившие донецкий край — вояка казачьей вольницы Коноратий Булавин, писатель Всеволод Гаршин, замечательный врач, профессор, почетный гражданин Луганска С.П.Петруня.

И.П.Овчаренко подарил своим землякам в музей с. Моисеева 34 планшета со своими работами: «Автопортрет», «На могиле друзей», «Инженер Юлия», «Трактористка» и другие.

10 марта 1973 года авторы монумента в Меловом были удостоены Государственной премии Украинской ССР имени Шевченко в области разительного искусства.

7 мая 1972 года, погожее майское утро. Над Меловым развеваются флаги всех союзных республик. Со всех концов Луганщины съехались в Меловое ветераны Великой Отечественной войны на открытие мемориального комплекса в честь начала освобождения Украины от гитлеровских захватчиков. Гостей съехалось более тысячи. На груди каждого серебром и золотом сияют высокие награды Родины, отметившей их боевые и трудовые подвиги.

Наша Луганщина вырастила немало героев. 192 луганчанина удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них и уроженец села Великощ Николай Назаренко. Многие носят на груди золотые звезды Героев Социалистического труда.

7 мая в поселок Меловое приехало немало героев Советского Союза, кавалеров орденов Славы трех степеней, Героев Социалистического труда.

В этот день в строю перед монументом стояли Герои Советского Союза Алексей Иванович Черкасов, Павел Мартынович Воронин, Николай Яковлевич Любарский. Кем они были в годы войны? Солдатами, беспредельно преданными Отчизне, стойкими и смелыми в жестоком бою. Кто они сейчас? Трудящиеся, отдающие свои силы общему делу. Алексей Иванович Черкасов в годы войны был сапером, сооружал переправы через водные рубежи, делал проходы по пачиленным смертями мишным полям. В мирное время он работает на шахте №1—2 Горская.

П.М.Воронин — бывший командир танка, а сейчас инженер на одном из предприятий г. Луганска.

Бывший кавалерист седьмого гвардейского корпуса Иван Фомич Чернухин безупречно работает на Луганском мелкомбинате, обеспечивая наших людей самым насущным — хлебом.

М.Я.Люберский на войне был броньбойщиком, сейчас он электрик на Свердловской шахте «Красный партизан».

В парадном строю перед монументом Герои Советского Союза Федор Степанович Клейбус, Василий Дмитриевич Стасюк, Данил Игнатович Дзюбанов.

Среди гостей были полные кавалеры ордена Славы трех степеней. За годы войны всего около двух тысяч воинов удостоены ордена Славы трех степеней. Среди них около 20 луганчан, а среди этих двадцати наш воин, рожденный на Меловщине Харитон Александрович Лышенко. На открытие монумента приехали Виктор Николаевич Кривоногов из Коммунарска, Илларион Константинович Мигунов из

Калиевки, Иван Матвеевич Уваров из Брянки, Егор Дмитриевич Семенов из Кировска, наш земляк Х.А.Ляшенко.

Большинство наших гостей не принимали участие в боях за освобождение Мелового, но они очищали от гитлеровцев наши города и села, освобождали народы Европы от фашизма. Они собрались в парадные колонны перед монументом, чтобы продемонстрировать силу духа и характера советских людей, величие народного подвига и братской дружбы, чтобы отдать дань памяти всем тем, кто не дождал до этого дня и кому на века поставлены памятники и монументы на просторах нашей Родины.

Почетными гостями на празднике были представители трудящихся Чертковского района Ростовской области, бывшие воины гвардейских дивизий, освобождавших Меловое.

На торжественный волнующий праздник прибыл заместитель председателя Верховного Совета УССР С.Е.Стеценко

По площади перед монументом идут колонны со знаменами и транспарантами. Это представители всех городов и сел Луганской области и соседних Чертковского и Кантемировского районов, производственники и школьники. Глядя на все это, чувствуешь, какой несравнимо дорогой была первая отвоёванная пядь украинской земли. Тут начиналась Украина, отсюда шло освобождение.

...В парадном убранстве центральная площадь поселка. Честь открытия монумента предоставляется первому заместителю председателя Верховного Совета УССР С.Е.Стеценко. Падает белое покрывало, гремит артиллерийский салют. Перед взором собравшихся — символическая композиция солдата-освободителя и матери-Украины с надписью «Украина — визволителям».

Многолюдная площадь притихла на несколько минут. Начался митинг.

«Наш торжественный митинг проходит в преддверии праздника Великой Победы, — сказал на митинге С.Е.Стеценко, — как и те годы таким же ясным и солнечным было то, теперь уже далекое, утро 9-го мая 1945 года — утро нашей долгожданной Победы. От этой незабываемой весны минуло 27 лет. Но сколько бы не проходило лет и десятилетий, в сердце и памяти народной не сотрутся те полные мужества и героизма 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны, на протяжении которых советским людям довелось бороться с немецким фашизмом.

В орбиту второй мировой войны была втянута 61 страна с населением один миллиард 700 миллионов человек. И потому победа Советского Союза, которую он одержал над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, имеет всемирно-историческое значение. Всему миру известно, что именно советский народ вынес на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны.

Сооружение монумента является выражением нашего глубокого уважения ко всем тем, кто не жалея жизни, освобождал Советскую Украину. Минут десятилетия, на смену нам придут новые поколения людей. А сюда, к этому памятному месту будет приходить, и приходить внуки и правнуки героев.

Величественный монумент будет всегда вдохновлять их на героические свершения», — закончил свое выступление на митинге С.Е.Стеценко.

Выступает бывший командир 57-й гвардейской стрелковой дивизии, которая в 1943 году принимала участие в освобождении Мелового, сейчас почетный гражданин п. Меловое, генерал-майор в отставке А.П.Карпов.

На митинге выступили первый секретарь Меловского райкома КПУ П.Я.Скляров, Герой Советского Союза Н.А.Воробьев, Герой Советского Союза И.С.Депутатов, первый секретарь райкома КПСС А.С.Белюсов, студентка Меловского ветеринарного техникума Ниша Усенко и депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Ворошиловградского обкома КПУ В.В.Шевченко.

Выступления закончились. Бронетранспортер подвозит на площадь гирлянду Славы. Под звуки торжественных мелодий будущие войсковые штурманы кладут ее к подножию монумента.

Внимание участников праздника привлек еще один бронетранспортер, который приближается с факелом Вечного огня, взятым у памятника борцам Революции в Ворошиловграде. Отныне этот огонь будет гореть на братской могиле воинов, погибших, освобождая от прага первые метры украинской земли.

Принимаются приветственные письма в адрес Центральных Комитетов, правительств Советского Союза и Украины.

После принятия приветственных писем митинг закрывается. Звучат мелодии государственных гимнов Союза и Украины. Торжественно почетным шагом проходят воины Ворошиловградского гарнизона. Среди них сыны братских народов советской страны.

Члены бюро обкома КПУ, Меловского райкома партии, почетные гости кладут венки на братскую могилу воинов-освободителей, к мемориальным доскам, на которых выбиты их имена. Вот венки с надписью: «Воинам-героям, погибшим в годы Великой Отечественной войны от ЦК КП Украины и правительства УССР».

Живых цветов все больше и больше. Они сияют пламенем под лучами майского солнца, и кажется, что это не красные тюльпаны и не пламенные листочки роз — это капли крови советских воинов, которой тогда в январе 1943 года была орошена меловская земля.

На плитах мемориального комплекса навечно вылиты имена воинов 35-й, 41-й, 57-й гвардейских стрелковых дивизий, погибших смертью храбрых при освобождении поселка. Они отдали самое дорогое — жизнь. Отдали ее ради жизни на земле, ради счастливого будущего.

Вчитаемся внимательно в их имена, вылитые на плитах. По ним мы узнаем, что в боях за освобождение первого районного центра Украины смертью героев погибли сыны многих национальностей. На плитах мы встретили фамилии Михаила Азрипова, Павла Бокова, Ивана Демидова, Василия Романова, Сергея Павлова, Василия Федотова, Федора Андреева и многих других россиян. Москвичи, Ленинградцы, саратовцы, сибиряки, вологодцы, рязанцы...

На плитах украинское имена: Николай Иващенко, Иван Нагорный, Дмитрий Титаренко, Кузьма Вакуленко, Захар Дудка. Родом они из Сумской, Запорожской, Киевской, Одесской областей. Они не дошли до своих сел. Вражеская пуля прервала их путь, но вместо них дошли другие.

Среди имен и фамилий, выбитых на каменных глыбах, вы найдете белорусов Петра Пенязя, Романа Родькова, татар Вазия Бактинова и Сафи Хайрулина, казахов Каира Кулова и Гальмата Диметова, туркмена Тайлака Айнаева, калмыка Саха Ахметпина, киргиза Азиза Матхаликова, грузина Шота Татарашвили, азербайджанца Мимея Сариева, армянина Мурата Шуумьяна, башкира Василия Цыганчуваша Семена Евдокимова, узбека Аквара Касимова, мордвина Михаила Бузаева, адыгейца Учужук Арданова, марийца Панфила Инушкина, молдованшину Михаила Ерхана и воинов других национальностей страны.

На 27 мемориальных блоках нанесены имена павших героев 1067 фамилий, оставшихся вечно на нашей земле.

Скульптурная композиция на холме Славы, расположенного в центре поселка Меловое, мемориальные блоки и братская могила, в которой покоится прах сотен освободителей, не завершают мемориальный комплекс. Внутри постамента-памятника, внешне напоминающего блиндаж, находится музей боевой славы, музей-землянка. Тут экспонируются документы и снимки времен войны и освобождения первой пяди украинской земли от немецко-фашистских захватчиков, оружие и снаряды, личные вещи бывшего командира 57-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Карнова.

Большое впечатление оставляют снимки армейских коммунистов: прием в члены партии на фронте, в частях бравших участие в боях за освобождение мелового от фашистов, пробитый пулеметом партийный билет № 2535823 коммуниста Никулина Андрея Андреевича.

Экспозиция музея-землянки убедительно рассказывает о мужестве, героизме и патриотизме советского народа. Тут — широко известный плакат грозного и трагического 1941 года «Родина-мать зовёт».

Никого не оставляет равнодушным, обогативший страницы многих газет мира, фотоснимок «Комбат», снимки парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, атакующих воинов Красной Армии, стреляющих «Катюш», торжественного вручения 57-й гвардейской дивизии Красного Знамени в декабре 1942 года в селе Машково Ростовской области.

Тут — фотографии генерал-лейтенанта бронетанковых войск П.П.Полубоярова, бывшего командира 17-го танкового корпуса, награжденного в боях под Меловым Орденом Ленина, генерал-майора Карнова.

Специальная схема, выполненная на стене музея-землянки, показывает расположение войск и направление основных ударов в районе Мелового. Тут же, у стены музея выставлены найденные снаряды и мины, оружие тех лет, пробитые пулями солдатские каски.

...Идут и идут люди в эти дни в поселок Меловое к монументу «Украина — освободителям». Идут ветераны войны и труда, комсомольцы и пионеры Мелового и соседнего Чертово Ростовской области.

Едут из Луганска, Донецкой, Волынской областей Украины, из Сибири, Алтая, Горьковской, Воронежской и других областей Российской Федерации.

11 января 1975 года приехали представители Чехословакии — строители газопровода Дружба. Молча проходили они у братской могилы, мимо бетонных блоков погибших. Положили венки к монументу и зашли в музей-землянку. Тут они подолгу рассматривали экспонаты и оставили запись в книге отзывов.

Книга отзывов музея-землянки — большой человеческий документ. Вот первая запись:

«7 мая 1972 года. Сегодня народ Советской Украины открыл этот величественный памятник, увековечивающий начало освобождения Советской Украины от немецко-фашистских оккупантов нашей доблестной Красной Армией в декабре 1942 года. Пусть великий подвиг освободителей всегда вдохновляет грядущие поколения при любой угрозе внешнего врага посягнуть на нашу священную землю».

Своими впечатлениями в книге отзывов делится многие из посетителей музея-землянки. Вот запись, сделанная молодыми венесуэльцами — членами комсомола этой страны. Делегации многих областей Украины и других союзных республик оставили в книге свои впечатления.

Вот запись семьи погибшего за освобождение поселка Меловое командира эскадрильи капитана Утюскина Ивана Михайловича:

«Прошло 35 лет, как отгремел последний залп войны, но она не уходит из домов, где хранятся похоронки, где живут инвалиды войны.

Ничто не вечно, как человеческая память. Она не подвластна времени. Пройдут годы, десятилетия, но так же будет гореть на земле вечный огонь, словно живые сердца тех, кто погиб, защищая этот поселок, защищая свою Родину во имя светлого завтра на земле. Большое спасибо за память о погибших, известных и неизвестных героях. Жена, дочери, внуки».

«Я — участница боев за поселок Меловое и Чертково Зверева Вера Григорьевна (бывшая Храпова) в составе 57-й гвардейской стрелковой дивизии, 174-го полка, 1-го батальона комбата Цыганкова, санитарка.

Я посетила ваш музей-землянку, который рассказывает о боевых делах участников боев, и очень благодарна тем, кто это все создал.

Большое, пребольшое спасибо от меня и моей дочери Любы, побывавшей на площади, посвященной воинам-освободителям. Чистота и светлого вам неба и счастливого радостной жизни на благо нашей советской Родины».

«Мы приехали из солнечного Узбекистана г. Ферганы для того, чтобы посетить мемориал. Среди похороненных здесь наш родственник гвардии лейтенант Хисматов Зиянул Хуснулович. Мемориал нам очень понравился. Большое вам спасибо, красивые следопыты, за ваш огромный труд в создании музея и сборе сведений о погибших. Полковник запаса Аднатул Хисматов, г. Фергана».

«Я сын, Николай Роговой, приезжаю на могилу своего погибшего за ваш город отца Рогового Михаила Сергеевича и постоянно благодарен все жителям города за то, что здесь чтят память воинов-освободителей и моего отца. Спасибо вам. Николай Роговой, Георгиу-Деж.

«Мы из Одессы. Посетив музей и монумент, остались довольны вашим гостеприимством. Наш отец погиб при освобождении вашего поселка и похоронен в девятом блоке. Вечная слава героям, погибшим за освобождение поселка Меловое, их имена останутся в наших сердцах. Семья погибшего Пристуна Ивана Гордеевича, жена, сын, невестка, зять».

«Мы приехали из Москвы для посещения братской могилы в селе Новострельцовка, где похоронен наш отец. Возвращаясь из Новострельцовки, мы всей семьей посетили музей и мемориал Славы и очень признательны тем, кто обслуживает этот монумент. Семья Тютеревых из Москвы».

Со времени открытия монумента площадь была настоящим центром работы по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, в особенности молодежи. Сюда шли и идут люди со всех уголков нашей Родины. Идут и едут участники прошлой войны, участники боев за Меловое, чтобы вспомнить друзей, не доживших до Победы. Идут и едут учащиеся и молодежь, чтобы отдать поклон подвигу людей старшего поколения.

Многолюдно было в музее 8-го сентября 1984 года, когда у монумента состоялся многотысячный митинг, посвященный марфонскому пробегу «Меловое-Ужгород» в честь 40-летия полного освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков. В этот день музей-землянку посетило около 2 тысяч человек. Ежегодно посещали музей около 10 тысяч человек.

Свои записи о впечатлениях от монумента, благодарность мелочникам за их память о погибших воинах оставляют родители и близкие погибших.

В настоящее торжество превратилось чествование 100-тысячного посетителя музея. Им оказался ветеран войны, бывший политрук батареи 57-й гвардейской стрелковой дивизии, ныне режиссер документальных фильмов, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Эмир Ибрагимович Файк. Эмир Ибрагимович брал непосредственное участие в боях за Меловое и населенные пункты района.

В этот день сюда пришли отряды красных следопытов Меловской ЦШ №1 во главе с Александрой Семеновной Трофимовой. Из Луганска приехали учащиеся средней школы №20, были приглашены ветераны 57-й гвардейской стрелковой дивизии И.В.Янос, М.А.Шмыров.

По этому случаю в землянке состоялся митинг. Секретарь правления районной организации общества охраны памятников истории и культуры О.И.Беседина тепло поздравила 100-тысячного посетителя и вручила ему памятный адрес и сувенир. Эмир Ибрагимович Файк оставил в книге посетителей благодарственную записку.

Природный ландшафт Меловского района